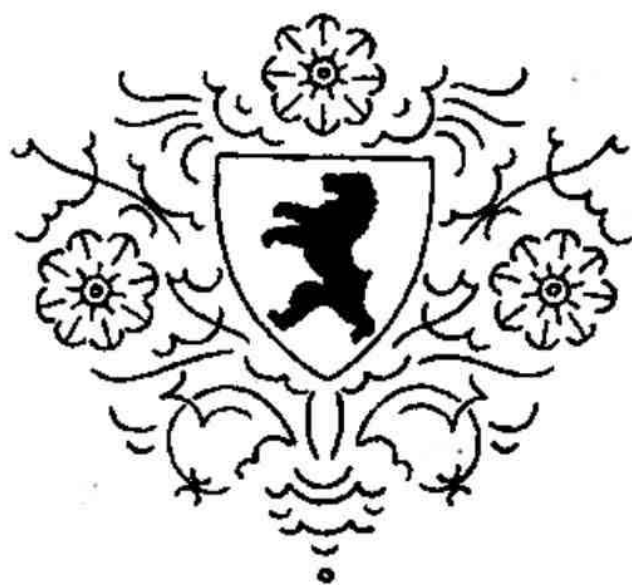

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ

С. К. МАКОВСКАГО

1925

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЛАМЯ ПРАГА

Поводомъ къ этой книгѣ послужила выставка въ Прагѣ «Искусство и бытъ Подкарпатской Руси», организованная прошедшей весною школьнымъ отдѣломъ Ужгородскаго гражданскаго управления. Собирая предметы для выставки, въ качествѣ ея комиссара и «эксперта по народному искусству», я познакомился съ подкарпатскимъ художественнымъ фольклоромъ на мѣстахъ: отъ Новой Стужицы, крайней сѣверо-западной точки «Верховины» (горный районъ, граничащій съ Польшей на сѣверѣ и переходящій къ югу въ долины «Мармароша»), до главнаго села «Гуцульщины» — Ясины, широко раскинувшей крытыя гонтомъ избы свои и плетни у восточной галиційской границы.

Въ поискахъ всего, что такъ или иначе охватывается рубрикой «народное искусство», болѣе полугода я странствовалъ въ этихъ предѣлахъ, переходя отъ одного населеннаго мѣста къ другому вдоль извилистыхъ рѣчекъ, текущихъ къ Тиссѣ. Большою частью пѣшкомъ: желѣзная дорога пересѣкаетъ страну лишь въ одномъ направленіи, если не считать нѣсколькихъ закоулковъ на небольшія разстоянія. Къ тому же и здѣсь, какъ вездѣ, художественно-бытовой колоритъ деревни стирается отъ близости семафоровъ, — поселки и отдѣльные хутора, ютящіеся по отрогамъ Карпатъ въ первозданной лѣсной глуши, крѣпче хранятъ завѣты старинныхъ рукодѣлій.

Въ предисловіи къ каталогу выставки я такъ пояснилъ ея задачи: «столько же цѣль научно-педагогическая — собрать музейный матеріалъ для дальнѣйшаго систематическаго изученія домашнихъ ремеселъ Подкарпатской Руси, въ связи со всѣмъ ея укладомъ, — сколько желаніе популяризовать лучшіе образцы этихъ сельскихъ художествъ и вызвать въ широкихъ кругахъ интересъ къ народу, пронесшему черезъ вѣка поработенія традицію своихъ узоровъ и бытовыхъ навыковъ». Мнѣ кажется, что это главная задача и настоящей книги, выпускаемой русскимъ издательствомъ въ Прагѣ.

Надо ли добавлять, что, упоминая о наукѣ, педагогикѣ, популяризаціи, я разумѣлъ и тогда, составляя каталогъ выставки, высокую художественную оцѣнку подкарпатскаго фольклора? Но высоко цѣнить творчество деревни не значитъ ли признавать его дѣйственность, способность оплодотворять городскую культуру, какимъ бы архаичнымъ оно ни казалось? Вѣдь народное искусство, въ особенности — еще не обратившееся въ музейное воспоминаніе, а продолжающееся и понынѣ, есть живая сила. Въ наши дни такое искусство не только анахронизмъ, но истинно современное очарованіе, оазисъ плѣнительнаго варварства, съ журчащими ключами, среди сыпу-

чить песковъ фабричной цивилизаціи... Красота деревни питается отъ соборнаго духа народнаго, отъ темныхъ его корней, всѣми почвенными соками, трудами безчисленныхъ художниковъ и художницъ, связанныхъ между собою традиціей, изъ поколѣнія въ поколѣніе, съ незапамятныхъ временъ. Это ли не родникъ цѣлебный для искусства городскихъ центровъ, оскудѣвающаго въ пошлостяхъ мѣщанской рутини или отъ слишкомъ личной выдумки? Слѣдовательно: не чрезмѣрное увлеченіе допустить, что «открытіе» подкарпатской деревни можетъ отчасти повліять на современное декораторство и, во всякомъ случаѣ, — укрѣпить въ чуткомъ зрителѣ добрый вкусъ.

Подлинно-народное искусство дальше всего отъ пошлости. Оно восхищаетъ благородствомъ оттѣнковъ и разнообразіемъ въ каноническомъ своемъ коснѣніи. Никогда не вульгарное, потому что все въ немъ отъ полноты народнаго сердца, и всегда согрѣтое творческимъ чувствомъ, какъ бы ни повторяло стародавнихъ образцовъ. Въ этомъ его обаяніе: оно совмѣщаетъ коллективный навыкъ съ неповторимостью оригинальныхъ произведеній, не индивидуализованное — въ нашемъ, городскомъ, смыслѣ — и въ то же время запечатлѣнное личнымъ акцентомъ. Прочнѣйшіе «штампы» деревни не исключаютъ известной свободы выполненія. Напротивъ, именно отъ свободы — неподражаемая прелесть. Каждый разъ то же самое, но чуть-чуть по иному. Народное искусство связано, какъ никакое другое, предписаніями обычая, инертностью крестьянской души и, какъ никакое другое, плѣняется едва уловимыми уклонами, не дѣлаясь ремесленной копіей, не вырождаясь въ бездушный фабрикатъ: ремесло остается искусствомъ. Деревенскій кустарь, въ сотый и тысячный разъ повторяющій предметъ, все же отчасти импровизируетъ, какъ истый художникъ. Въ его работѣ, пусть грубой, пусть до смѣшного подражающей тому, что мастерили раньше отцы и дѣды, всегда ощущаешь живую фантазію творца.

Странствуя по Руси Подкарпатской, я видѣлъ тысячи вышивокъ на крестьянскихъ сорочкахъ и собиралъ коллекціи ихъ по многимъ образцамъ изъ одного села, но ни разу, ни одинаго разу не нашелъ я двухъ паръ совсѣмъ одинаковыхъ «наплечниковъ» или двухъ тождественныхъ «фараметликовъ» (вышитая грудь мужскихъ рубагъ). Въ каждомъ случаѣ что нибудь, да не такъ. Тотъ же узоръ... Нѣтъ — разнообразность, одна изъ безчисленныхъ вариаций на традиционную тему: здѣсь лишній завитокъ, тамъ двойной рядъ «крестиковъ», утолщеніе или суженіе полосокъ по краю орнамента. Даже тканья полотенца почти всегда «индивидуальны» въ этомъ смыслѣ, хоть и механизованы самой техникой, — ткачи и ткалѣи подчасъ импровизируютъ не хуже вышивальщицъ.

Удивительна изобрѣтательность кустаря... Не вѣришь ли сказать — непосредственность? Изобрѣтеніе предполагаетъ сознательное побужденіе: «попробую сдѣлать не такъ, а такъ, по новому». Крестьянкѣ, вышивающей наплечникъ; или гончару, рисующему подобіе гвоздики на глиняномъ горшкѣ, хоть и доступно желаніе «по новому», но не имъ вызваны всѣ «индивидуальныя отклоненія» крестьянскихъ подѣлокъ; тутъ — подсознательная творческая воля (сродни дѣтскому фантаверству) художника деревни, претворяющаго себя, свое наивное чувство, свою близость къ природѣ, полной страшныхъ и ласковыхъ чудесъ, вотъ въ эту протянувшуюся зубчатой волной

«кривульку», вотъ въ эти закрученные «бараньими рогами» или развѣтвляющіеся «папоротникомъ» стежки на холстѣ. Кто расскажетъ задумчивость какой нибудь верховинской или мармарошской «невѣсты» за вышиваніемъ, у окна заметной снѣгомъ хаты, въ долгія зимнія сумерки? Какія волшебныя поросли мерещатся ей въ рисункѣ этихъ разбѣгающихся нитяныхъ тропинокъ, и сколько скрытыхъ думъ, печальныхъ и радостныхъ, вкладываетъ она въ свою работу? Потому такъ трогаетъ насъ эта работа, помимо авторской спѣси, помимо сознанія насыщенная жизнью сердца. И потому не переходитъ въ трафаретное ремесленничество, даже когда выполняется для продажи, а не на домашнюю потребу.

Отношеніемъ къ труду объясняются и другія качества произведеній, созданныхъ мозолистыми руками деревни: техническая прочность, соответствіе формы матеріалу, цѣлесообразность. Эти качества такъ взаимно связаны въ данномъ случаѣ, что и не мыслятся отдѣльно. Творческая непосредственность въ рамкахъ вѣкового преданія — не значить ли прочность, добротность? Можетъ ли быть недобротенъ предметъ, созданный по примѣру столькихъ предшественниковъ, особенно ежели для себя, для своего дома? Бываетъ ли непрочно то, во что вложены неслыханные часы душевнаго бытія? Городъ хитеръ, деревня крѣпка, да и не сравнить ни съ какимъ просвѣщеннымъ умѣніемъ ловкость и силу деревенскихъ рукъ. Унаслѣдованные деревней техническіе навыки обслуживаются по большей части простѣйшими орудіями, зато какой старинный опытъ! Неторопливы эти навыки, дружные съ величавой поступью вѣковъ. Кустарь не скупится на время. Слѣхъ, небрежность начинаются съ массовой фабрикаціи, хотя бы и кустарной, и это — городская зараза. Въ деревнѣ времени достаточно, и течетъ оно медленнѣе, чѣмъ въ городахъ: мысль о быстрой наживѣ не затмѣваетъ радостей труда, завершеннаго до мельчайшихъ, «ненужныхъ» подробностей. Этой заботливой отдѣлкой, подчасъ какъ будто даже излишней, народное искусство умиляетъ не меньше, чѣмъ добротностью своей. И то и другое — отъ щедрости чувства и отъ богатства досугомъ, а также, конечно, и отъ мудрой расчетливости: стоитъ ли дѣлать на живую нитку и не надолго? Прямая выгода — мастерство крѣпкое, безупречное, чтобы сносу не было, и недочеты никогда не кололи глазъ.

Но если предметъ рассчитанъ на долговѣчіе, можетъ ли фальшивить матеріаль, можетъ ли не отвѣчать ему форма? Вѣдь прочность отчасти и обуславливается согласіемъ между матеріаломъ и формой. И далѣе: не является ли такимъ же важнымъ условіемъ прочности цѣлесообразность предмета? Безспорно: у красоты есть своя логика, связывающая искусство съ матеріаломъ, съ прочностью и съ назначеніемъ, — красивое должно отвѣчать своему назначенію. Народное искусство и въ этомъ отношеніи почти всегда урокъ вкуса. Формы его отвѣчаютъ жизненному смыслу. Ничего — на показъ, для ви́шняго эффекта, для излишества. Если бываетъ декоративная несдержанность и даже уродливая диспропорціональность, то это непремѣнно оправдывается бытовой обстановкой, вѣрованіемъ, суевѣріемъ, какимъ нибудь глубоко вѣвшимися пережиткомъ, какой нибудь издали дѣйствующей исторической причиной. По общему же правилу, искусство деревни тяготеетъ къ соразмѣрности и къ скромности.

Въ этихъ добродѣтеляхъ красоты никакъ не откажешь подкарпатскому художественному фольклору. Тѣмъ болѣе заинтересовываешься имъ... не только «этнографически». При выборѣ предметовъ на пражскую выставку, а затѣмъ для настоящаго изданія, я и поступалъ, какъ эстетикъ, которому близка этнографія, поскольку она открываетъ новыя области прекраснаго... Ремесла Подкарпатской Руси, прелесть ея вышитыхъ, тканыхъ и рѣзанныхъ узоровъ, такъ же, какъ пѣсни ея, легенды и сказки, развѣ не таинственная сокровищница?

Таинственная, потому что почти не обследованная до сихъ поръ. Ни съ этнографической, ни, тѣмъ болѣе, съ историко-художественной точки зрѣнія. Научная литература по вопросу, можно сказать, отсутствуетъ. Были попытки, но онѣ или не доведены до конца (мадьярскими фольклористами, наиболѣе освѣдомленными), или носятъ характеръ случайности. Довольно много написано о подкарпатскихъ деревянныхъ церковкахъ и, надо сознаться, много дилетантскаго, но это чуть ли не все. Предметами домашняго обихода и деревянной рѣзбой заинтересовалось нѣсколько украинскихъ и чешскихъ художниковъ, — путевые рисунки ихъ, однако, оставались подъ спудомъ. Не появилось въ печати и систематическаго, по округамъ и селамъ, описанія одеждъ и украшеній (тѣмъ цѣннѣе краткій обзоръ М. Тумовой, приложенный къ каталогу пражской выставки и дополняющій отрывочныя свѣдѣнія, собранныя А. Кожминовой и много лѣтъ раньше — Я. Головацкимъ и Г. Бидерманомъ)¹. Наконецъ, вышивки и ткани, столь характерныя для Подкарпатской Руси, не были подвергнуты стилевому анализу, и не рѣшался серьезно любопытнѣйшій вопросъ о ихъ происхожденіи, въ связи съ несомнѣнной восточностью всего русскаго народнаго орнамента.

Между тѣмъ, «русскій стиль» Подкарпатя, главнымъ образомъ — стиль костюма и вышитыхъ узоровъ, обладаетъ глубокими корнями, помимо всѣхъ болѣе или менѣе явныхъ заимствованій у сосѣдей (иногда и совсѣмъ недавнихъ), помимо разныхъ историческихъ наростовъ и занесенныхъ модъ. Я разумѣю также тѣ корни, что уходятъ въ какую то, отчасти общую для всего славянскаго фольклора, древнюю почву...

Проблема заманчива. Хочется знать, куда, въ какую даль ведутъ тропы этой узорной традиціи, столь говорящей русскому сердцу и, вмѣстѣ, вѣющей восточной пестрядью, древними царствами, приливами азійскихъ ордъ. Куда?.. Не къ мадьярскимъ поработителямъ, тысячу лѣтъ назадъ, — заимствованія отъ нихъ очевидны, но знаменательнѣе то, что не отъ Венгровъ... Куда же? Къ походнымъ кибиткамъ какихъ кочевниковъ, наводившихъ ужасъ на европейское средневѣковье? Не къ Пароянамъ ли и Сарматамъ, какъ думалъ еще Г. Вейсъ, авторъ известной *Kostümkunde*, къ берегамъ Меотиды, Танаиса, Тираса, нижняго Истра, въ воинственную Аланію², въ скифскія равнины, туда, гдѣ славянскія племена, еще задолго до нашествія Готовъ, Гунновъ, Хозаровъ, Угровъ, Половцевъ, Татаръ, смѣшивались съ Финнами, населявшими когда то громадные пространства отъ Балтійскаго и Бѣлаго морей до верховья Днѣпра? Не ведутъ ли эти тропы и дальше вглубь баснословнаго Востока: по карпатскимъ скатамъ къ Черному морю — на омусульманенную древнюю родину Черкесовъ, Кавказъ, и въ Среднюю Азію степью Киргизовъ, и

туда, къ колыбели народовъ, вратами великихъ миграцій, къ голубымъ горамъ Алтая, въ родоначальные просторы Ирана, Индіи, Тибета, Монголіи?

Впрочемъ, этотъ вопросъ о древнемъ происхожденіи весьма сложенъ и, при современномъ состояніи художественной этнографіи, врядъ ли разрѣшимъ. Недостаточно обследовано пока не одно подкарпатское захолустье, но вся территория, занимаемая западнымъ славянствомъ (Галиція, Буковина, Болгарія, Сербія, Хорватія, Чехословакія и пр.). Надлежало бы, приведя въ ясность и расчленивъ стилистически этотъ огромный матеріалъ, сравнить его съ достояніемъ деревни на нашемъ великорусскомъ и малорусскомъ востокъ. Лишь тогда нащупались бы эти въ глубь вѣковъ уходящіе корни. Корни подкарпатскаго народа въ частности, если и не теперешняго населенія, — ибо вопросъ о его мѣстной древности остается открытымъ послѣ историческихъ справокъ А. Петрова³, — то корни воспринятой имъ художественно-бытовой культуры. Сейчасъ время для отвѣта еще не настало. Нужна кропотливая предварительная работа для того, чтобы накопленный матеріалъ предсталъ въ подлинно исторической перспективѣ. Вѣдь рѣшеніе, предложенное въ свое время В. В. Стасовымъ — о финско-персидскомъ происхожденіи русскаго орнамента, — не можетъ считаться окончательнымъ⁴.

Прежде всего обнародованіемъ матеріала является и настоящій трудъ, матеріала, только до извѣстной степени систематизованнаго. Еще при устройствѣ пражской выставки, собранныя коллекціи были распределены по географическимъ районамъ, согласно съ характернѣйшими разновидностями подкарпатскаго фольклора. Если границы этихъ несуществующихъ на картѣ округовъ не вполне совпадаютъ съ идеальной картой художественно-этнографическихъ границъ Подкарпатя (которую еще предстоитъ начертить) и ужь конечно совсѣмъ не совпадаютъ съ племеннымъ разслоеніемъ въ странѣ, то онѣ отвѣчаютъ въ общихъ чертахъ дѣйствительной группировкѣ «угорскихъ русиновъ» по средству вкуса. Да врядъ ли представляютъ въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе племенные отбѣнки. Гораздо существеннѣе вліяніе географическихъ и климатическихъ условій и большая или меньшая обособленность отъ сосѣдей.

Вышивки и отдѣльныя части костюма всего нагляднѣе мѣняются по районамъ и даже селамъ, и это понятно, если принять во вниманіе, что одежда крѣпче связана съ мѣстомъ, чѣмъ, на примѣръ, деревянныя издѣлія или керамика. Тарелки хустовскихъ кустарей украшаютъ избы чуть ли не по всей Верховинѣ, «гуцульскій» деревянный крестъ найдешь въ церкви любого прихода, отъ Ставны до Требуши, но какое нибудь различіе въ швѣ или въ характерѣ вышитаго на сорочкѣ узора приводитъ въ изумленіе бабу изъ дальняго села, гдѣ споконъ вѣковъ — другіе швы и подробности узора, прочнымъ обычаемъ прикрѣпленныя къ мѣсту.

Издаваемые здѣсь вышивки выбраны мною изъ тысячъ вариантовъ и даютъ въ цѣломъ скалу типичныхъ образцовъ по районнымъ разновидностямъ. При этомъ почти полностью исключены узоры, явно чужіе, влѣдствіе чего въ книгѣ не представлены цѣлые округа, гдѣ древнѣйшіе мотивы почти вытѣснены словацкой, мадьярской, румынской модой.

Надо различать четыре главных района съ соответствующими разновидностями вышивокъ. Во первыхъ — *верховинскій*: вышивка «крестомъ», съ преобладаніемъ красныхъ, синихъ и черныхъ нитокъ. Районъ этотъ тянется по отрогамъ Лѣсныхъ Бескидъ, вдоль границы съ Польшей, отъ селъ Стужица, Любна, Быстра Верховина, Ужокъ и дальше на юго-востокъ, по верховьямъ рѣкъ Ужь, Латорица, Вича, черезъ села Ростока, Нижніе Верецки, Воловецъ, Подобовець, Прислопъ, до Соймы (надъ Воловымъ). Въ своей западной части этотъ горный районъ ограничивается долинами Ужа и Туріи, а въ восточной — долинами Боршавы и притоковъ Тиссы: Рики, Теревли, Терешвы. На Верховинѣ принято отличать «Бойковъ» въ полосѣ, пограничной съ Польшей, отъ «Лемковъ» (ближайшихъ родственниковъ галиційскимъ — съ Низкаго Бескида), живущихъ у истоковъ Латорицы, въ селлахъ Рѣпенное, Рична, Киличенъ, Иски, Пилипецъ, Гукливое, Вышнее Студеное, Подобовець, Кисольва, Воловецъ и дальше къ Мукачеву по верховью. Они именуются Лемками, или Лемаками, по признаку діалектической детали: вмѣсто *только*, говорятъ *лемъ* (напр.: у меня *лемъ* крона). По аналогіи, ихъ сосѣдей въ районѣ Воловое-Хустъ зовутъ «Лишаками», отъ слова *лишь*. Населеніе же дальше на юго-востокъ, по верховьямъ Тиссы, принято называть «Гуцулами».

Верховина — самый бѣдный, нехлѣбородный, вообще культурно отсталый край. Сплошь да рядомъ курныя избы, люди и животныя вмѣстѣ, отдѣленные перегородкой, недоходящей до потолка; хлѣбъ — кукурузный или лепешки изъ овсяной муки; на одежду пенька грубой выдѣлки. Есть менѣе бѣдныя мѣста, но типична бѣдность. Женщины носятъ по большей части короткія сорочки съ косымъ воротомъ и юбки, а мужчины заправляютъ рубахи въ порты. Характерны женскіе чепцы, остатокъ старѣйшей моды.

Долина рѣки Туріи, — отъ села Ворочева черезъ Турію-Ремету, Турію-Пасѣку, Порошково, Плоцкое, до Голубинога близъ гор. Свальявы, — даетъ нѣсколько иной, *турьянскій* типъ вышивки, съ характерной игрой чернаго узора и цвѣтныхъ крапинъ и разнообразіемъ швовъ: «крестъ» постоянно смѣняется петельками бѣлой ниткой, «оплетачкой», вырѣвью, стежками гладью. Выкройка короткой женской сорочки тоже иная. Турьянская вышивка изысканно скромна, — въ нѣкоторыхъ селлахъ рукава и вороты рубахъ, особенно мужскихъ, отгѣнены ею едва замѣтно. Вышивка, похожая по характеру, но еще менѣе «видная», съ преобладаніемъ бѣлаго узора по бѣлому, украшаетъ мужскія сорочки и на Мармарошѣ, а въ долиинѣ Терешвы (Нересница-Бедевле) и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, у Долишлянъ, вообще преобладаетъ.

Въ районѣ Туріи крестьяне гораздо состоятельнѣе верховинскихъ, послѣ горцевъ сѣвера они кажутся богачами. Это отразилось и на домашнихъ промыслахъ. Нынче городъ вытѣсняетъ ихъ, но не такъ давно еще вся мѣстность славилась домо-тканьемъ и деревянной рѣзбой. Память объ искусныхъ рѣзачикахъ жива по сей день, и стоитъ обойти избы, одну за другой, какъ я это сдѣлалъ по пути изъ Ворочева въ Свальяву, чтобы увидѣть скрини, столы, ложки, прялки и разныя мелочи, украшенныя незамысловатымъ, но «подлиннымъ» орнаментомъ.

Съ юга примыкають къ долинь Туріи мѣста уже съ выродившимся фольклоромъ. Населеніе становится смѣшаннѣе, польско-словацкія вліянія и нео-мадьярскія почти вытравили первоначальную основу. Тамъ, гдѣ и сохранилась вышивка, она приобрѣла видъ узенькой прошивки, часто по книжному шаблону. Порой не лишены настоящаго вкуса и эти узоры, но уже не будятъ они мысли о древнихъ истокахъ. Оазисами сохранились еще мѣста, гдѣ прекрасно ткуть, напр., въ селѣ Великіе Лучки (подъ Мукачэвомъ), также — въ Онюкѣ (у Севлюша) и въ нѣкоторыхъ селахъ близъ Ужгорода, но по большей части и въ этихъ оазисахъ рисунокъ тканей приобрѣлъ отгѣнокъ вульгарной мадьяризаціи и румынизаціи: залутанно пышная вязь красныхъ полосъ, иногда вперемѣшку съ зелеными, синими, желтыми цвѣтами. Эти эффекты имѣють мало общаго со сдержанностью въ тонѣ и геометрической строгостью старинныхъ мотивовъ.

Третій районъ и въ то же время третій типъ вышивокъ начинается въ области «Липшаконъ», съ Волового, гдѣ ужь носятъ длинныя женскія сорочки, и Вышняго Синевира. Этотъ районъ простирается на югъ въ равнины мармарошскія, къ центру православія — Нзѣ, черезъ Горынячево и Драгово, захватывая юго-восточныя села, Углю, Сокерницу, Велятинъ, Вышково, и западную долину рѣки Боршавы съ селами Долга, Борицы, Купница, Керецки, Березникъ, Дусино. Для краткости я буду условно называть всю эту область *Мармарошемъ*. На ея территоріи вышиваніе «крестомъ» не такъ примѣчательно, какъ особый шовъ, который крестьяне зовутъ: «напросто» или «попросту». Узоръ вышивается бумажными нитками или шерстью съ кананки, гдѣ онъ даетъ гладкій рисунокъ, отчетливо выступающій на полотнѣ. Правая сторона представляетъ почти сплошную, чаще одноцвѣтную, и въ иныхъ разновидностяхъ нѣсколько выпуклую поверхность (благодаря напуску толстыхъ нитокъ), — дробный контуръ этихъ рельефныхъ узоровъ почти неразличимъ на разстояніи. Размѣръ и форма вышивокъ разнообразны и мѣняются отъ села къ селу. Такъ, на женскихъ сорочкахъ въ Нижнемъ Синевирѣ мы видимъ очень большіе прямоугольники, почти во весь рукавъ; въ Долгѣ на рукавахъ узкія продольныя полосы, по швамъ, и поперечныя — со свисающимъ крестомъ посерединѣ и т. д. Дѣвичьи наряды ярки сплошными пятнами такихъ вышивокъ, которыя иногда съ успѣхомъ замѣняются и тканьемъ.

Яркость ощущается во всемъ бытѣ плодородныхъ равнинъ Мармароша, цвѣтушихъ подсолнухомъ и кукурузой. Женщины щеголяютъ платками и кожаными жилетками «бундами», деревенскія «невѣсты» искусно украшаютъ головы лентами, вѣнцами. Здѣсь носятъ и шелкъ и плетутъ изъ бисера узкіе нашейнички «силянки», въ дополненіе къ бусамъ («пацѣрки»). Впрочемъ, эти нашейнички, мало отличающіеся другъ отъ друга, распространены почти повсемѣстно. Особенно изящны они (такъ же, какъ бумажноцвѣтные вѣнцы и пасхальныя писанки) въ селахъ по долинь Терешвы.

Наконецъ, еще инымъ характеромъ вышивокъ отличаются подкарпатскіе Гуцулы, ближайшіе сосѣди зарубежнымъ галиційскимъ Гуцуламъ, — по верхнему теченію Черной и Бѣлой Тиссы. Здѣсь, на востокъ отъ В. Бочкова, начинается царство восхитительной стилизаціи, иногда очень по восточному красочной, напо-

минающей не только о русско-финскихъ «перетыкахъ», но и о ковровыхъ кавказскихъ тканяхъ.

Думается, что эти трудныя вышивки, — мелкій «крестъ» и особая гладь «на низину», вперемѣшку съ «полукрестомъ» и другими тѣсными швами, — заимствование у тканья весьма древняго происхожденія... Есть основаніе предполагать, что какъ разъ между ними — «родоначальницы» подкарпатскаго узора, во всѣхъ своихъ разновидностяхъ сводящагося все же къ одному общему геометрическому типу. На этомъ вопросѣ я остановлюсь дальше, хотъ разрѣшить его окончательно не берусь. Сейчасъ замѣчу только, что на мой взглядъ иныя самыя простыя, какъ бы элементарныя, верховинскія вышивки ни въ коемъ случаѣ не являются первичными по своему рисунку, и напротивъ того сложный «тканый» рисунокъ нѣкоторыхъ вышивокъ Косовской и Кобольей Полянъ, Росушки, Луга, Рахова, Ясины, Богдана-на-Тиссѣ ближе къ узору, отъ котораго когда то пошли безчисленныя разновидности. Населеніе сѣвера, болѣе бѣдное во всѣхъ отношеніяхъ, только опростило въ этихъ случаяхъ стиль узора. Произошла декоративная редуція, давшая въ свою очередь много неожиданно красиваго... Это не мѣшаетъ тому, что тотъ же верховинскій сѣверъ, полудикая горячая область, сохранилъ лучше, чѣмъ болѣе впечатлительный и подвижной югъ, нѣкоторые элементы примитива.

Какъ бы то ни было, особеннаго вниманія заслуживаетъ Гуцульщина, живописный юговосточный уголь Подкарпатья, граничащій съ польскою Галиціей и румынской Буковиной. По всему культурно-бытовому характеру онъ чрезвычайно близокъ Гуцульщинѣ галиційской. Тому, кто не бывалъ въ горахъ близъ Яворова или Соколовки, достаточно перелистать книгу Шухевича⁶, чтобы убѣдиться въ этомъ. На верховьяхъ Тиссы, по сю сторону польской границы, въ сущности тотъ же бытъ и тѣ же декоративныя пристрастія, что по ту сторону: и тканье, и рѣзьба, и типъ русской одежды, — длинныя женскія сорочки съ «запѣсками» вмѣсто юбки и выпущенная поверхъ штановъ и перетянутая кушакомъ мужская рубаха. Какъ бы мы ни рѣшали вопроса о племенномъ составѣ этихъ подкарпатскихъ горцевъ (сами они не любятъ клички «гуцуль», называя такъ, въ насмѣшку надъ сосѣдами, малорослыхъ своихъ лошадокъ), — несомнѣнно, что они наследники одной общей съ галичанами культуры. Разница въ отбѣнкахъ и въ томъ, что художественная продуктивность по другую сторону границы значительно богаче...

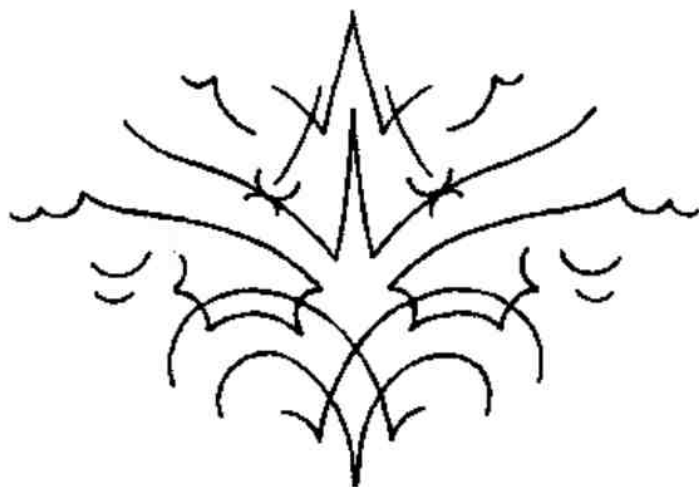
Эти соображенія и побудили меня дополнить настоящее изданіе снимками съ галиційскихъ издѣлій, появившихъ на пражскую выставку изъ музеевъ Народописнаго и Напреткова: серіей деревянныхъ напрестольныхъ крестовъ (исполненныхъ въ свое время, вѣроятно, гдѣ нибудь въ Перемышльскомъ уѣздѣ), мѣдными пороховницами, искусно гравированными и инкрустированными, также затѣйливыми топорцами, «скелевами»⁶ и керамикой, происходящей откуда то изъ Ярославля, Николаева или Галича. Горшечниками вѣдь изстари славилась Галичина, въ то время какъ на Угорской Руси было засиліе мадыарскихъ заводовъ, и не шли кустари, остававшіеся внѣ этого вліянія, дальше самыхъ элементарныхъ подѣлокъ изъ глины, безъ глазури и росписи (такова и теперь керамика въ Драговѣ). Между тѣмъ, старогали-

ційскія миски, все еще украшающія хаты по об'їмъ Тиссамъ, отлично дополняютъ общую картину художественныхъ ремеселъ на подкарпатской Гуцульщинѣ. Куда лучше, чѣмъ дополняютъ верховинскій набяной обиходъ хустовскіе горшки и тарелки, ибо глиняное производство Хуста, какъ и Ужгорода и Севлюша, овенгерено до послѣдней степени.

Тѣмъ не менѣе, керамика всѣхъ этихъ гончарныхъ центровъ въ книгѣ представлена. Рука кустаря даже въ заимствованный мотивъ, какимъ является, напр., цвѣтокъ ириса или тюльпана, безсознательно вноситъ мѣстныя черточки. Подлинно мадьярская керамика не бываетъ такъ непосредственно наивна по рисунку и такъ выдержана въ цвѣтѣ, хоть формы ея порой и уводятъ на сказочный востокъ.

Послѣ вышивокъ гуцульскаго района, которыя, кстати сказать, нисколько не уступаютъ галиційскимъ (иные характерные образцы изъ Ясины или Кобольей Поляны отличаются даже болѣе тонкимъ изяществомъ), всего примѣчательнѣе деревянные издѣлія. Правда, лучшее не ново. Въ настоящее время и здѣсь рѣзба скорѣе преданіе минувшаго, чѣмъ живое ремесло, и приходится съ трудомъ отыскивать по стариковскимъ хоаяйствамъ фляги, ложки, масленки, прялки съ рѣзаннымъ и выжженнымъ орнаментомъ. Но все таки традиція не умерла, отличныхъ рѣзчиковъ и выжигальщиковъ по дереву еще встрѣтишь, а самыя формы нѣкоторыхъ предметовъ доказываютъ благородство этой традиціи, хотя бы «пасковцевъ», т. е. хлѣбовокъ для пасхальныхъ куличей.

Миѣ хотѣлось дать въ настоящемъ введеніи общій обзоръ издаваемаго здѣсь матеріала, чтобы перейти затѣмъ къ описательнымъ подробностямъ по отдѣльнымъ отраслямъ народнаго творчества. Соотвѣтственно этимъ отраслямъ — четыре главы: рѣзба, керамика, одежда и украшения, вышивки и ткани. Деревянныхъ церквей я касаюсь лишь вскользь, — ихъ декоративность является въ значительной степени вторичнымъ явленіемъ, менѣе связаннымъ съ этнографіей страны. Конечно, и на церковномъ строительствѣ отразился тотъ же своеобразный вкусъ, какъ на всемъ, созданномъ деревней, но не слѣдуетъ преувеличивать значенія ни этого мѣстнаго колорита, ни мѣстныхъ заимствованій?

Большая часть Подкарпатья — лѣсная, вездѣ гдѣ мѣстность гориста. Верховина почти сплошь лиственная и хвойная заросль, пересѣченная пастбищами. По теченію Ужа и Латорицы довольно еще луговинъ, но чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ непролазнѣе глушь, а отъ Вышняго Синевира идутъ пространства вовсе безъ жилья, оцетинившіяся горнымъ боромъ. Эта полоса тянется до польской границы и подступаетъ на югъ къ верховьямъ Тиссы, гдѣ начинается область Гуцула-дровосѣка. Главное занятіе Гуцула, кромѣ овцеводства, сплавка по рѣкѣ плотами, заготовленныхъ въ зимнюю пору на горѣ, огромныхъ бревень: весенними потоками ихъ сносятъ къ берегамъ. Впрочемъ, этотъ промыселъ окрѣпъ сравнительно недавно, съ того времени, какъ устроены мощные резервуары у истоковъ Черной Тиссы, позволяющіе повышать на нѣсколько часовъ уровень ея быстрыхъ водъ. Но не даромъ спокойнъ вѣка топоръ былъ эмблемой Гуцула, и сложились о немъ старинныя пѣсни. Хотя деревомъ прежде и не промышлялъ Гуцуль, какъ сейчасъ въ окрестностяхъ Ясины, но онъ всегда былъ жителемъ древеснаго царства. Притомъ вольнымъ жителемъ, которому хватало досуга на искусство. Земледѣіе не прикрѣпляло его къ панамъ. Онъ жилъ въ достаткѣ, не зная барщины. Разводилъ овецъ, дававшихъ пищу и шерстяную одежду, строилъ хаты по горнымъ склонамъ и долинамъ, если и сѣялъ, то больше въ огородахъ, а свободное время, котораго было много, особливо зимой, отдавалъ домашнимъ ремесламъ. По ту сторону польской границы, какъ было сказано, гуцульское кустарничество расцвѣло щедро, и дерево, естественно, получило преобладающее значеніе въ качествѣ художественнаго матеріала.

Прекрасно дерево на Гуцульщинѣ. Дубъ могучій, долговѣчный, черная кора и гляцевый листъ, вязъ раскидистый, ольха буйно разросшаяся (по мѣстному — «вильха»), букъ и грабъ мелколистные, пригнутые вѣтрами, орѣхъ густой порослью, нѣжная лова, или ива, ближе къ водѣ, и ясень стройный, и дикая груша, яблонька, слива, и тополь серебряный, изрѣдка липа, которую крестьяне называютъ также «лѣпа», наконецъ самое «гуцульское» дерево — яворъ, съ ровной, непористой и твердой плотью, красиво темнѣющей отъ времени. А выше въ горахъ и хвоя: смиренныя ели, сосны зеленыя и голубыя, съ розовой корой, и лиственницы, и пихты мачтовыя, многообхватныя, по двѣсти лѣтъ и старше... Какъ не развиться въ этомъ древесномъ привольѣ искусству рѣзчика?

Деревянная рѣзба — народное ремесло Гуцуловъ съ давнихъ поръ. Шухевичъ упоминаетъ объ иконахъ XVII вѣка съ вырѣзанными плоско крестами на буко-

выхъ дощечкахъ. Извѣстны и напрестольные кресты той же приблизительно поры. Подобный крестъ, неполный, находку д-ра Залозецкаго (собиравшаго подкарпатскія церковныя древности для музея «Просвита» въ Ужгородѣ), воспроизводитъ таб. 1. Къ сожалѣнію, я не могу задерживаться на разборѣ этого замѣчательнаго образца народной талантливости и нѣсколькихъ другихъ, между которыми на первомъ мѣстѣ — большой найденный мною въ Ясинѣ крестъ съ датой 1758 (очень путанной вязью). Въ первомъ случаѣ форма еще не мѣстная: вся композиція четырехконечнаго православнаго креста, съ разтроенными вѣдугіями на концахъ, заимствована. Но прелесть деревянной фактуры и чувство, съ какимъ рѣзчикъ выполнилъ стилевое задание, исключительный вкусъ, имъ обнаруженный въ упрощеніи подробностей оригинала, вызываютъ восхищеніе. Здѣсь уже видны и типичныя для Гуцуловъ декоративныя мотивы: рамки, которыми обведены изображенія (Распятіе, Крещеніе, Евангелистъ Лука, Спаситель съ Евангеліемъ, Херувимы), состоятъ изъ полосокъ, носящихъ названія «нарѣзокъ», или «рубчиковъ», «кривулекъ», «клиньевъ», «колосковъ».

Замѣтимъ, что тѣ же или весьма схожіе мотивы встрѣчаются по всей славянщинѣ, — въ узорахъ великорусскихъ, сербскихъ, закарпатскихъ, чешско-моравскихъ... Эти декоративныя полоски, около ста лѣтъ позже, повторяются на ясинскомъ крестѣ 1758 г. (табл. 2 и 3). Мы видимъ и молніеобразную «кривульку» (внизу подъ Распятіемъ и на оборотной сторонѣ, наверху, надъ Богоматерью съ Младенцемъ), и простѣйшіе «рубчики», и орнаментъ изъ этихъ двухъ мотивовъ (вокругъ Христа), и «колосъ» и два ряда «зубчиковъ», соединенныхъ остріями (перекладина надъ Распятіемъ). Этотъ крестъ, прекрасный въ примитивной своей простотѣ, — мѣстный уже и по общему рисунку: онъ восьмиконечный, или, точнѣе сказать, семиконечный, ибо надъ верхней перекладиной не выдается древко. Съ такими же первичными орнаментами кресты изъ Напресткова музея: одинъ безъ даты, второй, датированный 1827, и третій — 1841 годомъ. Послѣдній даетъ оригинальную форму: большое Распятіе съ Христомъ, по срединѣ, и малыя — съ разбойниками — по сторонамъ, упирающіяся въ нижнюю перекладину (табл. 4, 5, 8). Подходятъ къ этимъ крестамъ общимъ своимъ стилемъ и два остальныхъ креста, хотъ и не орнаментованные: одинъ отъ «Просвита» (старый, рѣзанъ не позже XVIII вѣка) и другой, приобретенный у крестьянина изъ Черной Тиссы, значительно новѣе (таб. 6, 7). Впрочемъ, о степени древности судить приходится больше по вѣсу и сохранности дерева, чѣмъ по стиливымъ признакамъ, — за двѣсти приблизительно лѣтъ они не измѣнились...

Вотъ онъ, консерватизмъ деревни! Двѣсти лѣтъ подрядъ повторяли рѣзчики, одинъ за другимъ, перенимая одинъ отъ другого, то же самое: все такъ же изображали распятаго Христа и Матеръ Божію на фонѣ стоящихъ въ рядъ полукругомъ апостоловъ (собственно изображены только двѣ полуфигуры, по одной съ каждой стороны, остальные лишь условно намѣчены вертикальными бороздами), все такъ же упрощали анатомію и обрацали въ орнаментъ надписи на перекладинахъ креста (рѣдко что нибудь означаетъ эта вязь) и тѣмъ же пользовались простѣйшимъ инструментомъ, короткимъ крестьянскимъ ножомъ, помощникомъ незамѣнимымъ въ различнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни... И вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и въ работѣ дере-

венскихъ вышивальщицъ, никогда не было сдѣлано, не могло создаться двухъ одинаковыхъ крестовъ. У каждаго своя «душа». Это произведенія искусства въ полномъ смыслѣ слова. Ихъ собирать хочется, какъ уники.

Гуцульскіе кресты нынче стали рѣдкостью. Все же не мало ихъ по храмамъ подкарпатскимъ. Красивѣйшіе изъ тѣхъ, что мнѣ довелось видѣть, уцѣлѣли въ деревянныхъ церковкахъ Ясины. Большинство галиційскаго происхожденія, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Но не такъ невѣроятно допустить, что прежде такіе кресты изготовлялись и у верховьевъ Тиссы.

Традиція рѣзбы не совсѣмъ исчезла здѣсь до сей поры. Во многихъ хатахъ, поодаль отъ большой дороги, находишь масленки, фляги, молочники, а то и сундуки или самопрялки, съ рѣзнымъ узоромъ, и не перевелись еще Гуцулы, которые при случаѣ смастерятъ такой же точно предметъ со всѣми затѣями и прикрасами старины. Не разъ провѣрялъ я необыкновенную даровитость мѣстнаго крестьянина, врожденный его вкусъ и техническую сноровку. А какъ недавно еще жили и работали настоящіе виртуозы своего дѣла...

Лишь за годъ до войны умеръ въ поселкѣ близъ Ясины, «Могелки», рѣзчикъ Юра Михальчукъ, по прозвищу Чуперекъ. Его специальностью были пастушьи баклажки, малыя, на поллитра, и большія, до двухъ литровъ, простыя и двойныя, украшенныя рѣзбой. Дерево — яворъ, прочное и твердое. Отлично рѣжется, не раскалываясь. Рѣзба — неглубокая, неострая, короткимъ ножомъ и долотцемъ съ лезвиемъ полулуной. Декоративный мотивъ чрезвычайно простъ и повторяется на всѣхъ баклажкахъ Юры Чуперека и подобныхъ ему кустарей: полоса, прямая и кружащая, полулунокъ или арочекъ, вырѣзанныхъ этимъ долотцемъ. Двѣ полосы, расположенныя одна противъ другой и раздѣленныя бороздкой, образуютъ петлеобразную ленту, согласную со всей фактурой предмета. Ясинскій мастеръ различнымъ образомъ располагалъ эти ленты на вздутой поверхности своихъ баклажекъ: то сплошными концентрическими кругами, въ четыре-пять рядовъ, то малыми кружками, въ одинъ-два ряда, напоминающими о цвѣтахъ подсолнуха, и такими же полукружками (таб. 10). Сама фляга — выдолбленная, съ тонкими обручами: они надѣваются сырыми и крѣпко ее зажимаютъ, высохнувъ, предохраняя отъ трещинъ. Двойныя баклажки стоятъ прямо на нижнихъ обручахъ (таб. 11). Къ одиночнымъ, круглымъ, очень хитро придѣланы четыре ножки, а именно: по ребру между обручами тянутся двѣ, подобныя описаннымъ, рѣзные ленты, и каждая пара ихъ расширяется на днищѣ въ лапки съ двумя ножками, причемъ лапка находитъ на обручъ (таб. 13а).

Юра Чуперекъ не изобрѣтатель своего искусства, было у него вѣроятно немало предшественниковъ. И «рукой», и возрастомъ различаются ясинскія фляги. Старѣйшія по исполненію — самыя красивыя. Что до общей формы, то она взаимствованная. Въ этомъ убѣждаешься, сравнивая эти пастушьи баклажки съ другими, болѣе вздутыми, почти шарообразными, гладкой токарной работы, тоже найденными въ Ясинѣ (таб. 10), но явно чужеродными. Своей восточной формой онѣ возвращаютъ насъ къ очень далекимъ временамъ. Мадыры ихъ называютъ «кулочъ» и «чобанъ»

(по-татарски — пастухъ). Миѣ известны подобныя фляги (также и болѣе плоскія) съ золотыми узорами, изъ Семиградія, совсѣмъ ужь похожія на кожаные «кулочи», тисненые золотомъ, мадьярской работы. Они, вѣроятно, и послужили прообразомъ для издѣлій ясинскихъ.

Въ округѣ помнить о многихъ рѣзчикахъ. Но увидѣть ихъ произведенія не легко. Если и сохранились, то разсыяны по горнымъ хатамъ, — года потребовались бы на розыски. За селомъ «Черная Тисса» (примыкающимъ къ Ясинѣ), въ мѣстѣ на горахъ, называемомъ «Бѣлый Хрестъ», въ хатѣ глубокой старухи Настуни Агошшукъ набрелъ я на любопытнѣйшую деревянную постель, тронутую рѣзбой. Сохранилось у Настуни и нѣсколько деревянныхъ ложекъ съ типичнымъ гуцульскимъ орнаментомъ: одна изъ нихъ воспроизведена на таб. 12 подъ буквой *b*. Здѣсь крошечныя треугольники и ромбики, вырѣзанные ножикомъ, образуютъ острозубчатыя волоски и крестовидныя «ружи». Ребра ложки прелестно отгѣняются этимъ тонкимъ выемчатымъ узоромъ. Удивительно художественно само дерево, красноватое, теплое, словно загорѣвшее, и маслянистое на ощупь. Такимъ становится яворъ, отполированный оливковымъ масломъ (не нужно никакого лака), отъ времени, а для того, чтобы узоръ выступалъ отчетливѣе, въ него еще втирается мелко растолченный уголь, который держится такъ крѣпко, что не отчистить. Обладательница этихъ предметовъ съ гордостью сообщила миѣ, что все это работа ея покойнаго мужа. Мѣстнаго происхожденія и оригинальная по конструкціи чесалка для шерсти, съ ручнымъ колесомъ, найденная мной по близости у Анны Корачукъ, и попадающіеся въ старинныхъ хозяйствахъ молочники, блюда, хлѣбовки.

Но чаще встрѣтишь утварь не рѣзную, а съ выжженными, при помощи желѣзныхъ штампиковъ, узорами. Къ ней относится масленка на таб. 13 *b*. Я собралъ цѣлую коллекцію фляжекъ разнаго размѣра, украшенныхъ такимъ приемомъ. И, надо признать, не лишена прелести и эта простенькая прикраса; иногда чрезвычайно изящны сочетанія штампованныхъ треугольниковъ, крестовъ, звѣздинокъ, кружочковъ, традиціонныхъ шестилепестныхъ розъ, вчерченныхъ въ кругъ, и т. д. Притомъ, кустарная «индивидуализація» и тутъ не меньшая, чѣмъ въ предметахъ съ рѣзбой: хоть декоративные элементы бѣдны, но ихъ комбинацій безъ числа, каждый случай самъ по себѣ... Повидимому, недавно еще выжиганіе по дереву было въ большомъ спросѣ. И теперь живъ старикъ Иванъ Маркульчекъ, прозванный Чекересомъ, еженедѣльно приносящій на ясинскій торгъ орнаментированную штампами посуду, которую онъ готовитъ у себя въ убогой хаткѣ, недалеко въ горахъ, «Пидъ Буковиной». Нынче его приемы стали грубоваты, вкусъ испортился у рыночнаго покупателя, но я видѣлъ въ избахъ прежнія его работы: «скопцы», пивныя кружки, подойники и пр., доказывающіе, что Чекересомъ унаслѣдована художественная традиція (см. таб. 14). Лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, она удержалась въ Косовской Полянѣ, откуда происходятъ прекрасныя по формѣ «пасковцы» съ ручками, воспроизведенныя на таб. 35, а также маслбойка и самопрялка (таб. 9). Не брегуютъ подчасъ этой традиціей выжиганія и Гуцулы, прошедшіе школу городского мастерства, какъ напр., Курело, авторъ воспроизведенныхъ здѣсь деревянныхъ палицъ съ рукоятью въ видѣ топорика,

рядомъ съ подобной же, но рѣзаной, галиційской палицей и старой прялкой (таб. 15).

Гуцульскія палицы заслуживали бы спеціальнаго изслѣдованія. Это древнѣйшія эмблемы легиня-дровосѣка. Не такъ давно еще трость съ символическимъ топорикомъ была для Гуцула тѣмъ же, чѣмъ шпага для дворянина. Теперь почетъ топорцу сохранился въ свадебныхъ обрядахъ: постучавъ по дверямъ невѣстиной хаты палицей, женихъ передаетъ ее брату невѣсты (не въ память ли прекращенія насильственнаго «умыканія» дѣвушекъ?). «Безъ палицы и не женишься», говорятъ въ деревнѣ. Палицы переходятъ изъ рода въ родъ. Прежде дѣлались онѣ металлическими, съ гравированными узорами (таб. 16). Весьма затѣйливы и нарядны иногда эти топорики, формой похожіе на настоящіе топоры, или «сѣкиры», — старинное слово сохранилось, — которыми Гуцулы орудуютъ и сейчасъ: толстыя, узкія, съ длинными топоричами, и эта форма дѣйствительно напоминаетъ топоры бронзоваго вѣка.

Гравированными символическими топориками щеголяютъ женихи и на подкарпатской Гуцульщинѣ. Но здѣсь мнѣ не встрѣчались металлическіе предметы другого назначенія, которыхъ много по ту сторону польской границы: пряжки, во вкусѣ курганныхъ фибулъ, нашейные литые кресты не менѣе древняго вида, иногда цѣлыя ожерелья изъ такихъ крестовъ, шила, игольники, щипцы для орѣховъ, украшенія сумокъ, пороховницы (таб. 17—23). Узоры этихъ предметовъ близки тѣмъ, что видимъ на деревѣ, но конечно ихъ выборъ отчасти обусловленъ матеріаломъ. Такъ, наобилуютъ они декоративными кружочками, часто — концентрическими, многорядными, напоминающими неолитныя волюты. Зато менѣе использована «кривулька». Впрочемъ, все знакомые элементы налицо: «рубчики», «колоски», «папоротникъ», «головки», «кудри» («кучери»), «сливки», «клинья» («розклины») и т. д. На большихъ предметахъ (сумки, пороховницы) постоянно видна шестилепестковая роза въ кругѣ; характерны также окаймленія изъ выбитыхъ горошинъ. Здѣсь, съ одной стороны, поистинѣ что то курганное, будто отъ бронзоваго вѣка, изъ реминесценцій о «латенской» культурѣ, а съ другой — какъ бы пряникомъ изъ Кавказа (таб. 16 а и с). Разумѣется, въ рядѣ случаевъ заимствованія такого рода болѣе или менѣе эпизодичны, однако, нѣтъ ли здѣсь и болѣе общей связи съ Востокомъ? Не сохранились ли азійскіе мотивы отъ глубокой древности?

Примѣръ древнихъ вѣковъ заразилъ и новый ренессансъ гуцульской деревянной рѣзбы, вдохновленный искусствомъ цѣлой семьи галиційскихъ рѣзчиковъ — Шкрѣбляковъ: отца, Юрія, и двухъ его сыновей. Начало ренессанса относится къ серединѣ прошлаго вѣка, когда Юрій Шкрѣблякъ, выучившись токарному ремеслу во время долгой службы въ войскахъ, принесъ его съ собою на Гуцульщину. Соорудивъ собственную токарню, онъ сталъ вытачивать «раквы» для масла, шкалики, баклажки, табакерки и пр., придавая предметамъ отчасти «городскую» форму, но ревниво соблюдая отечественную традицію. Декоративные мотивы, освѣщенные преданіемъ народнымъ, имъ виртуозно разработаны, комбинаціи ихъ доведены до большого разнообразія.

Кажется, что этихъ первичныхъ деревянныхъ мотивовъ очень много: на самомъ дѣлѣ — не болѣе десяти. Шкрѣблякъ ввелъ въ работу особая долотца, которыми

изготавливать собственноручно. В то же время помощнику его, Марко Мегедынюку, принадлежит честь изобретения специальной инкрустации в дереве, просверленными цветными бисеринками («коральками»). Прием украшения новый, не принявшийся прежде. Но легко заметить, сравнив хотя бы воспроизведенные в этой книге рюмки (таб. 23) и металлические предметы с гравированными узорами и инкрустациями из перламутра, что продырявленные Мегедынюком бисеринки при помощи особого сверла, «фуджика», как бы соответствуют тем кружкам и колечкам, которые излюблены гуцульским гравированием.

Способности отца Шкрѣбляка унаследовали оба сына, Василий и Николай. Втроем они насадили своеобразный домашний промысел, от которого нельзя отнять ни народного колорита, ни технического блеска. В свое время для развития этого промысла австрийское правительство учредило две школы: Коломыйскую и Выжницкую (на Буковине). В последней преподавал один из Шкрѣблянских сыновей. Художественные итоги этих школ представили выставки в Стрый (1908 г.) и в Коломыч (1912 г.).

Сами Шкрѣбляки, может быть, и не совсем «народ», но искусство их привилось в народ, нашло последователей, стало традиционным: убедительный пример того, как одинокий почин превращается в коллективное творчество... Не так ли вообще «эволюционирует» народное искусство? Ведь никак нельзя отнять деревни не только в умении вдохновенно следовать старым заветам, но и в способности усваивать новое, если оно почему либо понравится. Не этим ли объясняется необыкновенно быстрая порча деревенского вкуса чуждыми влияниями? Однако не надо отождествлять этой порчи с тем, что я назвал «эволюцией» народного искусства. Ибо глубоко неправильно представлять себе сельские промыслы неподвижными, окостенелыми в определенных формах раз навсегда. На самом деле искусство народное обладает текучестью, не свойственной никакому другому. Всякое произведение деревни, можно сказать, *дѣлается постоянно*, переизменяется на тысячи ладов, умножаясь во *вѣках*, всегда прежнее и всегда другое, с какими-нибудь добавлениями, которое может вдруг привиться и даже вызвать своеобразный уклон стиля.

Деревня, хоть и живет древним, *вѣковѣчным* бытом, но впитывает по своему «современность». Современности легко разрушить и быть деревни, и искусство. Развѣ это не совершается на наших глазах?.. Но не во все эпохи культура города была так деспотична. Соприкасалась и раньше, — не уничтожала. Замкнувшись от города зачастую и вовсе чужеродные мотивы, сельские промыслы продолжали развиваться, сохраняя общий лад свой, унаследованный от дѣдов, и в то же время наружно мѣняясь весьма существенно. Эта эволюция может оказаться и несколько иной, а именно не эволюцией обогащения за счет новых элементов (как в случае со Шкрѣбляками), а процессом обратным: опрощением и *огрубением* формы. Но при всем том огрубение отнюдь не значит в данном случае — художественное вырождение. Несколько. Сдѣлавшись проще, грубѣе, элементарнѣе под воздействием суровых бытовых условий, меньшей сравнительно

состоятельности населенія и т. д., творчество деревни сплошь да рядомъ даже выигрываетъ въ наивной и непосредственной прелести.

Такого рода *обратной эволюціи* подверглись иные элементы галиційской рѣзбы, проникнувъ вглубь Подкарпатя. Если сопоставить съ тонкими гуцульскими издѣліями деревянную утварь изъ Ростки Вышней, Воловца, Розвигова, Зборовца, представленную на таб. 24 и 25, то «огрубніе» формъ сразу бросится въ глаза. Передъ нами очень похожая на ясицкую, сдѣланная тоже на токарномъ ставкѣ масленка, но тяжелѣе, рудиментарнѣе по очертаніямъ и безъ орнамента; очень похожая на ясинскую баклажка, но форма неуклюжа, а все украшеніе представляетъ кое какъ вписанную въ концентрическіе круги шестиконечную звѣзду или розу.

Кстати: этотъ видъ орнамента, о которомъ уже нѣсколько разъ упоминалось, встрѣчается въ очень многихъ мѣстахъ, и славянскихъ (Россія, Словакія, Сербія, Хорватія, Буковина) и неславянскихъ, а ежели прослѣдить въ глубь вѣковъ, дойдемъ до древней Ассиріи... Но все это не свидѣтельствуетъ еще о преимущественности узора, а указываетъ лишь на преимущество инструмента, которымъ онъ рисуется: циркуля. Фигура эта (таб. 24 *d*) получается при проведеніи шести скрещивающихся въ центрѣ круга окружностей одинаковаго съ нимъ радіуса, если центрами ихъ брать точки, равно отстоящія другъ отъ друга. Все дѣло, слѣдственно, въ циркулѣ. Инструментъ самъ наводитъ на «шестилепестковую розу», которую гдѣ только и въ какія времена не найдешь (такъ же, какъ восьмиконечную звѣздочку).

Эта роза, называемая иногда безъ достаточнаго основанія «славянскимъ солнцемъ», постоянно встрѣчается на пастушьихъ берестовыхъ трубахъ, изъ которыхъ горные овцепасы выдуваютъ иногда цѣлыя мелодіи, — въ особенности же на рѣзныхъ издѣліяхъ въ селахъ, расположенныхъ по долинѣ Туріи: на столахъ, скрыняхъ, изрѣдка и на кроватяхъ, что сохранились отъ отцовъ. Иногда безъ всякаго декоративнаго сопровожденія, иногда съ бордюрами или окруженіями изъ знакомыхъ уже орнаментовъ: колосковъ, крестиковъ, кружочковъ и пр. Еще элементарнѣе, въ большинствѣ случаевъ, рѣзба въ районѣ Ужока, Любны, Кострины и въ «бойковскихъ» селахъ. Все украшенія сводятся къ нѣсколькимъ зубчикамъ на веретенѣ или на ложнѣ домашняго издѣлія (таб. 27). Встрѣчаются повсюду прелестной формы деревянные свирѣли съ шестью отверстіями, но онѣ не украшаются (таб. 28).

На Туріи крестьянъ, занимающихся рѣзбой теперь, еще меньше, чѣмъ на Тиссѣ. Все же изрѣдка попадаются и новые предметы, легко тронутые скупымъ, «плоскимъ» турьянскимъ узоромъ. Все это хозяйственная утварь: солонки, полочки для ложекъ, подойники («доуженки»), ларцы («сусеки»), вальки и катки для бѣлья («пранники»), кошелки косарей для бруска отъ косы и т. д.

По формѣ эти предметы, случается, весьма своеобразны, напр., большого размѣра кукурузныя ступы, занято вздутыя, съ четырьмя выступающими сегментовидными ребрами. Къ сожалѣнію, сфотографировать такую ступу не удалось. Но объ элементахъ орнамента даютъ отчасти понятія, воспроизводимыя на таб. 26 ворочевскія прялки — «кудели», какъ говорятъ всюду на Подкарпатской Русіи (въ Россіи

куделью, или кужелью, называют другое: свернутая пряжки пеньки или льна, которая надѣваются на прялку, или пряслицу). Вставляют «кудель», какъ и полагається, въ «присѣдачъ», — въ Россіи говорятъ «присѣдка», или еще «хвостъ», въ сѣверныхъ губерніяхъ, — узкую доску, на которую садится пряжа. Рѣзьбой украшается прялка съ самого низа до верха, слегка срѣзаннаго, чтобы удобнѣе прилаживать пеньку.

Узоры на прялкахъ простѣйшіе. Орнаментовка ихъ представляетъ какъ бы наглядный примѣръ «самозарожденія» народного искусства. Безотчетное желаніе украсить предметъ подсказываетъ крестьянику, въ рукѣ котораго ножъ — ко всему приспособленное орудіе, эти первичные рубчики и ломанныя полоски на деревянной жерди, перекрещивающіяся параллели и острые углы, расходящіяся звѣздой... Но все таки и сюда, къ этой инстинктивной, элементарной роскоши народа, примѣшивается традиція, вѣками накопленная, вовсе не «самозародившаяся», а преемственно перешедшая, вмѣстѣ со всѣмъ бытомъ, со всей культурой, изъ таинственнаго народнаго далѣка. Нельзя искать непременно въ каждой подробности, можетъ быть и дѣйствительно первичной, наслѣдіе вѣковъ, вліянія кого нибудь и чего нибудь, но можно впередъ сказать, что большая часть этихъ подробностей самобытна лишь до известной степени, и что почти всегда стилиевыя аналогіи объясняются вовсе не случайными совпаденіями. Такъ и съ «куделями» изъ Ворочева. Рѣзьба ихъ элементарна и вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не случайно — такая, а не другая. Она связана съ подкарпатской, галиційской, вообще племенной традиціей. Узоры расположены тутъ въ видѣ поясковъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга перемычками. У этихъ узоровъ свои названія, частью совпадающія съ гуцульскими: «крикулька» (нѣсколько разновидностей), «зубки», «папороть»... Но есть узоры, не встрѣчавшіеся мнѣ на Тиссѣ: «вырка» (острые углы сходятся вершинами), «тепгерички», т. е. кукуруза (орнаментъ изъ расположенныхъ вертикально зернистыхъ рядовъ) и др. Совпаденія въ народныхъ названіяхъ доказываютъ, на мой взглядъ, и общность происхожденія мотивовъ. «Кривулька», «зубчики», сами по себѣ хотъ и кажутся какими то общераспространенными декоративными эмбрионами, на самомъ дѣлѣ гораздо древнѣе того или иного ихъ примѣненія на мѣстахъ. Перейдя дальше къ вышивкамъ, я постараюсь показать это на рядѣ примѣровъ.

Самая манера рѣзьбы въ долині Туріи почти та же, что на Гуцульщинѣ. Въ обоихъ случаяхъ — рѣзьба по твердому дереву, не глубокая, какъ въ Россіи, гдѣ рѣжутъ мягкую липу, а приближающаяся подчасъ къ плоскому гравированію на деревѣ (при помощи особыхъ инструментовъ съ царапающими колесиками). Качество матеріала — яворъ, ясень, дубъ, груша, — и характеръ декоративной его обработки тутъ вполне обусловлены взаимно. Глубокая рѣзьба по твердому дереву, представляя почти непреодолимая техническія трудности, менѣе «идетъ» дереву твердыхъ породъ, какъ художественному матеріалу, менѣе вяжется съ деревянной поверхностью. Съ другой стороны, простота самого турьянскаго орнамента, скудость его роскоши, отличнo согласуется съ плоской фактурой, является какъ бы естественнымъ выводомъ художественнаго такта.

Чтобы получить представление об этой резьбе, лучше всего просмотреть замечательные рисунки архитектора А. Рейхрта. Одна часть их принадлежит пражскому Народнописному музею, другая — библиотекѣ Художественно-промышленной школы. Рисунки дают также множество декоративныхъ деталей, сохранившихся отъ старины на церквахъ, избахъ, амбарахъ, воротахъ и пр. въ долину Туріи и въ окрестностяхъ Ясины. Больше, чѣмъ собственно архитектура Подкарпатя (церкви по преимуществу), именно эти детали свидѣтельствуютъ о прирожденномъ добромъ вкусѣ населенія. Про большинство деревянныхъ церквей этого, пожалуй, не скажешь: онѣ приближаются къ каменнымъ мадьярскимъ базиликамъ того банально барочнаго типа, который видишь вездѣ въ католической Европѣ. Такихъ деревянныхъ сарайчиковъ, — двухскатная крыша и башенка спереди, крытая шатромъ съ простой главкой или какимъ нибудь затѣйливымъ луковичнымъ увѣнчаніемъ, — довольно много. Вспоминаются церкви въ Ростокѣ, Гукливой, Абранкѣ, Требушѣ, Лугѣ, Ясинской Стебнѣ и т. д.

Но между подкарпатскими деревянными церквами есть и выросшія изъ родной почвы, очаровывающія національнымъ колоритомъ и въ то же время какими то кровными связями съ великорусскимъ и малорусскимъ православіемъ. Это — церкви ясинскія, по преданію старѣйшія, планированныя крестомъ и съ узкими московскими луковками, такія, какихъ довольно на Галичинѣ. Во вторыхъ, это шатровыя, трехсрубныя церкви Ужока, Кострины, Нижне-Студенаго. Въ третьихъ — почти такія же церкви, но съ барочной примѣсью: въ Солѣ, въ Плоцкомъ на рѣкѣ Туріи, въ Обавѣ, въ Шелестовѣ (одна близъ Севлюша, вторая у Мукачева), въ Петрушовицѣ и нѣсколько другихъ. Бѣднѣе народнымъ колоритомъ церкви, на которыхъ сказалось вліяніе крѣпостной готики, напр., въ Даниловѣ, Саидровѣ, Сальдобопѣ, также въ Майданкѣ, Рѣпенномъ, Нижней Апицѣ. И все таки даже эти церкви, отчасти нелѣпо подражательныя, со взятими у Карлова моста и «Пороховой Башни» въ Прагѣ шпильями, не только заимствованіе, но своеобразная переработка въ мѣстномъ деревенскомъ духѣ. И впечатляетъ это строительство, несмотря ни на что, племенной традиціей... Забываешь о бароко и готикѣ, грезится деревянная Россія. Сколько подобныхъ же по народному духу церковокъ мы знаемъ и на югѣ, и на сѣверѣ Россіи — на Волыни, въ Кіевской губерніи, въ Костромской, Новгородской, Архангельской². Нѣкоторыя и по плану, и по формѣ гонтовой крыши, маковицъ, шатровъ почти совпадаютъ съ подкарпатскими. Сходство, конечно, объясняется и одинаковостью матеріала и простѣйшихъ строительныхъ приѣмовъ (какъ показавъ въ интереснѣйшей лекціи на пражской подкарпатской выставкѣ Н. Л. Окуневъ).

Вѣдь въ сущности стиль всѣхъ этихъ церковокъ, какіе бы онѣ образцы ни напоминали, въ особенности разными внѣшними своими прикрасами, можно назвать *избянымъ*. Основа — прямоугольныя срубы, клѣтки, въ длину бревна или полубревна: средняя величина бревна является тутъ какъ бы величиной постоянной. Срубы ставятъ прямо на выровненную землю, безъ фундамента. Бревна кладутъ продольно и соединяютъ «въ лапу». Если каждую сторону такой клѣтки продолжить, прибавивъ къ ней по срубѣ, то и получится пятиклѣтный крестъ ясинскихъ храмовъ — и, ста-

рѣйшаго, Струкиевскаго и Петропавловскаго, что на Лазещинѣ (таб. 40). Три низкихъ сруба, два половинныхъ по сторонамъ, расположенные на одной оси, дадутъ другой характерный планъ: «верховинскій», трехклетный. Чтобы получилась отсюда, напримѣръ, Ужокская церковь Св. Михаила, надо поставить на эти клетки другія, спереди — высокую, звонничкой, а надъ средней и алтарной частями — одну клетку надъ другой, низенькими суживающимися ярусами. Затѣмъ, останется только увѣнчать сооруженіе восьмериками и шатрами, крытыми гонтомъ, обвести такими же гонтовыми скатами всѣ образовавшіеся уступы и выдвинуть, для лучшаго стока воды, нижній крутой скатъ навѣсомъ, оперевъ на столбики, въ видѣ галлерей съ трехъ сторонъ (описанъ). Простѣйшія гонтовыя покрытія шатеркомъ встрѣчаются повсемѣстно на «оборогахъ» для храненія сѣна и на придорожныхъ часовенкахъ, иногда увѣнчанныхъ высокими распятіями, какъ напр., у Иршавы (таб. 37).

Верховинскія шатровыя церкви чрезвычайно живописны и плѣнительно первобытны. Мало того: это рѣдкій примѣръ архитектуры чисто-конструктивной, безъ всякихъ излишествъ. Образцовъ ея на Подкарпатской Руси всего нѣсколько. Но ту же излюбленную трехклетную основу сохраняютъ очень многія церкви и съ барочнымъ или готическимъ привкусомъ. Если замѣнить простой шатеръ надъ звонницей Ужокской церкви высокимъ покрытіемъ барочнаго характера съ нѣсколькими перехватами и затѣйливой маковицей, сохранивъ все остальное, то получится, конечно приблизительно, церковь изъ Обавы или изъ Плоцка. А придавъ этимъ декоративнымъ деталямъ еще нѣкоторое барочное развитіе (не совѣмъ соразмѣрную въ высоту переднюю башню), мы приблизимся къ старой Шелестовской (таб. 39). Точно такъ же и базиличныя двухскатныя церкви часто сохраняютъ этотъ трехсрубный низъ. Тутъ дѣйствительно обнаруживается зависимость формы отъ матеріала и техники. Постройки срубами не требуютъ техническихъ ухищреній, — достаточно одного топора. Деревянными зданіямъ, строящимся элементарнымъ способомъ, предугаданъ отчасти описанный планъ... Такъ сочетались: русская изба и мадьярскій костелъ во вкусѣ бароко, русская изба и ампирный фронтонъ, русская изба и военная средневѣковая башня, выдвинувшая наружу галлерейку (для часового) съ четырьмя куртинами по угламъ и высокимъ копьевиднымъ шпилемъ (таб. 38 а)...

Во внутреннемъ убранствѣ подкарпатскихъ храмовъ тоже безъ сомнѣнія сказывается вкусъ деревни, хотя и не могутъ быть причислены къ народному искусству ни находящіяся въ нихъ новыя и старыя иконы (послѣднія напоминаютъ грубую сербскую иконопись), ни кое гдѣ декоративная роспись, ни иконостасы, ни церковная утварь. Здѣсь преобладаетъ мало привлекательный шаблонъ, только очень условно «мѣстный», почти тотъ же, столь обычный убого сладкій шаблонъ, что и въ глухо провинціальномъ католическомъ костелѣхъ, съ позолоченными розами и головками херувимовъ, витыми колонками балдахина надъ престоломъ, капризно закрученными раковинами рококо. Много церквей вѣдь и было передѣлано въ свое время изъ костеловъ въ храмы униатскаго обряда.

Впрочемъ, мѣстное церковное бароко даетъ иногда и очень граціозныя декораціи. Совѣмъ великолѣпныя, напримѣръ, рѣзаной иконостасъ, съ тяжелыми вино-

градными лозами, относящийся къ срединѣ XVIII вѣка, въ Порошковѣ. Очень интересенъ также иконостасъ, привезенный въ Ужгородъ д-ромъ Залозецкимъ изъ разрушеннаго верховинскаго храма. Миѣ лично удалось привезти изъ другой, тоже сломанной уже церкви въ Шашварахъ воспроизведенныя здѣсь царскія врата, чрезвычайно типичныя для края, хотя и трудно предположить, чтобы такую работу когда либо выполняли на мѣстѣ (таб. 36).

Помимо того, внутри церквей, среди обихода богослужебной рутинѣ, вкраплены иногда безусловно «народныя» частности: кромѣ напестольныхъ крестовъ, уже описанныхъ, какая нибудь доска съ неподражаемымъ Георгіемъ Побѣдоносцемъ надъ извивающимся дракономъ или курьезно расписанная деревенскимъ богомазомъ хоругвь, или грубо выточенный изъ дуба высокій пузатый подсвѣчникъ на волнотобразныхъ ножкахъ, или двухсторонній рѣзной трикирій: на одной сторонѣ изображеніе распятаго Христа и солнца подъ нимъ, а сзади — наивнѣйшіе херувимы, похожіе на летучихъ мышей съ головами канониковъ. Трикирій изъ собранія «Просвита», воспроизведенный на таб. 33, — характерный образецъ, можетъ быть, XVIII вѣка. Эта композиція и теперь вдохновляетъ кустаря, тѣмъ болѣе, что излюбленныя мѣстными рѣзчиками мотивы здѣсь палицо: шестилепестныя розы, «папоротники», «зубцы». Традиція «Троицы» пользуется почетомъ на Подкарпатской Руси. Крестьяне вырѣзаютъ ихъ до сихъ поръ. Очень своеобразны рѣзные подсвѣчники въ округѣ Ясины, но эта ясинская рѣзьба близка уже къ искусству Шкрѣбляковъ (таб. 35).

Въ заключеніе, заслуживаютъ вниманія узоры и на тѣхъ деревенскихъ издѣліяхъ, что связаны съ Свѣтлымъ Праздникомъ: раскраска, при помощи воска, пасхальныхъ яицъ⁹ и скульптурная орнаментация куличей. И то и другое представлено здѣсь: писанками изъ Нересницы и близъ лежащихъ селъ, также изъ Рахова (таб. 30, 31, 32), и «пасками» (такъ называютъ русины пасхальные куличи), выпеченными въ Ясинѣ (таб. 34). Разумѣется, представленные образцы не исчерпываютъ богатства примѣняемыхъ въ такихъ случаяхъ узоровъ. Можно было бы заполнить сотню страницъ разнообразными пасхальными орнаментами, въ которыхъ запечатлѣлись очень древнія реминесценціи народа, напр., выпеченныя на «паскахъ» фигуры жаворонковъ того же, кстати сказать, традиціоннаго вида (сплетеніе восьмеркой для изображенія сложенныхъ крыльевъ), что и наши російскіе «жаворонки». Мотивъ геометрическаго колоса, папоротника и «знака подобія» (о которомъ будетъ подробно сказано въ главѣ о вышивкахъ) часто встрѣчается и на куличахъ, но въ общемъ скульптура ихъ гораздо натуралистичнѣе: изображаются, главнымъ образомъ, цвѣты, иногда до тончайшихъ ботаническихъ подробностей, въ ознаменованіе цвѣтенія на Пасхѣ. Въ Россіи эти выпеченные цвѣты замѣняются бумажными розанами.

Уже было сказано: глиняное производство на Подкарпатской Руси скорѣе мадьярское наслѣдіе, и недавнее, чѣмъ мѣстная традиція. Но декоративную керамику народъ любитъ. Въ рѣдкой избѣ не увидишь полки, уставленной расписными мисками, и эта деревенская посуда дополняетъ игрой пестрыхъ разводовъ красно-бѣлыя полосы домотканыхъ ручниковъ, скатертей и постельныхъ покрывалъ. Словацкіе керамическіе заводы давно забрасываютъ Подкарпатье своими гладко-поливными нарядненькими издѣліями. Теперь кое что ввозятъ и Чехи. Все же самыми дешевыми остаются кустари изъ Ужгорода, Хуста, Севлюша. Въ базарные дни каждый мастеръ несетъ на площадь все, что приготовилъ за недѣлю, и безпорядочными рядами устанавливаетъ прямо на землѣ раскрашенные отъ руки, «первобытно» обожженные и глазурированные, различныхъ размѣровъ горшки, кувшины, блюда, чашки. Самые крупные горшки съ широкимъ горломъ называются «сильками», затѣмъ идутъ «хорны», «хорнычи» и «хорнички» (кружки), узкіе сосуды для молока и пива — «млечники», «пивняки», «купани» съ длиннымъ горлышкомъ или безъ него (въ ходу также мадьярскія названія, напр., «тоукань» или «танджеръ» для тарелки). Техника и формы у всѣхъ конкурентовъ одинаковы, но у всякаго горшечника свой жанръ, свои излюбленные краски и узоры.

Изъ названныхъ центровъ подкарпатская народная керамика просачивается почти во всѣ села. Помимо того еще въ двухъ-трехъ мѣстахъ Мармароша изготовляется глиняная посуда, но самая простая, безъ раскраски и поливы, и самымъ элементарнымъ способомъ — «на кругѣ». Состоитъ онъ въ слѣдующемъ: кустарь вращаетъ ногами большой деревянный кругъ, къ оси котораго, на высотѣ рукъ мастера придѣланъ другой кругъ, значительно меньшій и потому вращающійся на много быстрѣй. Этотъ то малый кругъ и служитъ для обтачиванія и сглаживанія предметовъ, которымъ искусные пальцы кустаря придаютъ форму¹⁰.

Я не буду говорить подробно о художественной индивидуальности керамистовъ, болѣе или менѣе даровитыхъ, работающихъ сейчасъ въ Ужгородѣ, Хустѣ и Севлюшѣ въ одиночку и цѣлыми семьями и приспособляющихся, кто какъ умѣетъ, къ рыночному спросу. Остановлюсь лишь на отдѣльныхъ случаяхъ, взятыхъ изъ достаточно большого матеріала, на примѣрахъ проявившейся мѣстной узорной традиціи въ этомъ, овенгеренномъ и модернизованномъ почти сплошь, производствѣ.

Начну съ Ужгорода, керамика котораго извѣстнѣе за предѣлами родины. Въ послѣднее время появился на нее спросъ за границей, даже въ Америкѣ. Къ сожа-

лѣнію, популярностью пользуется не самое художественное въ ужгородскихъ издѣліяхъ, а наиболѣе броское, по вкусу заѣзжихъ мѣщанъ. Недалеко отъ Ужгорода есть мѣстечко Капушаны, гдѣ работаютъ довольно дѣятельно полукустари-полувинтелигенты, обжигающіе эту излюбленную туристами псевдонародную керамику. Многоцвѣтно-фантастическій рисунокъ состоитъ изъ неправильныхъ разводовъ, унизанныхъ какъ бы мелкими свѣтлыми бусинками. Тона преобладаютъ темные — коричневый, синій, черный. Полива съ яркимъ глянецомъ, отчего еще декоративнѣе выдѣляются ожерелья бусинокъ. Мнѣ не извѣстно, кто изобрѣтатель этого «пуырчатого» стиля, но керамика, изготовляемая въ Капушанахъ, — модернистская экзотика, хотя мотивы ея подчасъ и заимствованы у мѣстнаго фольклора.

Остальная глина, продающаяся на ужгородскомъ базарѣ, значительно проще и соответственнo дешевле. Дешевизна дѣлаетъ ее доступной для деревни, которая и покупаетъ не капушанскую экзотику и подражательныя ей произведенія, а нехитрое мастерство ужгородскихъ горшечниковъ, не думающихъ о «городской» красивости и находящихъ иногда инстинктивно тотъ первичный стиль, который особенно цѣненъ въ народныхъ издѣліяхъ. Получается порой и здѣсь, этотъ «примитивъ», у любого изъ омадьярившихся кустарей подкарпатской столицы: у Яна Петровчика, Стефана Гривняка, Густава Бембовика, Яноша Вереше и др. Я называю опять мѣстнымъ узоромъ то же, что въ деревянной рѣзвѣбѣ: линейный геометризмъ, отдающій и стилизаціей древняго происхожденія, и міромъ родной природы.

Таблица 43 даетъ три тарелки, въ этомъ смыслѣ показательныя. Сочетаніе волнообразныхъ полосокъ, точекъ и кружковъ — по краямъ тарелки (а) — со смутной звѣздообразной фигурой на ея днѣ, надо признать удачно разрѣшенной задачей въ декоративномъ отношеніи и «примитивомъ», не лишеннымъ подлинности очень древней... Вѣдь эти зигзаги и кружки — не первая ли *графическая рѣчь* человѣка, не первая ли декоративная исповѣдь пращюра въ вѣка далекіе бронзы и даже неолита? Какая старина... Но мы знаемъ: для того, чтобы эта рѣчь выработалась, нуженъ былъ еще древнѣйшій періодъ, когда украшающіе узоры были не геометрической стилизаціей, а прямымъ изображеніемъ, можетъ быть и ваклинительнаго характера, явленій природы и животныхъ, первыхъ друзей и враговъ человѣка. Не былъ ли первоначально амѣей и этотъ бѣлый зигзагъ на коричневомъ полѣ ужгородской тарелки? А этотъ треугольникъ — сидящей летучей мышью?.. Такова многозначительность народнаго творчества, неамѣтно оно уводитъ въ сѣдня доисторическія дебри, откуда началось духовное бытіе на землѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, есть что то въ иныхъ образцахъ современной керамики Подкарпатя удивительно напоминающее тѣ, покрытыя ломанными и перекрещивающимися черточками, кувшины и амфоры мѣстнаго бронзоваго вѣка, которыя можно видѣть въ мукачевскомъ собраніи Легоцкаго¹¹. Конечно, рѣчи нѣтъ о прямой традиціи, — эпоха бронзы цвѣла здѣсь за тысячу лѣтъ до нашей эры, — но не указываютъ ли эти совпаденія въ формахъ и орнаментѣ на общность съ одной стороны первобытной художественной психики, а съ другой — всетаки на декоративные элементы, косвенно унаслѣдованные кустаремъ и впрямь отъ глубочайшей древности,

хотя бы и не мѣстной? Не надо забывать, что тысячелѣтіе назадъ — баснословный срокъ для быстро мѣняющагося европейскаго города, но значительно меньшіе для деревни, что впитала культуры, изливавшіяся съ азіатскаго Востока отъ временъ незапамятныхъ. Я уже указывалъ на пораазительныя совпаденія гуцульскихъ приморъ украшенія съ «микенскимъ» стилемъ подкарпатской бронзы. Описанный гончарный «кругъ» на Мармарошѣ — почти таковъ, какимъ пользовались и въ вѣкѣ «латекскій». Развѣ это не преемственность? Символика въ некоторыхъ обычаевъ деревни погружаетъ насъ еще глубже назадъ въ янческія сумерки. Ими овѣяны первоначальные мотивы народнаго художества. Даже и не перенятые отъ памятниковъ старины долгимъ преемственнымъ путемъ, эти характерные мотивы все же унаслѣдованы черезъ вѣка инстинктивнымъ вкусомъ простолюдина, чтущаго завѣты предковъ. Новыя моды приходятъ, иногда укореняются, но стародавняя основа не утрачиваетъ своей скрытой силы, которая при случаѣ и проявляется.

Характерную черту подкарпатскаго узора — геометризмъ, отсутствіе украшеній, непосредственно подражательныхъ природѣ, — мы видимъ, воавращаясь къ таблицѣ 43, также на тарелкѣ *b*: тутъ сочетаніе этой «геометрии» (концентрическіе круги и волнообразная кривая) съ изображеніемъ цвѣтка на днѣ. Тарелка *c* даетъ кайму изъ «елочекъ» и традиціонную шестилепестковую розу, вписанную въ зубчатый кругъ. Блюда на таблицахъ 44 и 45 *d* болѣе эскизно первобытны. Здѣсь звѣзда, круги и кружки, кресты, зигзаги и пальметы — скорѣе намеки. Традиція налицо и въ узорѣ горшковъ работы Гривняка и Бембовика (таб. 43 *d* и *f*). Въ хустовской керамикѣ примѣры послѣдовательнаго геометризма встрѣчаются рѣже. Мадьярская цвѣточная стилизація завладѣла ею почти цѣликомъ (таб. 44, 45). Тѣмъ не менѣе воспроизведенныя на таб. 42 сосуды кустаря Леновича: темно-коричневые «хорнъ» и кувшинъ для воды, («кавказской» формы: горлышко съ двумя отверстіями и еще отверстіе въ дутой ручкѣ) орнаментированы тѣмъ же примитивнымъ способомъ. И на остальной хустовской, а также и севлюшской керамикѣ, эти первоначальные узоры какъ бы необходимый аккомпаниментъ къ цвѣтамъ тюльпана, гвоздики, приса, маргаритки и пр., которыми украшаютъ горшечники, по большей части омадьярившіеся русины, незамысловатую свою утварь. Окраска разнообразна. Каждый кустарь подбираетъ цвѣта по собственному вкусу. Если у ужгородца Гривняка особенно изящны сочетанія бѣлаго съ зеленымъ, синимъ и кофейнымъ цвѣтами, у Петровчика — темно-коричневаго основанія съ бѣлымъ и синимъ узоромъ, у Бембовика — бѣлыхъ полосъ и точекъ по оранжевому полю, то у старика Іосифа Перчи изъ Хуста пріятны коричневые полосы на сѣро-зеленой основѣ и сине-желтые цвѣты, у Миклоша Сакача — синія гирлянды по бѣлому фону, или, по черно-коричневому, синіе цвѣты съ бѣлымъ, а у Ивана Бѣленскаго по зеленому полю узоръ бѣлый, синій и бурый и т. д. Керамика кустарей Севлюша, Яноша Професура и Яноша Пюспѣки, по своему тону наиболѣе, пожалуй, напоминаетъ маіолику. Гармонія сѣро-бѣлаго фона съ голубымъ и оранжевымъ узоромъ доказываетъ прирожденный вкусъ послѣдняго, хотя рисунокъ динехъ гвоздикъ и тюльпановъ не дѣлаетъ большой чести севлюшскому мастеру (таб. 41 *f—h*).

Разумѣется, называя цвѣточный узоръ Ужгорода, Хуста и Севлюша «мадьярскимъ», я ничуть не опредѣляю мадьярскій декоративный стиль. Тѣмъ болѣе, не думаю я, что цвѣты подкарпатскихъ горшечниковъ древне-венгерскаго рода. Но несомнѣннымъ остается фактъ, что весь этотъ народный стиль заимствованъ отъ венгерской промышленности. Другой фактъ: рядомъ съ мадьярской продолжаетъ вліять на эту керамику традиція мѣстныхъ навыковъ. Мотивъ «папоротника», на примѣръ, или «колошеевъ» (напоминающій «сиурокъ» курганныхъ сосудовъ) соотвѣтствуетъ, какъ будто, простѣйшему узору и въ деревянной рѣзбѣ... Врядъ ли можно сдѣлать изъ этого какіе нибудь историческіе выводы, но эстетическое заключеніе напрашивается: дальнѣйшій путь подкарпатской керамикѣ (если думать о ея поддержкѣ) предугаданъ общимъ стилевымъ устремленіемъ народнаго вкуса.

Но самыя интересныя керамическія произведенія встрѣчаются опять таки въ юговосточномъ углу Подкарпатя, на Гуцульщинѣ. Я имѣю въ виду тарелки (изрѣдка и кувшины) галиційскаго происхожденія, которыя придаютъ особый колоритъ «краснымъ угламъ» въ расположенныхъ поодаль отъ дорогъ хатахъ Ясины, Квасовъ, Богдана-на-Тиссѣ. Отъ упомянутой раньше Настуни Аголшукъ изъ «Бѣлаго Хреста» приобрѣтена старая тарелка, воспроизведенная на таблицѣ 48 а. Кругомъ, по краю, крупныя зубцы чередуются съ вайями папоротника, а весь центръ занятъ изображеніемъ коровы въ довольно фантастическомъ окруженіи: между декоративныхъ завитковъ и зернистыхъ гириядочекъ тутъ и тамъ глазокъ съ расходящимися во все стороны рѣсницами (не отъ глаза ли?). На другой тарелкѣ того же стиля, изъ Богдана, изображенъ быкъ (таб. 48 б). Гамма — по бѣлому полю сочетаніе зеленаго, коричневаго и желтаго. Не менѣе любопытны остальные двѣ тарелки изъ тѣхъ мѣстъ (таб. 48 с и д), приближающіяся къ геометрическому стилю, и совсѣмъ «восточный» по виду кольцеобразный кувшинъ тѣхъ же цвѣтовъ (таб. 49). Наконецъ, воспроизведена еще серія кувшиновъ съ преобладаніемъ густо-синяго узора по бѣлому фону, принадлежащихъ «Просвитѣ» (таб. 46 и 47).

Во всехъ случаяхъ мы имѣемъ очевидно дѣло съ подѣлками изъ гнѣздъ керамическаго производства, которыми славилась и восточная, и западная Галиція, еще въ XVII столѣтіи оживленно торговавшая гончарной посудой. Въ серединѣ прошлаго вѣка (воспроизводимая утварь относится къ этому времени приблизительно) въ Галиціи было свыше восьмиста керамистовъ и горшечныхъ мастерскихъ: 387 мастеровъ и 649 учениковъ на округъ Львовской коммерческо-промышленной палаты и 219 мастеровъ съ 317 учениками — на округъ Бродскій¹⁸.

Въ то время на востокѣ работало четыре фаянсовыхъ завода: въ Глинскѣ, въ Сѣдлицахъ, въ Любичи Королевской и въ Подтыличѣ. А мѣсть, гдѣ изготовлялась глиняная муравленая посуда, насчитывалось до сорока... Откуда бы ни происходили находимыя теперь въ ясинской округѣ старыя тарелки съ узорами такого восхитительнаго иззелена-коричневатаго тона, — будь то Бабичи, Галичъ, Николаевъ или другое ближайшее къ карпатскому перевалу мѣсто, — онѣ вполнѣ «сопадаютъ» по характеру своему со всѣмъ художественнымъ обликомъ Гуцульщины.

Народная одежда, вмѣстѣ съ украшающими ее вышивками, наиболѣе уцѣлѣвшая отрасль подкарпатскаго фольклора. Большинство сельъ по Тиссѣ и ея мармарошскимъ притокамъ, въ долини Туріи и на всей Верховинѣ, вѣрны еще старинной сельской модѣ. Лишь съ медленной сравнительно постепенностью вытѣсняется она платьемъ общеевропейскаго покроя, и причина этого не только отсталость Угорской Руси, но и глубокое чувство родины. Подъ владычествомъ венгровъ ли, или швабовъ, или поляковъ, русины берегли свою «русскую одежду»... Какъ знамя. Въ этомъ проявился здоровый инстинктъ: національный костюмъ — надежная защита отъ духовнаго растворенія въ иноплеменной стихіи. И если, послѣ вѣковъ всяческой кабалы, подкарпатскій «селянинъ» говоритъ: «я — русскій», не забылъ родную рѣчь и сохранилъ въ униатствѣ православный обликъ, то помогла эта его вѣрность одеждѣ предковъ. Но, конечно, не могла сохраниться она цѣликомъ отъ славяно-сармато-монгольской своей праисторіи. Сохранилась частями, гдѣ одно, гдѣ другое, и подверглась различнымъ вліяніямъ: словацкому, мадьярскому, нѣмецкому, польскому или румынскому, обычно нѣсколькимъ заразы. Не моя задача расчлененіе этихъ вліяній, тѣмъ болѣе, что тѣсно переплелись они и межъ собою, и съ національной основой. Да и въ этой основѣ, обычно называемой славянской, безъ оговорокъ, есть элементы, уводящіе насъ очень далеко... Заимствованія въ такихъ случаяхъ, будучи происхожденія давняго, вошли въ плоть и кровь народа и ничуть не кажутся диссонансомъ. Разнородные элементы, спаянные вѣками, создаютъ стилевое единство. Национальный костюмъ, хоть и обнаруживаетъ упорнѣйшій консерватизмъ, но какъ живая часть быта, — особенно живая, потому что и въ деревнѣ мода есть мода, — подверженъ всяческимъ воздѣйствіямъ иавнѣ. Завоеватель или сосѣдь, племя высшей или нившей культуры, все равно: чужой вкусъ заражаетъ новизной, вѣдается послѣ долгой привычки, такъ или иначе толкаетъ мѣстную «эволюцію». Въ результатѣ на древней основѣ (тоже, вѣдь не самозарожденной, а получившейся, какъ итогъ разныхъ силъ) создаются новыя сочетанія, которымъ нельзя отказать въ естественности.

Именно одежда на Подкарпатской Руси больше, чѣмъ что либо, примѣръ поучительный: необыкновенная живучесть стародавнихъ, племенныхъ, несмотря ни на что, вмѣстѣ съ языкомъ, уцѣлѣвшихъ завѣтовъ и въ то же время претвореніе «чужихъ», болѣе или менѣе старинныхъ, вкусовъ въ традицію. Отсюда множество сочетаній, иногда парадоксальныхъ, почти всегда плѣняющихъ какой нибудь нежи-

данной частностью... Наиболее колоритенъ подкарпатскій костюмъ тамъ же, гдѣ богаче и всѣ мѣстныя художества, у Гуцуловъ; наименѣе овенгеренъ, естественно, на Верховинѣ и по долину Турин; всего разнообразнѣе, измѣнчивѣе въ подробностяхъ отъ села къ селу, — на Мармарошѣ.

Въ гуцульскомъ районѣ крестьяне носятъ русскую сорочку («кошулю» — сербская «кошула», польская «koszula» и т. д. — отъ лат. *casula*) со стоячимъ прямымъ воротомъ, большую часть по старинѣ, поверхъ штановъ, подносясь шерстянымъ плетенымъ кушакомъ разныхъ цвѣтовъ, который завязывается на лѣвомъ боку. Воротъ, грудь и обшлага вышиты (бумагой или шерстью), также и нижній край рубахи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Ясинѣ, рукава, немного ниже плечъ, украшаются вышитыми непирокими полосами: «установками». Эти полосы такъ названы, потому что чаще вышиваются отдѣльно по ткани, на которой легче считать нитки, а затѣмъ уже «вставляются» въ рукавъ. Всѣ эти вышивки связаны между собой общей темой узора и подборомъ красокъ.

Въ теплое время года Гуцуль носить холстяные порты, «гати» («портяницы», «нагавки», — по чешски и словацки «ногавицы»), въ холодъ надѣваетъ поверхъ, какъ я галиційскіе сосѣди, шерстяные «убранья», или «холошни», черные, темносиніе, темнокрасные, а то и дубленые. Обувь — если не высокіе сапоги («чижмы» венгерскаго покроя), то традиціонные не для одного Подкарпатя самодѣльные «постолы» или «бѣчкоры», родъ сандалій съ заостряющимися носками: безъ выкройки, просто отрѣзокъ толстой дубленой кожи, свернутый и искусно стянутый ремнемъ по ногѣ, — близко напоминаютъ кавказскую горную обувь. Постолы надѣваются на шерстяные вязанные чулки («пунчохи», или «капци», «капчурь»), бѣлые, черные, иногда красные, съ узорной цвѣтистой каймой поверху, а приспуровываются они къ ногамъ черными волоками изъ козьей шерсти (см. таб. 55).

Главное щегольство Гуцула въ широчайшемъ кожаномъ ремнѣ, «чересѣ», на нѣсколько пряжекъ, и въ очень декоративной короткой безрукавкѣ, «кожушкѣ» (аналогія галиційскому «киштарю»). Такой ремень, ясинской работы, изображенъ на таб. 56 б. Обычно онъ цвѣта темнокраснаго и украшенъ тисненіемъ и металлическими вставками. Служитъ карманомъ, за него засовываются ножъ, трубка, кисеть и пр., предохраняетъ животъ и грудь при работѣ багромъ и длинными веслами («опачинами») на тяжелыхъ плотяхъ, «ворахъ». Кожушкѣ (цвѣтная таб. 1) выдѣляется изъ овечьей кожи лучшаго качества и бываетъ подбитъ мѣхомъ, всегда бѣлый и мягкій, какъ лайка, вышитъ разноцвѣтно помутомъ, хитро разубранъ цвѣтными кожаными ремешками, петлями изъ позументовъ, металлическими продырявленными кружочками и пр., словомъ «цифрованъ», разузоренъ по мадьярской модѣ. Къ вороту съ двухъ сторонъ пришивается тонкій бѣлый снуръ съ зелеными и красными кисточками, который закидывается назадъ и виситъ на спинѣ (безъ всякой пользы: «дармовисъ»). Кожушокъ носятъ даже лѣтомъ и мужчины и бабы, когда хотятъ принарядиться, а въ морозъ такими же щеголяютъ полушубками, «кожухами», на густомъ бараньемъ мѣху, съ длинными рукавами. Какъ гдѣ надѣваютъ еще «гуню» и «петекъ», описанные ниже. Никакихъ принадлежностей одежды и украшеній изъ мѣди, подобныхъ гали-

ційскимъ, какъ то сумокъ съ мѣдными пуговицами, пороховницъ, проволочныхъ самодѣльныхъ цѣпочекъ въ видѣ запястій, нагрудныхъ крестовъ и пр., на подкарпатской Гуцульщинѣ я не видѣлъ. Нынче въ селахъ по Тиссѣ вся металлическая утварь — изъ еврейскихъ лавокъ, а сумки носятъ шерстяныя, домотканья, клѣтчатыя, въ видѣ мѣшечковъ на тесьмѣ, называемыя «тайстрами», или въ видѣ двойного мѣшка для ношенія черезъ плечо — «бесаги». Онѣ въ ходу и дальше на западъ (таб. 50 а и 57 а).

Традиционные головные уборы встрѣтишь уже не такъ часто у Гуцуловъ. «Клепаня», зимняя шапка съ мѣхомъ и клапами, которые или подвдвываются подъ подбородкомъ, или торчатъ вверхъ, сохранилась еще въ Богданѣ-на-Тиссѣ. Въ другихъ мѣстахъ видишь круглый «шлыкъ», куда менѣе живописный. Не попадались мнѣ и лѣтнія галиційскія валяныя «крысани», широкополыя, съ бляхами, лентами и перьями. Да и длинные волосы до плечъ, которыми еще недавно щеголяли «лезгини» (парни — звучитъ, какъ «лезгинъ»), умащивая ихъ масломъ и пивомъ, даже и старики не всякій носить.

Внѣшній обликъ молодыхъ Гуцулокъ сохранился полнѣе. Попрежнему красиво причесываются дѣвушки, вовсе не покрывающія головы въ теплые дни. Дѣлать волосы отъ макушки на двѣ половины, тщательно приглаживаютъ и заплетаютъ (надъ ушами) въ двѣ косы, вдѣвая въ нихъ разноцвѣтныя ленты. Отъ непогоды накрываются платкомъ («хусткой»). Но только замужнія женщины, положивъ косы вокругъ головы вѣнцомъ, носятъ платокъ, завязавъ сзади его концы, скрещенными подъ подбородкомъ. Это эмблема утраченной свободы, «завязаннаго свѣтка». При вѣнчаніи невѣста и дружка надѣваютъ вѣнки изъ листьевъ барвинка (по старинной традиціи), завитые сплошь, въ видѣ шапочекъ. Ихъ украшаютъ по разному, въ Ясинѣ — маленькими бумажными цвѣтами яркихъ колеровъ, зелеными листочками, блестящими бусинками; все густо посыпается золотою фольгой и прилаживается къ волосамъ красными шерстинками.

Простѣйшій женскій нарядъ состоитъ изъ русской длинной, почти до щиколотокъ полотняной сорочки, собранной въ тонкую морщинку вокругъ шеи и у обшлаговъ, съ богато вышитыми поперечными «установками» немного ниже плеча, болѣе широкими, чѣмъ мужскія, и ватѣмъ — изъ двухъ замѣняющихъ юбку такъ называемыхъ «запасокъ», т. е. тканыхъ шерстяныхъ передниковъ на подобіе нашихъ пантѣвъ и плахтъ (таб. 56 а). Остальное — какъ у мужчинъ: пунчохи, постолы, «цифрованныя» кожушочки и виною кожухъ. Сорочка съ неглубокимъ вырѣвомъ стягивается тесьмой спереди и подпоясывается наряднымъ пояскомъ («окрайкой»), вязаннымъ изъ разноцвѣтной шерсти; въ него вплетаютъ и золотыя нитки. «Запаски» (таб. 32 б) ткутъ изъ тонкой волны, тѣсными полосами темно и свѣтло-красной шерсти, перебирая ихъ зеленой и желтой ниткой, а для пышности золотымъ или серебрянымъ «дротемъ». Видъ этихъ плахтъ однообразенъ, но онѣ отличаются отбѣнками цвѣта и, если приглядѣться, тончайшими уклонами тканого рисунка. Завязываются же вокругъ талии спереди и сзади длинной шерстяной кромкой такъ, чтобы передняя запаска загибалась на заднюю, а нижніе концы не слишкомъ расходились. При этомъ чуть ли не

въ каждомъ селѣ свой обычай: гдѣ меньше виденъ подолъ рубахи, гдѣ больше и т. д.

Остается еще упомянуть о вязаныхъ зимнихъ рукавицахъ и напульсникахъ, украшенныхъ тщательнымъ, и съ лицевой стороны и съ изнанки, тонкимъ многоцвѣтнымъ узоромъ, а также о красивѣйшихъ напудничкахъ «силянкахъ», изъ бисеринъ («коралковъ»), которыя дѣвушки и женщины носятъ на шеѣ. Бусами щеголяютъ рѣже и не вездѣ. Узоръ для силянокъ берется того же характера, что и на вышивкѣ, но разнообразіемъ не отличается. Шириной онѣ бываютъ не больше пяти сантиметровъ (см. цвѣтн. таб. II *a—d*). Самыя узкія видѣлъ я въ Богданѣ, гдѣ такимъ же бисеромъ зачастую вышиваютъ уставки и скатерти.

Это описаніе гуцульского костюма, конечно, не все, что можно сказать о немъ. Отъ В. Бочкова до Ясины — цѣлая скала мѣстной моды. Женскія уставки отличаются и узоромъ, и подборомъ красокъ, и техникой вышиванія и размѣрами. Самыя узкія — олять таки въ Богданѣ, нѣсколько шире въ Раховѣ, въ Квасахъ, въ Кобольей и Косовской Полянахъ и наибольшей ширины въ Ясинѣ. Притомъ и тутъ, въ этомъ огромномъ селѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ сель-предмѣстій и на двадцать съ лишнимъ километровъ раскинувшемся по Тиссѣ, стиль вышивокъ нѣсколько мѣняется въ зависимости отъ предмѣстья: на Лазещинѣ иначе вышиваютъ, чѣмъ въ Стебѣ или въ Черной Тиссѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — въ В. Бочковѣ, въ Росущкѣ — рукава на женскихъ рубахахъ вышиваются сплошь, чѣмъ достигается большая нарядность (см. таб. 51 и цвѣтная III). Мѣняется и мужская мода... Но эти подробности представляютъ второстепенный интересъ.

Когда подвигаешься на Западъ по Тиссѣ, поражаетъ рѣзкая особенность въ обличіи «Долишнянъ», напоминающихъ степныхъ мадьяръ короткими своими рубахами, подъ которыми виднѣнъ низъ голой груди надъ поясомъ, и широчайшими «гатиами» на суркѣ. Этотъ парадоксальный и явно заимствованный костюмъ мужчины носятъ также у Иршавы и Долги. Между тѣмъ, женская сорочка здѣсь не слишкомъ отличается отъ гуцульской. Различіе въ томъ, что прорѣха съ завязками у нея не спереди, а сзади (какъ видно на рубахѣ изъ Березника, таб. 54). Спереди же у ворота искусно вышиты по густымъ складочкамъ, или морщинамъ, почти вездѣ здѣсь называемымъ «рамáми» (отсюда «зрамлено», «зрамковано»), небольшой нагрудникъ. Такъ же «на рамáхъ» вышиты и обшлага, «зарукавники», безъ оборокъ или съ оборками («фодры», «фодрички», или еще «дуды»). Рукава украшены не «уставками», а вышивками различныхъ швовъ (и разнаго фасона у женщинъ и дѣвушекъ) прямо по холсту сорочки. Холстъ домотканый, крупно-вернистый, такъ что можно обходиться безъ канвы. Изъ хорошаго качества, (чисто выбѣленного) полотна часто бываетъ выкроенъ, какъ и у Гуцулокъ, лишь верхъ сорочки, на подолъ идетъ болѣе грубая ткань («подтечка»). Вышивки иногда очень велики, заполняютъ отъ плеча три четверти рукава. Ихъ называютъ «заспульницами».

Женскія сорочки того же общаго вида, съ поясомъ, который дѣвушки завязываютъ сзади, а бабы спереди, носятъ вездѣ на Мармарошѣ, отъ Волового до Черны, Велятина и Вышкова на югъ. Въ Чернѣ — уже румынская мода, вводящая въ жен-

скую рубаху широкую, тканую крупнымъ узоромъ, кокетку, соединенную съ на-
плечьями и пришитую къ вороту. Еще характернѣе мужской нарядъ въ Чернѣ
(таб. 57a—b, 59b).

Собственно юбки, называемой здѣсь «свита», на Мармарошѣ крестьянки не
носятъ, за исключеніемъ франтихъ, одѣвающихъ «по пански». Юбку замѣняютъ
вшитый въ поясъ передникъ на сборкахъ, «платъ», изъ подъ котораго виденъ подолъ
сорочки; завязки его связываютъ спереди подъ грудью (таб. 65). На «платъ» идутъ
разныя покупныя матеріи: въ Воловомъ — предпочтительно черныя шерстяныя тка-
ни, такъ же и на головной платокъ, «ширинку» (таб. 59a). Черный цвѣтъ кое гдѣ
преобладаетъ и въ другихъ мѣстахъ, но на югѣ Мармароша больше въ ходу пестрые
«платъ», иногда и шелковые. Обыкновенно нашиваютъ на нихъ полоски изъ лентъ,
а талію стягиваютъ поясками, надѣтыми поверхъ (таб. 62, 65). Отмѣчу еще красивые
передники въ округѣ Долги, темные съ красочными цвѣточками и листками. Тамъ
же носятъ бабы особенно длинный шерстяной поясъ: его нѣсколько разъ обматыва-
ютъ вокругъ стана.

Гуцульскій «кожушокъ» замѣняется на Мармарошѣ «лайбикомъ». Это корот-
кій лифчикъ безъ рукавовъ, вѣрнѣе — жилетъ (изъ тѣхъ же тканей, что «платъ»),
окаймленный зубчиками, лентами, тесьмой (таб. 56a, 63a). Напоминаетъ кавказскую
безрукавку. Богатыя крестьянки вмѣсто «лайбика» надѣваютъ «бунду», жилетку
изъ красной кожи, опушенную бараньимъ мѣхомъ, съ нашитыми цвѣтами, снурками,
кисточками, металлическими пуговицами (таб. 60, 61). Это уже наслѣдіе отъ преж-
нихъ подкарпатскихъ мѣщанъ. Обычной частью костюма и въ зимнее, и въ лѣтнее
время является также короткая шерстяная куртка, большею частью бѣлая, у которой
воротъ, низъ обшлаговъ и карманы обшиты синимъ сукномъ. Называется «вуйошъ».
Носить ее круглый годъ, но лѣтомъ мужчины не надѣваютъ въ рукава, а наклады-
ваютъ на одно плечо, какъ ментикъ, «на впашки». Женщины и дѣвушки любятъ
увѣшивать себя монистами, или «пацѣрками». На шеѣ — бисерныя «силянки» (въ
Маѣ говорятъ «грядокъ» и «глоцко», около Нересницы — «гарда»), а на грудь свѣ-
шиваются тщательно подобранными рядами нитки («ланцки») стекольныхъ бусъ
разнаго размѣра и цвѣта, даже коралловъ.

Стариннаго образца и прически, иногда довольно сложныя. Дѣвушки при-
глаживаютъ волосы по сторонамъ прямого пробора и на макушкѣ, а пониже уклады-
ваютъ волной, слегка подвитыми, и заплетаютъ отъ висковъ въ двѣ косы, которыя
перехватываютъ на спинѣ широкой шелковой лентой и соединяютъ въ «косицу»,
перевитую черными шерстинками (таб. 63b). Лѣтомъ украшаютъ волосы вѣночками
изъ барвинка или пучками искусственныхъ цвѣтовъ (таб. 62) и просверленными
монетками (опять таки — по восточной модѣ), и эти украшения, когда служатъ при-
даткомъ къ вѣнцу, вырастаютъ въ свисающіе у висковъ чуть ли не до плечъ букет-
тики, въ которыхъ чего-чего нѣтъ: тонко выстриженные изъ бумаги розаны, крупныя
бусины, фольговыя звѣздочки и всякая мишура. Изъ того же матеріала строятъ
вѣнецъ: то въ видѣ ровныхъ плотныхъ гирляндъ между рядами стекляруса, то съ
пышно разросшимся правымъ бокомъ, то вовсе напоминающій шапочку изъ цвѣ-

товъ и лентъ съ оттопыреннымъ навадъ султаномъ (таб. 56а, 63а, 64). Всѣ дѣвѣицы на выдавѣи носятъ вѣнцы и зовутся «невѣстами». Въ семьяхъ, гдѣ нѣсколько сестеръ, это право старшей; ее всегда узнаешь по праздничному наряду: при заключеніи браковъ очередь старшинства и теперь соблюдается строго. Головной уборъ невѣсты бываетъ еще сложнѣе и расцвѣтаетъ подчасъ, въ день свадьбы, фантастическимъ садомъ, — вся семья принимаетъ участіе въ этомъ обрядовомъ туалетѣ.

На западъ отъ мармарошскаго центра, по долину Боршавы до Иршавы на югъ, вѣнковъ не носятъ, а красиво связываютъ сзади ленточнымъ бантомъ косы, съ вплетенными въ нихъ самодѣльными бахромчатыми снурками изъ красной, синей, бѣлой и зеленой шерсти. Зато замужнія женщины сохранили традиціонный чепецъ («чепакъ»), маленькій, черный, разубранный алыми лентами и наряднымъ вышиваніемъ. Платокъ, темный или пестрый, носится поверхъ. Въ вѣнцѣ изъ барвинка выходитъ въ этихъ краяхъ дѣвушка только разъ для совершенія брака, но послѣ церкви снимаетъ его и надѣваетъ обыкновенную соломенную шляпу, разукрашенную луковицами чеснока и кукурузными зернами, а уже на нее и свой вѣнецъ. Въ этомъ «тотемическомъ» уборѣ возвращается молодая въ хату и въ немъ остается, пока старухи послѣ свадебнаго пира не наколятъ ей брачнаго «чепака». Въ остальномъ Мармарошѣ чепцовъ не носятъ. Выйдя замужъ, покрываются платкомъ, завязывая концы сзади. Франтихи такъ его складываютъ, чтобы косы, уложенныя вокругъ головы и соединенныя концами на лбу, видны были съ боковъ (таб. 61). Это тоже перенято отъ мѣщанъ, — вмѣстѣ съ дорого стоящими «бундами».

На ногахъ у женщинъ чаще всего высокіе покупные сапоги съ голенищами («чоботы»), но обуваются и ботинки, «топанки». Также носятъ, больше на сѣверѣ, поверхъ чулокъ («штримфлей») или онучей, постолы на волокахъ, которыя здѣсь особаго фасона, безъ задковъ, какъ видно на таб. 55. Въ грязь, чтобы не пачкать чулокъ, приходится ходить на пальцахъ, и это отразилось на мѣстной походкѣ. Должанки въ праздникъ франтятъ еще красными сафьяновыми «чижмами» венгерскаго покроя.

О совсѣмъ коротенькихъ, обнажающихъ грудь мужскихъ рубашкахъ, въ округѣ Долга-Иршава, и о необыкновенно широкихъ портахъ къ нимъ въ придачу я уже упомянулъ¹⁴. Всюду въ другихъ мѣстахъ Мармароша мужчины ходятъ въ обыкновенной русской сорочкѣ съ прямымъ воротомъ, но подолъ ея заправляютъ въ штаны, по мѣщанской модѣ. Грудь складочками и обшлага бываютъ вышиты сложнымъ, кропотливымъ и весьма изящнымъ, но мало бросающимся въ глаза узоромъ, съ преобладаніемъ бѣлой «оплетачки». Сорочка застегивается обычно на синія стеклянныя пуговицы. Въ Велятинѣ мужчины носятъ еще особые вышитые передники, а въ Керечкахъ — короткія рубахи, съ вышивкой отъ ворота кругомъ до самыхъ плечъ, въ видѣ кокетки.

На мармарошскихъ крестьянахъ лѣтомъ всюду полотняныя широкія «гати», зимою же — шерстяныя, узкія. Послѣднія называются «холбшнями», когда домашняго издѣлія, изъ чистой овечьей шерсти, и «надрѣгами», когда покупныя. Широкіе ремни, какъ гуцульскіе, въ долину Боршавы еще надѣваютъ прямо на голое тѣло.

Въ большинствѣ мѣстъ довольствуются чернымъ «лайбикомъ». Верхняя одежда — такой же, какъ у женщинъ, «вуйошъ». Мужчинъ встрѣтишь чаще въ постолахъ, чѣмъ женщинъ, и рѣже въ высокихъ чоботахъ. Лѣтомъ держатся еще черныя войлочные «крысани», широкополая шляпы съ низкимъ верхомъ и съ цвѣтами на «шпилькахъ», а зимой «клебаны» и «бараница» изъ сѣрой смушки, кое гдѣ и высокая мохнатая «кучма», напоминающая черкесскую папаху¹⁵.

Но всего любопытнѣе теплая одежда, распространенная почти на всемъ Мармарошѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Подкарпатя: «гуня». Ее одинаково носятъ и мужчины и женщины. «Гуня», которую въ Галиціи зовутъ «чугой» или «чуганей», бываетъ похожа на короткую кавказскую бурку. Это особая шерстяная самодѣльная свитка, бѣлая, сѣрая или черная, безъ воротника, «только окаймлена у шеи краснымъ сукномъ и застегивается шерстяной петлей на большой узелъ («гамбу»), служащій вмѣсто пуговицы», какъ описываетъ Головацкій. Впрочемъ, на Мармарошѣ окаймленіе чаще изъ бѣлаго сукна, а шнурокъ, на который завязывается гуня, называется «ошинки». Рукава — длинные. Но обыкновенно въ рукава не надѣвается. Ее ткуть изъ овечьей шерсти и такимъ способомъ, чтобы лѣвая сторона была гладкой, а на правой оставались нитяные мохры, образующія космы, похожія на овечьи руна¹⁶. Въ селахъ Мармароша эти шкурообразныя «гуни» — по преимуществу бѣлыя и не ниже колѣнъ. Но по теченію Боршавы, гдѣ во всемъ замѣчается какое нибудь отличіе, гуни носятъ черныя и нелохматыя. Обитателей окружныхъ селъ (Долга, Борицы, Кушница, Керецки и др.) даже величаютъ по этому поводу «Черняками». Такая гладкая гуня называется «петекъ». Ее носятъ въ селахъ по Терешвѣ и Рикѣ и у Гуцуловъ (короткой волной поперхъ). На Верховинѣ у Лемковъ — «петекъ» особой выкройки: спереди короче, а рукава вытянулись настолько, что волочатся по землѣ и служатъ карманами. Тутъ, очевидно, аналогія до извѣстной степени съ той одеждой галиційскихъ Лемковъ, которую Головацкій называетъ, какъ и гуню, «чугой» и считаетъ особенностью мѣстнаго костюма, описывая такъ: «родъ суконной шинели съ рукавами, у которой отъ небольшого стоячаго воротника виситъ по спинѣ пелеринка, оканчивающаяся длинными бѣлыми шнурками, кистями. Такіе же (на свѣчи похожіе) шнурки висятъ у рукавовъ. Рукава защиты и употребляютъ вмѣсто сумокъ, ибо чуга носится лишь только на опашки. И этотъ покрой одежды повторяется на востокѣ Карпатъ (въ Буковинѣ въ видѣ манти) и на западѣ у Словаковъ»¹⁷. Манта, или мента, — отсюда и гусарскіе ментики, а при звукѣ «чуга» невольно вспоминаются древне-московскіе кафтаны, *чюги*, и русскіе же шугаи и, наконецъ, грузинскіе *чужи* съ откидными рукавами...

Продвигаясь отъ Мармароша на верховинскій сѣверъ мы попадаемъ къ подкарпатскимъ Лемкамъ. Граница проходитъ какъ будто въ селѣ Соймѣ за Воловымъ. Здѣсь почти вездѣ женщины носятъ короткую до бедеръ сорочку и широкую юбку («сукню»). Передникъ подвязывается уже поперхъ юбки и называется «пилка», «катранъ», «преинпачка» (около Ужока). И то, и другое — обыкновенно изъ покупной матеріи разныхъ цвѣтовъ, чаще черной и синей. Если и надѣвается юбка того же

домотканого холста, что и сорочка, то подъ низъ, какъ «сподница». Только дальше къ Ужоку, крестьянка обходится въ своемъ скромномъ нарядѣ почти безъ покупныхъ тканей, и тогда юбку изъ самодѣльной пеньки, «фартукъ», украшаетъ снизу вышивкой красными и синими нитками и особымъ домашнимъ вязаніемъ, «чишной» (таб. 42а). Переходъ отъ передника, надѣтаго прямо на длинную сорочку, къ юбкѣ съ короткой сорочкой — въ самомъ этомъ обозначеніи юбки нѣмецкимъ словомъ «фартукъ».

Сорочка Лемчанки («оплечье») и вообще верховинской дѣвушки украшена скремнѣе, чѣмъ длинная кошуля «Липшачанки» изъ Мармароша, но не менѣе изящна. Нѣтъ широкихъ, закрывающихъ чуть ли не двѣ трети рукава, «ааспульницъ». Одной поперечной полоской расположенъ немного ниже плеча узкій «наплечникъ», его дополняетъ узорный обшлагъ и вышитый особымъ швомъ по морщинкамъ нагрудникъ, на фонѣ котораго красиво поблескиваютъ нитки монистъ, иногда и многорядныя ожерелья изъ бусинокъ (таб. 69). Сорочка завязывается не сзади, а съ праваго боку, на косой воротъ (таб. 53b). «Рамъ» на груди и у обшлаговъ иногда изумляющей тонкости. Совсѣмъ ювелирная работа вышиваніе по такому густому и твердому плиссе, и поразительны художественные эффекты, которыхъ достигаютъ при этомъ некуницы деревни. Изображенныя на таб. 68 воловецкіе нагрудники и, на цвѣтной таблицѣ IV, обшлага съ оборками и обшивочными даютъ представленіе о тончайшемъ искусствѣ Верховинянокъ. Я не могу вдаваться въ техническія подробности. Замѣчу только, что вышиваются нагрудники и обшлага «на рамѣхъ» двумя иглами сразу, причемъ одной продергивается нитка, какъ при тканьѣ, а другой, болѣе тонкой, шовъ завивается въ сѣтчатый узоръ.

Тотъ же характеръ сохраняетъ женская сорочка по всей Верховинѣ. Только оттѣнки моды и излюбленныхъ узоровъ мѣняются отъ села къ селу. Мѣняется и качество тканья. Около Ужока и въ приграничныхъ съ Польшей деревняхъ ткнуть грубѣе. Холстъ улучшается ближе къ Воловцу. Впрочемъ, въ этихъ мѣстахъ дѣвушки на выданьи и молодухи предпочитаютъ покупныя хлопчатобумажныя ткани, достаточно вернистыя, чтобы считать нитки при вышиваніи.

Верховинянки очень разнообразно носятъ головные платки, мѣстами и чепцы¹⁸. Впрочемъ, невѣста Лемчанка лѣтомъ и зимой ходитъ въ церковь съ непокрытой головою, распуская косы или тщательно укладывая вокругъ головы (у замужнихъ онѣ прикручиваются на макушкѣ). Но отъ Волового до Воловца дѣвушка не выйдетъ изъ хаты безъ платочка, и непременно бѣлаго, а по замужествѣ сразу надѣваетъ два — «на бабку»: маленькій, красный или черный, завязывается назади, а поверхъ него, второй большой, все равно какого цвѣта, — подъ подбородкомъ. Въ обоихъ случаяхъ заплетаются двѣ косы, и въ нихъ вылетаютъ по красному шерстяному снурку, концы котораго соединяютъ кистью изъ тѣхъ же нитокъ. Около Ужока, гдѣ сохранилась отчасти длинная сорочка, «долгана» (какъ носятъ дѣти), женщины подпоясываются плетенымъ кушакомъ изъ грубой красной и зеленой шерсти и закладываютъ за него кисть своихъ красно-зеленыхъ косоплетокъ.

Здѣсь же (Ужокъ, Нижніе и Вышніе Ростоки, Любна, Быстра Верховина и др.) носятъ еще, по выходѣ замужъ, чепецъ (таб. 66) изъ бѣлаго покупного полотна,

напоминающий русский повойникъ, суживающийся кверху, собранный сзади на мелкую сборку, съ двумя (или одной) подшитыми длинными лентами. Тулья украшается кусочками цвѣтнаго полотна или широкой, пестро-затканной цвѣтами шелковой лентой и разными жгутами, золотыми и серебряными поументиками и плетениями. Подборъ всѣхъ этихъ украшеній продается въ еврейскихъ лавкахъ и имѣетъ свои деревенскія названія: «пружка», «чипка», «зубчики», «оплеча партица» и «ряба оплеча» и др. Оригиналенъ бѣлый чепецъ, съ пучкомъ пышныхъ черныхъ лентъ сзади, изъ округи Воловца, въ видѣ овальной почти плоской наколки (на проволоку), плетеной по старинному «на кросенкахъ». Этотъ своеобразный чепецъ надѣвается только два раза и оба раза руками священника: въ церкви при вѣчаніи, на дѣвичью прическу, и второй разъ — въ гробу, какъ смертный вѣнчикъ. Плоская форма этихъ традиціонныхъ головныхъ уборовъ, подобія которымъ встрѣчались мнѣ, кстати сказать, на Моравѣ, напоминаетъ о шапочкахъ черкешенокъ.

Верховинскія мужскія рубахи въ общемъ немногимъ отличаются отъ мармарошскихъ, только домотканый матеріалъ грубѣе и вышиваются онѣ, на воротѣ, груди и обшлагахъ, большею частью одними черными нитками «крестомъ» и бѣлой пеньковой «оплетачкой». Ведѣ у крестьянъ широкія лѣтнія «гати» на ремешкѣ, около Воловца — съ бахромой, а зимою узкіе суконные «холошни». Въ горахъ носятъ «чересы». Зимнія теплыя шапки обычно называются «колпаками». Онѣ довольно разнообразныхъ фасоновъ, болѣе или менѣе круглыя и отороченныя мѣхомъ, иногда съ наушниками и шерстяной кистью на макушкѣ. Верхней одеждой и для мужчинъ и для женщинъ служитъ повсемѣстно такой же, какъ и на низинѣ, вуйошгъ, изъ грубаго домашняго сѣраго или бѣлаго «постава», обшитый синимъ или чернымъ покупнымъ сукномъ. Зимною собственно «гуня» (лохматая) распространена больше въ районѣ Ужока и на югъ по Ужу и Туріи. У Бойковъ она не въ модѣ, а Лемки, какъ мы видѣли, замѣняютъ ее длиннорукавымъ «петекомъ». На ногахъ — чулки («капцы»), портянки («платянкѣ») и постолы на ремешкахъ, также топанки и чоботы, причемъ послѣдніе носятъ женщинами.

Въ долину Туріи народная одежда быстро вытѣсняется городской модой, и это особенно жаль, такъ какъ детали турьянскаго костюма чрезвычайно художественны. Въ частности, женская короткая сорочка еще болѣе восхищаетъ, пожалуй, чѣмъ верховинская, скромнымъ благородствомъ стиля. Она иначе выкроена: мелко «врамлена» не вокругъ ворота, а лишь спереди и сзади, плечи остаются гладкими, и рукава къ нимъ пришиты такъ, что узорный наплечникъ помѣщается надъ рукавомъ. Вырѣзъ, круглый или квадратный, довольно глубокъ; короткая пазуха спереди, а не сбоку, на пуговкахъ или снуркѣ; вокругъ ворота узкая вышивка, «ошейникъ». Нагрудника на «рамáхъ» нѣтъ, но грудь около пазухи бываетъ вышита въ нѣсколько мерещчатыхъ продольныхъ рядовъ, и называютъ ее, какъ и вышитую грудь мужской сорочки, «фараметликомъ». На старыхъ рубашкахъ попадаются рукава, украшенные не только наплечникомъ, но еще нарядной продольной вышивкой крестомъ, отъ плеча внизъ до узенькаго «зарукавника» безъ оборокъ (цвѣтн. таб. V).

Юбки — широкія на густую сборку. Недавно еще носили ихъ изъ толстой домотканой пеньки, съ поясомъ, который вышивался разноцвѣтнымъ крестикомъ. Нынче на юбку («кабать») и передникъ («катранъ») идутъ покупныя матеріи, такъ же и на обтянутые лифчики съ рукавами, «визитки», которыя здѣсь замѣняютъ «лайбики», какъ и въ ословаченныхъ окрестностяхъ Ужгорода.

Дѣвушки причесываются на прямой проборъ, носятъ одну косу и завязываютъ бантомъ вплетенную въ ея кончикъ широкую ленту. Принарядившись, платки не надѣваютъ. Въ турьянскихъ селахъ поодаль отъ желѣзной дороги еще не вывелись старосвѣтскіе чепцы. Они нѣсколько иной формы, чѣмъ верховинскіе: распирены кверху, съ торчащими въ стороны углами, «рогатые». Подъ ними особеннымъ образомъ укладываются заплетенные волосы — на деревянной подставкѣ съ отогнутыми кончиками, чтобы держались эти торчащіе углы чепца (на подобіе нашихъ великорусскихъ «сорокъ», тоже «рогатыхъ», которыя подробно описываетъ Н. М. Могилянскій¹⁰). вмѣсто рожекъ, носятъ и деревянные гребни, которые теперь съ успѣхомъ замѣняются роговыми, фабричнаго производства. Турьянскій чепецъ не имѣетъ длинныхъ лентъ, а украшаютъ его, сложенные вдвое и пришитые сзади надъ складками, обрѣзки лентъ — «пантлики», которые висятъ бахромкой. Весь нижній край обшитъ красными «чипками» и разными шнурами; выше вьется зигзагомъ широкій «пантликъ», окаймленный «чипкой», а все небольшое, оставшееся свободнымъ, бѣлое поле вышито красными, зелеными и синими нитками. Поверхъ чепца надѣвается платочекъ, «хустя». Кромѣ того, въ модѣ большіе тонкіе «деленовыя» платки съ бахромой — «великія хусти на шею», или «кестемени», которые завязываютъ узелкомъ на поясищѣ, сложивъ треугольникомъ и перекрестивъ концы на груди, — такъ, чтобы бахромка стлалась по плечамъ. На шеѣ, кромѣ монистъ, которыя красиво называютъ здѣсь «свѣтлячками», еще узкія, черныя бархатки.

На мужскихъ сорочкахъ очень изысканно вышиваются разноцвѣтнымъ крестомъ, гладью, бѣлой оплетачкой и вырѣзью нагрудные «фараметлики», съ низкимъ воротомъ, и обшлага. Тамъ, гдѣ носятъ традиціонныя широкія холстяныя гати, онѣ съ бахромой. Остальныя примѣты турьянскаго костюма не существенны. Къ тому же въ большинствѣ мѣстъ онъ имѣетъ полугородской характеръ.

Подугородской стала почти вездѣ народная одежда около болѣе крупныхъ центровъ: Ужгорода, Березной, Мукачева, Свальявы, Севлюша и т. д. Въ пригородныхъ мѣстахъ и въ цѣлыхъ районахъ со смѣшаннымъ населеніемъ, на югозападѣ Подкарпатя, встрѣчаешься уже только съ отдѣльными частностями этой русской въ своей основѣ одежды, хотъ и омадьяризованной, а мѣстами и орумыненной, какъ мы видѣли, въ достаточной степени.

Въ мою задачу не входитъ подробное разсмотрѣніе техники подкарпатскихъ вышивокъ. Попутно я буду сообщать лишь тѣ свѣдѣнія, безъ которыхъ стилистическій разборъ былъ бы неясенъ. Впрочемъ, никакія подробности на словахъ не удовлетворили бы непосвященныхъ въ тайны рукодѣлія иглой, а для посвященныхъ воспроизводимые образцы говорятъ за себя. Предварительныя указанія на разновидности этой вышивальной техники уже сдѣланы во введеніи. Остается только ихъ дополнить въ связи съ анализомъ образцовыхъ узоровъ, расположенныхъ по «этнографическимъ районамъ». Я начинаю съ Гуцульщины и Мармароша, гдѣ вышитый узоръ представленъ наиболѣе полно и гдѣ техника вышивокъ приближается къ древнему тканью, отъ котораго большая часть и происходитъ (такія полихромныя ткани, и того же точно геометрическаго стиля, существуютъ во многихъ мѣстахъ по всей Россіи, называясь «переборомъ» и «перетякой»²⁰). Затѣмъ уже я перехожу къ вышивкамъ Турьянской долины и нагорій Верховины, гдѣ элементы узора по существу тѣ же, но техника значительно опрощена, а выѣстъ — бѣднѣе и рисунокъ.

Прежде всего я имѣю въ виду именно рисунокъ, а не цвѣтъ узора. Мнѣ думается, что цвѣтъ въ данномъ случаѣ не имѣетъ опредѣляющаго значенія. Традиція его менѣе постоянна. Деревенскіе навыки въ этомъ отношеніи подвержены колебаніямъ отъ случайныхъ причинъ. Если еще и держался цвѣтъ въ рамкахъ традиціи раньше, когда деревня пользовалась растительными красками собственной выдѣлки, то со времени повсемѣстнаго распространенія фабричныхъ анилиномъ окрашенныхъ нитокъ соблазнъ нововведеній слишкомъ великъ. Старая мода сохранилась только въ глухихъ углахъ, и то мы видимъ, какъ она мѣняется, можно сказать, на нашихъ глазахъ. Напримѣръ, верховинская манера вышивать исключительно красными и синими крестами, или красными и черными, или же сплошь черными, постепенно утрачивается: желтый цвѣтъ сталъ входить въ моду на памяти не очень старыхъ людей. И это нормальное явленіе. Вѣдь и многоцвѣтныя вкраплины въ турьянскій узоръ, прежде только черный, сравнительно новаго происхожденія. Точно такъ же и современная радужность гуцульскихъ «установокъ», съ преобладаніемъ той или иной красочной скалы, не опредѣляетъ древняго стиля. Скала мѣнялась въ теченіе вѣковъ, и здѣсь вліяніе сосѣдей не могло не сказаться въ первую очередь. Такъ, за послѣднее время въ округѣ Ясины яркая желто-оранжево-зеленая гамма опредѣленно вытѣсняетъ прежнюю черно-зелено-красную, можетъ быть... благодаря мѣстнымъ галицко-

украинскимъ настроеніямъ. Впрочемъ, и у народной моды свои неизъяснимые капризы.

Гораздо устойчивѣе узоръ. Онъ сохраняется, несмотря на цвѣтотворныя новшества: его стиль крѣпко связанъ съ вѣковымъ техническимъ навыкомъ. Мы наблюдаемъ это и на Подкарпатской Руси. Узоръ вышивокъ сохранился здѣсь отъ древности; основной характеръ его тотъ же, что и въ другихъ славянскихъ земляхъ, гдѣ не стерлась память о вѣкахъ народнаго искусства (независимо отъ того, насколько не является славянскимъ первоисточникъ этого узора). Главный интересъ, слѣдовательно, въ самомъ рисункѣ, въ стилистическомъ остовѣ подкарпатскихъ вышивокъ. О немъ и будетъ рѣчь дальше.

Основа этого рисунка вездѣ, отъ Стужицы до Ясины, одна и та же: ромбъ, т. е. четырехугольникъ съ равными сторонами, болѣе или менѣе вытянутый (начиная съ простѣйшей фигуры — квадрата). Ромбъ можно разсматривать и какъ два равныхъ треугольника, обращенныхъ другъ къ другу основаніями. Рядъ одинаковыхъ ромбовъ, вытянутыхъ въ полосу, даетъ цѣпочку, которая въ свою очередь является сочетаніемъ двухъ традиціонныхъ «кривулекъ», т. е. ломанныхъ линий, или соприкасающихся углами, «зубчиками», или перекрещивающихся (что не мѣняетъ дѣла, т. к. во второмъ случаѣ звенья кривульки только будутъ въ два раза длиннѣе).

Отсюда — почти всѣ разновидности подкарпатскаго узора. Его можно назвать ромбическимъ. Самые сложные на первый взглядъ рисунки вышивокъ сводятся, въ конечномъ счетѣ, къ разработкѣ этого геометрическаго мотива. И если къ нему изрѣдка примѣшиваются растительныя гирлянды, то такія узорныя примѣси дозволительно считать элементомъ позже привнесеннымъ, хотя бы онѣ и «врослись» въ геометрический рисунокъ и подверглись сами геометрической стилизаціи.

Въ этомъ — замѣтное различіе между подкарпатскимъ народнымъ узоромъ и великорусскимъ или малорусскимъ. На вышивки и ткани сѣверной и средней Россіи издревле вліялъ финскій растительный и животный орнаментъ, особенно богато представленный искусствомъ Чуващей²¹. На югозападѣ вліяла цвѣточная персидская стилизація, придавшая такую нарядность украинскимъ мотивамъ (въ чемъ славился — польскій вкусъ). Ни то, ни другое не проникло за Карпаты. Тождественна лишь геометрическая основа: превращенія ромба (во многихъ мѣстахъ Россіи называемаго «кругомъ»). Эта основа въ наибольшей чистотѣ сохранилась въ нашихъ смоленскихъ вышивкахъ «строкой», т. е. въ двуличной «вырѣзи», характерной для бѣлорусскаго шитья (о которомъ только что вышло интересное изслѣдованіе Е. Н. Клетновой: «Символика народныхъ украсъ»²²).

Въ гуцульскихъ вышивкахъ растительный элементъ вовсе отсутствуетъ. Онъ приходитъ лишь тамъ, гдѣ населеніе сжилося съ орнаментомъ польскимъ, словацкимъ, мадярскимъ. Можно говорить о чисто геометрической традиціи вышиванія на Подкарпатской Руси вообще, какъ бы ни хотѣлось видѣть въ иныхъ мотивахъ вышивокъ то или другое подражаніе природѣ. Правда, поводъ даютъ нѣкоторые мѣстныя названія узоровъ, какъ «бараньи рога», «перья», «мотыльки», «колосья», «елочка»

и т. д. Но чаще всего это лишь названія по сходству — традиціонныхъ геометрическихъ мотивовъ²³.

Стоитъ всмотрѣться въ гуцульскія вышивки, чтобы ромбическая ихъ первооснова бросилась въ глаза. Типичнѣйшій ясинскій узоръ, разработанный на тысячи ладовъ (см. таб. VI, 70, 71), — широкія непрерывныя полосы квадратовъ, соприкасающихся углами, между прямыми полосками въ одинъ или нѣсколько рядовъ («шутки», «пути», «снурь»), которыя служатъ окаймленіемъ. А надъ ними — ряды «трубокъ». Эти декоративныя «трубки», «покуривки», у которыхъ древнѣйшая орнаментальная генеалогія, геометрически не что иное, какъ продолженныя стороны ромба, загнутыя подъ прямымъ угломъ. Ихъ можно считать зародышевымъ меандромъ восточнаго типа (какъ будетъ видно дальше). Въ великорусской и бѣлорусской народной орнаментикѣ эти загибы даютъ начало многообразной разработкѣ *свастики* (таб. 99с). Она отсутствуетъ въ подкарпатскомъ узорѣ, если не принимать ромбъ съ отрогами, самъ по себѣ, какъ бы за двойную свастику, что вполне допустимо, графически разсуждая. Теряя загнутые кончики, «трубки» становятся прямыми «рожками» или торчатъ мелкими щетинками по сторонамъ ромба. Щетинками иногда обрастаютъ всѣ контуры и придаютъ узору тонко-зубчатое строеніе.

Рисунокъ затѣмъ усложняется и дальше. Малые квадратики съ «глазкомъ» въ серединѣ, «очкатые», размѣщаются въ большомъ квадратѣ, вмѣстѣ ромбически вытягиваются или сплющиваются и мельчаютъ, обращая все вышитое поле въ рѣшетку, или соединяются по пяти въ «кресты»; въ свою очередь кресты выпускаютъ щетинки, и т. д. Къ этимъ меандрическимъ наростамъ ромба очень близки крючки, или «ключки», — по мѣстному діалекту, — выпускаемые сторонами ромба вовнутрь, которые пріобрѣтаютъ особое значеніе въ техникѣ мармарошскаго вышиванія и тканья (таб. 79). Въ Ясинѣ вышиваются также узоры, состоящіе сплошь изъ маленькихъ квадратиковъ («куколки») съ «глазкомъ». Иногда же вся вышивка сводится къ снуркамъ, окаймленнымъ рядами «куколокъ» или «трубокъ» на полуквadrатахъ («бочарки»), какъ показываютъ таб. 71с, 73а. Попадаются изрѣдка полосы перекрещенныхъ параллельными чертами ромбовъ на гладкомъ фонѣ (таб. 72b), также — квадраты съ усѣченными вершинами и съ зубцами внутри, образующими кресты или восьмиконечныя звѣзды (таб. 77с, d)²⁴. Половина такой звѣзды — «мотылекъ». Изъ «мотыльковъ» тоже составляются бордюры такъ же, какъ изъ фигуръ, называемыхъ «чоботками». Половина «мотылька» даетъ «перья», «перы». Наконецъ, особымъ, не ромбоднымъ, можетъ и по своему древнему происхожденію, мотивомъ является фигура, напоминающая знакъ подобія, въ разныхъ вариантахъ (таб. 77а, b). Правда, и эта фигура легко получается изъ квадратовъ (при закругленіи угловъ), и наводятъ на эту мысль иныя подкарпатскія вышивки, въ которыхъ меандрическій узоръ, прерываясь, даетъ угловатая подобія лежащему S. Однако мы увидимъ ниже, что эта фигура можетъ быть различно истолкована. Она встрѣчается полами и отдѣльно, на кавказскихъ коврахъ и въ монгольской орнаментикѣ, и, какъ очень типичный элементъ, на тканяхъ и вышивкахъ всюду въ земляхъ со старыми

славянскими поселеніями: въ Буковинѣ, Румыніи, Венгріи, Сербіи, Хорватіи, Болгаріи, Албаніи и т. д.²⁶

Узоры Богдана-на-Тиссеѣ, Рахова, Косовской и Кобольей Полянъ, Росушки и т. д. въ общемъ повторяютъ комбинаціи лосиныхъ, отличаясь отъ нихъ цвѣтомъ по преимуществу. Объ изысканности ихъ раскраски даютъ достаточное понятіе цвѣтныя таблицы VI—VIII. Можно сказать, что въ Росушкѣ полосы ромбовъ менѣе компактны и болѣе щетинисты; въ Богданѣ весь рисунокъ мельче (вышивки значительно ўже); Коболья и Косовская Поляны отличаются квадратами, которые бывають вышиты крестомъ по краямъ, такимъ образомъ, что создается впечатлѣніе какъ бы нитокъ изъ бусъ (цвѣт. таб. VIII). Кромѣ того очень характерны для Росушки и Кобольей Поляны, въ особенности, бордюры изъ уголковъ, напоминающіе лѣпной карнизъ. Весь узоръ иногда состоитъ изъ обычныхъ шнурковъ между такими «карнизиками». Для вышивокъ Рахова не менѣе типичны ромбики съ длинными отрогами, похожими на паучы лапки, также полосы лежащихъ S, вписанныхъ въ квадраты, зигзагообразныхъ крючковъ восточно-ковроваго типа, и пр.

Раазумѣется, въ этомъ узорномъ контрапунктѣ не мало вольностей и случайныхъ уклоновъ. И чѣмъ новѣе вышивка, тѣмъ чаще наталкиваешься на завѣдомое непочтеніе къ традиціи. Было бы странно, если бы въ наше время вышитый узоръ не испыталъ на себѣ вліянія «городского» легкомыслія. Но въ общемъ завѣты предковъ еще держатся. Помимо того, надо всегда различать отъ гуцульскихъ узоровъ «крестомъ» — шовъ «нанизину» (или «навыворотъ»), болѣе характерный для края и болѣе связанный съ техникой тканья, послужившей для него прообразомъ²⁷. «Нанизину» черныи или темнокрасныи контуръ вышивается съ лѣвой стороны, а затѣмъ съ правой — промежутки заполняются разноцвѣтными стежками.

Еще очевиднѣе эта связь въ той особенной, мелкой двухсторонней, вышиваемой сплошь съ изнанки глади, которую населеніе Мармароша называетъ «напросто», причемъ разновидностью является шовъ съ напускомъ нитокъ, придающимъ выпуклость и кудрявость вышитой поверхности, — «кучерявый стегъ». Тутъ вся система вышиванія построена на крючкахъ или «ключкахъ», о которыхъ я только что упомянулъ, выпускаемыхъ вовнутрь сторонами ромбовъ («ключками» называются крючки на коромыслахъ въ Галиціи). Возьмемъ для примѣра должанскіе «заспульницы». Вышивки ромбовидныя, сплошныя, полосами отъ 6 сантиметровъ и ўже, одиѣми красными, толстыми нитками, иногда съ синими вкрапинами. Вышиты въ считанныхъ зернахъ, большею частью съ изнанки, «съ лѣваго боку» (кромѣ синихъ вкраплинъ), причемъ исходной фигурой является ромбъ съ крючками, называемый «ружей» (цвѣткомъ²⁷). «Ружа» можетъ быть на два, три, четыре крючка съ каждой стороны. Это схема. Разработка ея безконечно разнообразна. Къ ромбамъ присоединяется мотивъ перьевъ, или «перъ», на краяхъ вышивокъ, придающій имъ фестончатая очертанія. Сами крючки неодинаковы: длиннѣе, короче, съ тѣмъ или инымъ загибомъ. Такъ же и вся «ружа» бываетъ болѣе или менѣе сложна, съ добавленіемъ декоративныхъ элементовъ, какъ то: вписанныя внутрь «малыя ружки», перекрещенныя параллельными

чертами полосы, «папороть», «кучери», «столбики», «пупики» и др. По этимъ признакамъ мастерица и обозначаетъ узоръ. Напримѣръ: «четыре ружки ператы на три ключки», или «ружа на двѣ ключки», «папоротци съ двумя разводами и великіе кучери» и т. д. Одинъ изъ такихъ узоровъ украшаетъ и рукавъ женской березникской сорочки (таб. 54). Большой крестъ на рукавѣ изъ Лѣпши Поляны той же техники (таб. 80а).

Простѣйшую фигуру крючковаго ромба сплошными рядами даетъ вышитая «напросто» заслупница изъ Нижняго Синевира (таб. 79). Мы имѣемъ здѣсь простыя «ружки» на два крючка, съ малой «ружкой» посрединѣ, между полосками обычныхъ «путей», а снизу окаймленіе «перами». По всему своему характеру этотъ кропотливо вышитый узоръ, конечно, узоръ *тканый*. Мало того: точно такіе узоры и ткуются еще на Мармарошѣ (кромѣ окаймленія изъ «перъ», которыя всегда вышиваются). Тканья заслупницы съ «ружками на ключкахъ» мнѣ попадались хотя бы въ Боропѣ, около Изы. Сходство настолько полно, что съ перваго взгляда не отличишь, гдѣ вышито, а гдѣ ткано. Я уже указывалъ на подобныя же русскія «перетыки». Въ дополненіе необходимо упомянуть о «ромбическихъ» тканяхъ, выдѣлываемыхъ во многихъ мѣстахъ Румыніи и Венгрии. Древняя традиція ведаѣ одна и та же, но стиль этихъ тканей нѣсколько иной, болѣе изысканно-фантастическій. Румынскій узоръ къ тому же — съ замѣтнымъ греческимъ налетомъ. Само собой разумѣется, что вліяніе этой «экзотической» стилизаціи сказалось на гуцульскомъ и мармарошскомъ стилѣ вышивокъ и ихъ расцвѣткѣ.

Къ сожалѣнію, собственно ткани Подкарпатской Руси не даютъ большого матеріала для стилистическаго изслѣдованія. Часто сами онѣ уже вторичнаго происхожденія, являясь подражаніемъ вышивкѣ. Все же, почти всегда, ромбическая основа въ нихъ сквозитъ, что обнаруживаютъ воспроизведенныя здѣсь образчики. Очень ясно видна эта основа на шерстяной раховской «тайстрѣ» (таб. 50а). Не вовсе ступеневана она и путаннымъ переплетомъ нитокъ въ характерной ткани гуцульскихъ «запасокъ» (таб. 32b). Полотняные ручники и скатерти не менѣе показательны въ этомъ отношеніи, хотя въ большинствѣ случаевъ отъ «рогатыхъ» ромбовъ сохранились здѣсь одни намеки — въ видѣ красныхъ зубчатыхъ полосъ разной ширины, съ комбинаціями крестовъ и фигурокъ, напоминающихъ русское ж (см. таб. 92а, 93а, с, d). Постепенное развитіе этой геометрической стилизаціи показываютъ полотенца на таб. 94b, 95с и 96, гдѣ налицо и ромбическія «ружки», и «трубки», и «звѣзды», и «перы».

Но какъ бы ни были бѣдны современные образцы подкарпатскаго тканья, нельзя сомнѣваться въ томъ, что техника иглой явилась здѣсь замѣной ткацкому станку, и что узоры, теперь вышиваемые на сорочкахъ (выткать прямо на сорочкѣ нельзя, а вшить кусокъ ткани менѣе красиво, да и хлопотно), первоначально служили другой цѣли, прежде всего украшенію широкихъ поверхностей... Невольно опредѣляешь ихъ стиль, какъ *ковровый*.

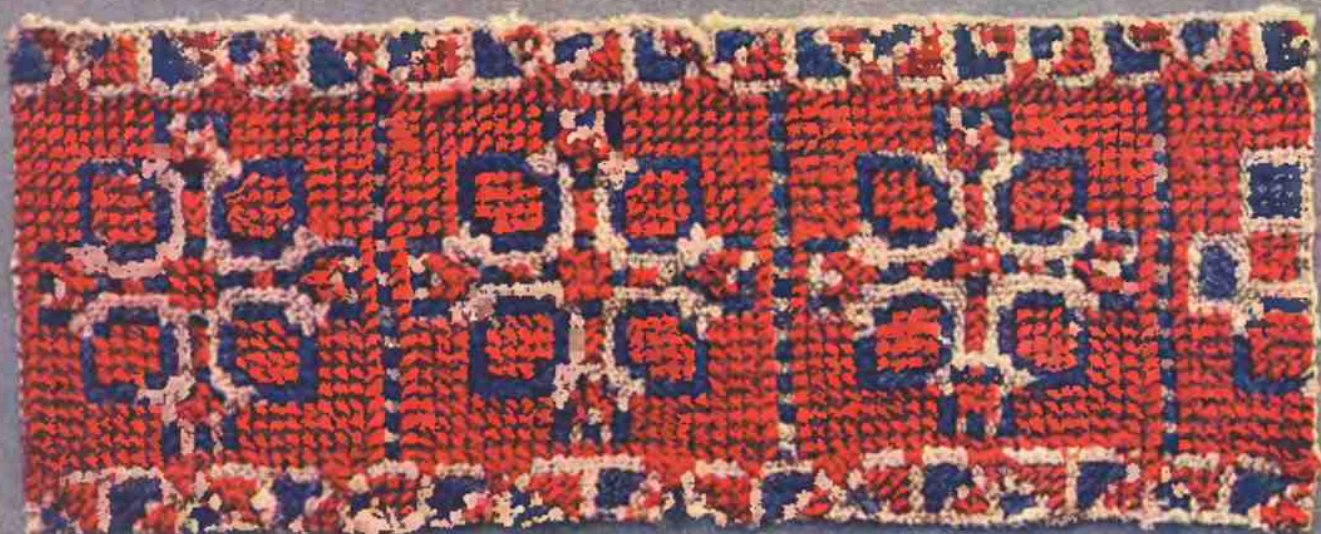
Любопытно отмѣтить, что и сейчасъ еще въ Нересницѣ, въ Ниаговѣ на Терешвѣ и въ Средней Апшѣ ткуются ковры и притомъ съ ромбами «на ключкахъ», какъ

показывает таб. 50b: воспроизведение шерстяной сумки через плечо, из Апши. Только здесь «ключки», по четыре с каждой стороны внешнего ромба и по одной — во внутреннем, представляют уже типично восточный декоративный мотив, с *топориковидным* утолщением крючка, того самого, который является существенным элементом — в старокавказском искусстве, напр., в старинном ковровом производстве среднего Кавказа. Генеалогия этих крючков тоже весьма древняя и восходит, вероятно, к дальневосточному примитиву, как и китайский парный меандр, который Фр. Гиртз считает символическим изображением грома. С неменьшим правом можно видеть в монгольских крючках, проникших в фольклор Подкарпатской Руси, символизацию когтей дракона. По крайней мере, это ясно показывает герб Мингов, сменивших, как известно, татаро-монгольскую династию Юань в XIV столетии²⁸.

Особенно поражает совпадение с подкарпатскими мотивами — пестрых разводов именно на *кавказских коврах*. Достаточно сопоставить, например, упоминавшуюся апшанскую тайстру, с одной стороны, и с другой — старые ковры из бывшего Карабахского ханства (теперешний Азербейджан) или недавняя кустарная работа из г. Шуши Елизаветпольской губернии, подражающая старинной орнаментировке, а также своеобразно стилизованные гладкие курдские «яманы» (таб. 97, 98), чтобы убедиться в их общем тождестве мотивов. Вообще не подлежит как будто сомнению, что большую часть элементов подкарпатского узора и даже стилистическую разработку этих элементов мы находим целиком на коврах кавказских: на старинных «мафрашах», служащих для укладки мягкой рухляди, на гладких «аили», на «келимах», «ширазах», «сумаках» и других тканях чисто ромбического рисунка. Недавно еще коверщицы Кавказа ткали такие ковры, ведя утком точь в точь те же узоры, что бабы из Ниагова или Апши²⁹.

Приведу еще один пример: тканые полосы, служащие для украшения кибиток у киргизов Тургайской области, не только по рисунку, но и по цветности своей вполне соответствуют гуцульским вышивкам обычного типа: все те же ромбы, выпускающие в стороны трубковидные крючочки (цвет. таб. II f). Сейчас я не хочу делать никаких историко-этнографических выводов, но совпадения красноречивы.

Два «крючка», обращенные в противоположные стороны и закругленные в конце, образуют фигуру, которую вышивальщицы русинские называют «бараньими рогами» и «бараньей головой»³⁰. Она хорошо видна на таб. 90b, где вышиты четыре «бараньих головы» крест на крест, между двух, обращенных друг к другу вершинами, зубцов, — все в окаймлении снурков. Совершенно ту же композицию дает воспроизведенный здесь кавказский «мафраш»: и «головы» крестом, и углы, и снурки. Кстати сказать, вытканы и полосы той фигуры, которую я называл условно лежащим S, и кажется она здесь ничем иным, как дальнейшей стилизацией «бараньей головы», т. е. тех же крючкообразных наростов. Не состоит ли из них и то, что хочется назвать «восточным меандром»?

Какъ бы двѣ встрѣчныя волны такихъ крючковъ, съ раздутымъ основаніемъ, напоминающія и микенскую «волну», и египетскую (на что указалъ мнѣ акад. Н. П. Кондаковъ), даютъ зигзагообразную полосу на мужской сорочкѣ изъ Любны (таб. 53а) и подобія S на женской сорочкѣ изъ Порошкова — таб. V (ср. также декоративные зубцы на ясиномомъ козюпкѣ).

«Бараньи головы» хорошо представляетъ таблица 81, также 78а и 80b. Изъ нихъ составлена вся широкая часть ниже-синевирской нарукавной вышивки (дальнѣйшее развитіе описанной только что схемы), а верхъ состоитъ изъ перистыхъ звѣздочекъ. Легко убѣдиться, что и мотивъ восьмиконечныхъ звѣздъ относится къ той же традиціи, причемъ ближайшее родство такой звѣзды съ восточной пальметой не вызываетъ сомнѣній (что отмѣчено еще В. В. Стасовымъ).

Что касается, въ частности, упомянутого коврового кустарничества въ Ніаговѣ, Нересницѣ и Апішѣ, то тутъ всего вѣроятнѣе прямое вліяніе на ткалей восточныхъ ковровъ, черезъ Румынію и Венгрію. Извѣстно, что въ Мармарошъ-Сигетѣ, незадолго до войны, была открыта мадьярская ткацкая школа, гдѣ работали и мастерицы изъ перечисленныхъ сель. Многое вообще должно было перейти въ Угорскую Русь съ юга, гдѣ не прекращалась историческая и племенная связь съ Востокомъ. Но, тѣмъ не менѣе: ромбы, «трубки» и «крючки» (не топорикивидные) остаются *общей традиціей*, слѣдовательно — древнѣйшимъ наслѣдіемъ, не только для русинъ, но и для славянскихъ племенъ, не соприкасавшихся съ мадьярами. Еще разъ напоминаю, что тѣ же декоративные мотивы распространены и въ необозримыхъ просторахъ Россіи, какъ среди населенія русскаго, такъ и между инородческими племенами монголо-тюркской и угро-финской крови. Напримѣръ, такіе же вышитые бисеромъ «рогатые» ромбики, что на Подкарпатской Руси, носятъ русскія крестьянки въ Орловской и Тульской губерніяхъ и на Украинѣ. Подобныя же украшенія — у сибирскихъ Остяковъ въ устьяхъ Оби и у волжскихъ финновъ: Чувашей, Мордвы, Черемисъ, Пермьяковъ, Вотьяковъ. Тѣ же мотивы на вышивкахъ и тканяхъ по Тисѣ и Дунаю, въ Азербейджанѣ, у Киргизовъ и на скандинавскомъ сѣверѣ, и слѣды этихъ же узоровъ въ восточной Германіи и... на островахъ Тихаго Океана²¹. Какъ перекинуть мосты между этими далеко лежащими другъ отъ друга точками?

Но, повторю то, что сказано во введеніи: на вопросъ о *происхожденіи* отвѣтить дальнѣйшія изслѣдованія; собраннаго матеріала пока недостаточно.

Возвращаясь къ темѣ, остается показать полнѣйшую аналогію узоровъ Гуцульщины и Мармароша съ «упрощеннымъ» верховинскимъ и турьянскимъ узоромъ. Это нетрудно. Надо только имѣть въ виду тѣ стилизаціонныя различія, которыя внесены въ верховинскій сѣверный узоръ, съ одной стороны, словацкими, польскими и иными вліяніями, а съ другой — упрощенной техникой вышиванія узкихъ полосъ «крестомъ» (безъ исползованія приемовъ владью «на низину» и «попросту»).

Для турьянскихъ вышивокъ характерны полосы усѣченныхъ ромбовъ, съ онаявляющими ихъ узкими поясками того же мотива, особенно -- для обшлаговъ, причемъ заканчиваются они обычно рядомъ жесткихъ зубчиковъ (таб. 82e—g) (такіе же зуб-

чики бывают и на тонких воротах сорочек). Новизна этих ромбов в иных случаях исключительно в том, что к «кресту» примешивается «оплетачка». Совсем особенную турьянскую нотку, в вышивании наплечников по преимуществу, вносят фестончатые бордюры из «мотылей» и «перь», придающие всему узору характер дробности и колючести. Для Турии Паськи и Турии Поляны, где многое лучше сохранилось, чем в соседних селах, типична фигура этих «перьев», разросшаяся благодаря прибавлению к ним закрученных рожек. В иных вышивках этот первоначальный перистый бордюр, уподобившийся здесь цветочному орнаменту (что усугубляется подчас заимствованными гирляндочками), приобретает главное значение и поглощает весь узор: от ромбов остается какая-нибудь «кривулька».

Так же прихотливо «вырзаны» подчас и порошковские вышивки, вдобавок — пестроцветные: к основным — черному, синему и красному «кресту» присоединяется «крест» ярко-голубой, зеленый, желтый. При этом заполняется не все холстяное поле, так что получаются просветы белого рисунка, которые в свою очередь разукрашиваются стежками глади, разнообразной вырзью и полумережкой, с большими и меньшими отверстиями («очки» и «цирки») и кружевным белым плетением. Этот грациозный стиль вышивки наиболее отступает от «кананого» гуцульского стиля, но и тут вездѣ сквозит первоначальная основа, и не возникает сомнения в преемственности обоих стилей. Не менѣе усѣченных ромбов, показательны для всѣх турьянских разновидностей ромбические кресты, восьмиконечныя звѣзды и т. д. Мѣстами проглядывают мотивы «трубок» и «крючков» (таб. 82, 85).

По тем же схемам составленъ верховинский узор. Онъ еще проще и кажется будто еще геометричнѣе. Во первых, потому что — болѣе сплошной (часто вовсе безъ просветовъ холста), а во вторых, потому что въ немъ менѣе разработаны «перья» и почти отсутствуют стилизаціонныя закругленія. По большей части, это простѣйшія комбинаціи «кривульки», одиночной, двойной или тройной, съ «путями» и мелко-рисуночнымъ бордюромъ (таб. 88a—d). Двѣ «кривульки», перекрещиваясь, образуютъ полосу ромбовъ съ глазомъ посерединѣ. Но ромбы здѣсь не выпускаютъ отроговъ въ стороны и внутрь, какъ въ гуцульскомъ узорѣ. Вышивальщицѣ этихъ узкихъ наплечниковъ просто не хватило бы мѣста для сложнаго рисунка. «Восточная» традиція сохранилась въ намекахъ, въ самыхъ скупыхъ и приблизительныхъ подобіяхъ того, что расцвѣтаетъ пышно на Гуцульщинѣ. Это явственно видно, напр., на таблицахъ 86 и 87, гдѣ узоръ даетъ по краямъ какъ бы рудименты гуцульскихъ «бочарокъ». То же происходитъ и съ крестомъ, вчерченнымъ въ квадратъ или ромбъ, и со звѣздой, и съ «путями», и съ мотивомъ «бараньей головы», который представленъ здѣсь узоромъ изъ Стужицы, повторяющимъ, какъ я говорилъ, композицію карабахскаго мафраша (и фигуръ, излюбленныхъ венгерскими ткачами).

Легко было бы дать убѣдительный анализъ каждой изъ приложенныхъ верховинскихъ вышивокъ, но послѣ всего сказаннаго врядъ ли есть въ этомъ надобность. Если я нѣсколько разъ возвращался къ доказательству происхожденія подкарпатскаго вышитаго узора отъ «гуцульского корня», то потому, что существуетъ прочно

установившейся взглядъ, будто верховинская вышивка — древнѣйшая. Между тѣмъ, можно вѣдь сказать и наоборотъ, что это «одичавшій» въ извѣстномъ смыслѣ гуцульскій узоръ... Рѣшить этого нельзя, однако, пока мы не располагаемъ всѣми историческими и этнографическими данными; пока мы не знаемъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ группа племенъ, заселяющихъ нынѣ Подкарпатье, получила въ наслѣдство восточное тканье, послужившее основой для ея народнаго узора. Пока не выяснено вообще, когда и какъ унаслѣдованъ этотъ узоръ славянствомъ. Процессъ измѣненій узора по районамъ заселенія могъ совершиться болѣе или менѣе быстро, подъ вліяніемъ чисто мѣстныхъ бытовыхъ и экономическихъ условій, но онъ могъ продолжаться и цѣлые вѣка. Можно утверждать одно: первоначально стиль узора здѣсь, въ подкарпатскомъ захолустьи, сохранился почти въ безпримѣсной чистотѣ, лучше чѣмъ у другихъ этнографическихъ группъ, воспринявшихъ ту же традицію. На Балканахъ, гдѣ онъ тоже сохранился, сказалось вліяніе малоазійскаго ковроваго тканья; въ Россіи, такъ же какъ на большей части Кавказа, всюду влилась персидская мелодія, не говоря ужъ о вліяніи ренессансныхъ мотивовъ. Но здѣсь нѣтъ ни намека на персидскія сказки ^стилизированныхъ растений и животныхъ, ни на ренессансъ, ни на арабесочные ковры изъ Смирны или Бруссы, хотя этихъ ковровъ и подражающихъ имъ издѣлій, сколько угодно хотя бы въ сосѣдней Румыніи (прекрасно оборудовано технически ковровое производство). Традиція, создавшая этотъ русинскій «ромбическій» узоръ, традиція воистину древнѣйшая, образовалась во времена, когда одна культура вліяла на другую съ медлительной постепенностью. Всегда — лишь темпъ ускоряется, благодаря ли удачнымъ торговымъ оборотамъ, или политическимъ событіямъ, — чистота стиля утрачивается, и сохранившіеся элементы народной старины не могутъ спасти искусства отъ эклектизма. Мы знаемъ: это постигло и тотъ ковровый узоръ, сходства котораго съ подкарпатскимъ столь показательны. Ковры Карабахскаго ханства, прославившись на весь Кавказъ и обрѣтая рынки и въ Европейской Россіи, и на Балканахъ, и на Западѣ, довольно быстро утратили первоначальную свою красу. Когда-то былъ чистѣйшій стиль. Разнородныя примѣси его извратили. То, что дѣлали на нашей памяти кустари въ Шушѣ, — или повторенія старинныхъ образчиковъ, или выродившійся вкусъ.

Быстро вырождается народная традиція и на Подкарпатской Руси. Фатально. Исторія не милуетъ красоты, и врядъ ли что нибудь можетъ остановить этотъ процессъ. Ужъ конечно не остановятъ интеллигентные руководители въ народныхъ школахъ... Пусть. Мы должны быть благодарны исторіи и за скупыя ея милости, за все, хоть малое, но чудесное, что чудомъ пока уцѣлѣло.

1. *M. Tímová*: «Národní kroj na Podkarpatské Rusi» (Katalog výstavy «Umění a život Podk. Rusi», upřesňoval a redigoval *Sergej Makovskij*, Praha, 1924, pp. 24—54). — *A. Kožmínová*: «Podkarpatská Rus», Píseň, 1922. — *Я. О. Головацкий*: «О народной одеждѣ и убранствѣ Русиковъ или Русскихъ въ Галичинѣ и сѣверо-восточной Венгрии», Спб., 1877. — *H. T. Bidermann*: «Die ungarischen Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte», Innsbruck, 1862.

2. См. проф. *Ю. Кулаковский*: «Аланы по свидѣніямъ классическихъ и византийскихъ писателей» (оттискъ изъ XIII кн. «Чтеній въ Ист. Общ. Нестора-лѣтоп.», Кіевъ, 1899). — *Н. Яновлеву*: «Новое въ изученіи Сѣв. Кавказа» («Новый Восток», изд. Научной ассоціаціи востоковеденія, кн. 5, Москва, 1924).

3. *А. Петровъ*: «Когда возникли русскія поселенія на угорской «Дольней землѣ»? (Глава изъ VI вып. Матер. для исторіи угор. Руси, Спб., 1911). «Большая часть поселеній внѣ предѣловъ Карпатскихъ горъ, на угорской «Дольней землѣ» (Alföld), равно какъ и на ближайшей къ ней полосѣ пологихъ склоновъ Карпатъ, не могутъ считаться остатками первобытнаго русскаго населенія, а возникли въ довольно позднее время, въ XVI, преимущественно же въ XVII и первой половинѣ XVIII в., (стр. 2). — Того же автора: «Объ этнографической границѣ русскаго народа въ Австро-Угрии», Спб., 1915; «Къ вопросу о словенско-рускою этногр. границѣ» («Русская Земля», Ужгородъ, 1923, №№ 26, 27, 28).

4. *В. Стасовъ*: «Русскій народный орнаментъ» (изд. Общ. Поощр. Художниковъ, Спб., 1872). «Восточные узоры, съ которыми наши имѣютъ всего болѣе родства, дѣлятся на двѣ главныя группы: узоры финскіе и узоры персидскіе». Какъ бы ни было спорно это утвержденіе, общій выводъ *В. Стасова* остается въ силѣ: «Русская орнаментистика, это — последнее эхо орнаментистики азіатской, это уцѣлѣвшій осколокъ древняго міра...» (стр. XVI).

5. *Włodzimierz Szuchiewicz*: «Huculszczyna», Kraków, 1904.

6. «Келевы» — посохи съ мѣдной ручкой, употребляемые вмѣсто топорцевъ. См. *Я. О. Головацкий*: *op. cit.*, стр. 70.

7. *В. Щербакіевскій*: «Українське мистецтво», Львовъ, 1913. — *Музиковскій*: «Holzkirchen in den Karpathen (Mitteil. d. zentral. Com., 1880, VI). — *Іуд. Зікмунд*: «Dřevěné kostelky pod. Užockým průmyslem» (Památník III Sjezdu Čsl. Ing. a Arch., Cošice, 1923, pp. 283—285, tab. 29—33). — *Т. Заплеталъ*: «Dřevěné chrámy Jihokarpatských Rusinů» (Sborník «Podkarpatská Rus», Praha, 1923). — *В. Заложецкій*: «Dřevěné cerkve v Podkarpatské Rusi» (Katalog výstavy «Umění a Život P. R.», Praha, 1924, pp. 55—70).

8. «Исторія Русскаго Искусства», ред. *Н. Грабаря*, I, II, Москва. — *Г. Палуцкий*: «Древности Украины», I, Кіевъ, 1905. — *О. К. Волковъ*: «Старинныя дерев. церкви на Волыни» («Матеріалы по этногр. Россіи», изд. отд. Русскаго Музея имп. Александра III. Спб., 1910, I, стр. 21—44).

9. Узоръ наводится растопленнымъ воскомъ, для чего служитъ жестяная палочка; затѣмъ яйцо опускается въ краску, — мѣста, покрытыя воскомъ, остаются бѣлыми.

10. Въ Россіи до онъ поръ сохранились тончарные круги, еще болѣе примитивные. *Н. Могилянскій* описываетъ кругъ, найденный имъ въ гор. Богородицкѣ, — даже безъ приспособленія для приведенія въ дѣйствіе ногою, съ цѣлью совершенно освободить руку: этотъ кругъ «приводится въ движеніе рукой; ему сообщается вращательное движеніе, и въ то время, когда онъ движется по инерціи, гончаръ работаетъ, затѣмъ опять нужно сообщить движеніе кругу, и т. д., — все это въ самой неудобной позѣ, прямо на полу набы съ подкладкой чурбана подъ сидѣніемъ. («Поѣздка въ центр. Россію для собир. этногр. коллекцій». Матер. по эти. Рос., I, стр. 17).

11. Фердинандъ Лессекъ: «Правѣкъ Подкарпатской Руси», Ужгородъ, 1922.

12. Эти свѣдѣнія изъ Jahrbuch des technischen Vereins in Lemberg, 1867 (Я. О. Головацкій: *op. cit.*, стр. 10).

13. Въ Галиціи дѣлаютъ различіе между передней и задней «запасками». Описывая крестьянокъ села Ермакова Чертковскаго уѣзда, Я. Головацкій замѣчаетъ: «Нижнее платье — родъ шерстяной полосатой плахты, называемой *фота* или *олинка*, которая, обхватывая свади талию, перевязывается нѣсколько разъ выѣтъ съ такимъ же шерстянымъ передникомъ (*запаскою*, *катраномъ*) длинною шерстяною кромкою (*крайкой*). Такъ какъ *фота* — узка и бѣвъ всякихъ сборовъ, то ея полы подбираютъ и вкладываютъ сзади за поясъ». Въ примѣчаніи Я. Головацкій дѣлаетъ интересную ссылку: «Аванасій Никитинъ въ своемъ путешествіи въ Индію очень часто упоминаетъ *фоту*: А гнягны ходятъ, *фота* на плечѣ обогнута, а другая на бедра; а слуги князіе и боярскіе, *фота* на бедра обогнута» (Полн. собр. русск. лѣтоп., Спб., 1853, т. VI, стр. 333).

14. «Этотъ покрой сильно напоминаетъ намъ древнихъ Скивоовъ, въ ихъ широкихъ брюкахъ», говоритъ Я. Головацкій (*loc. cit.*, стр. 54).

15. Я. Головацкій сравниваетъ высокую овчинную «сучку» Русиновъ съ фригійскимъ колпакомъ: «Она совсѣмъ похожа на шапку какъвасскихъ Лезгинцевъ и сильно напоминаетъ извѣстную въ древности фригійскую шапку» (*loc. cit.*, стр. 69—70). Ср. также, изображенные на римскихъ памятникахъ, конусообразные шлемы и шапки Сарматовъ-Янговъ (напр., въ книгѣ Vaszary Kolos'a: «Magyarország a királyság Megalápitása», I, Budapest, 1895).

16. Выдѣлывается сукно для «суня» слѣдующимъ образомъ: овечью шерсть, «волну», выпариваютъ въ горячей водѣ часа 3—4, а то и дольше, затѣмъ тщательно моютъ свѣжей водой на рѣкѣ и сушатъ. Потомъ шерсть дергаютъ («скубятъ») и чешутъ («честрятъ», «кряплютъ») на щеткахъ съ желѣзными зубцами, послѣ чего часть «волны» получается отборной, часть — похуже. Изъ послѣдней прядутъ веретеномъ два сорта нитокъ, толще и тоньше: на основу и утокъ. Между тѣмъ изъ «волны» лучшаго качества прядется тонкая нить, которая скручивается вдвое, а вслѣдствіе разрывается на кусочки разнѣромъ приблизительно 30—35 сант. Вотъ эти то кусочки проде-

ваютъ на краснахъ челнокомъ черезъ три нитки такъ, чтобы сукно получалось съ одной стороны лохматое. Затѣмъ его заляютъ на мельничномъ колесѣ въ теченіе цѣлаго дня и послѣ вымачиванія и сушки плетутъ «суню».

17. *Op. cit.*, стр. 75.

18. Вотъ нѣсколько наблюденныхъ мною подробностей. Замужнія «Чернянки» вокруг Долгой носятъ поверхъ чепака большой (приблизительно въ полтора метра) синій платокъ. Складываютъ его треугольникомъ и, перекрестивъ подъ подбородкомъ, завязываютъ на макушкѣ головы однимъ угломъ, при этомъ длинные концы платка свѣшиваются назадъ. Дѣвушки покрываются меньшими платками (70—80 сант.), преимущественно красными, съ бѣлыми и другими крупнолепестными цвѣтами. Завязываютъ подъ подбородкомъ однимъ угломъ. Во многихъ мѣстахъ на Мармарошѣ замужнія жепщины носятъ чернѣйшій платокъ, который завязываютъ свади, обернувъ концы вокругъ шеи, въ два узла, въ то время, какъ дѣвушки большею частью щеголяютъ платочками ярко-краснаго цвѣта, которые завязываютъ подъ подбородкомъ однимъ угломъ, — зимою также носятъ платки завязанными назадъ, но опять таки однимъ угломъ.

19. «Сорока почти всегда и вездѣ, — говоритъ Н. М. Моголянскій, — прикрѣпляется на особой подставкѣ или основѣ — такъ называемой «кичкѣ» чрезвычайно разнообразной формы, нерѣдко въ видѣ роговъ, — тогда она называется «рогатой» и дѣлается изъ грубаго простеганнаго холста, иногда на деревянной даже основѣ... «Добытый мною матеріалъ показываетъ сходство, если не полное тождество, найшихъ «сорокъ» съ тѣми образцами, которые собраны были еще раньше финскимъ собирателемъ А. Heikel'емъ гораздо восточнѣе, у часта мордовскаго населенія. Это та же «сорока», даже по имени *harakka* (Elster въ нѣмецкомъ переводѣ Heikel'я). Возможно уже была бы, мнѣ кажется, попытка... обслѣдованія вопроса о томъ, что же такое этотъ головной уборъ, который всю свою терминологию беретъ изъ пернатого царства: кика, кокошникъ, сорока, *harakka* и т. п.?! Каково его происхожденіе и распространеніе во времени у разныхъ народовъ и каковы границы его распространенія? Въ настоящее время Русскій этногр. музей имп. Александра III располагаетъ обширнѣйшимъ матеріаломъ, собраннымъ въ теченіе послѣднихъ 6—7 лѣтъ въ губерніяхъ: Воронежской, Пензенской, Самарской, Симбирской, Тамбовской, Рязанской, Калужской, Харьковской и т. д.» (Н. Моголянскій: *loc. cit.*, стр. 12).

20. См. кроме «Русского народного орнамента» В. Стасова, А. Лисенко: «Южно-русский орнамент» (изд. 7, с прибавл. узоров, собр. М. Хрущевой); Шаховская: «Альбом старинного шитья в России»; Шабельская: «Орнаменты Шацкого уезда Тамбовской губ.»; Материалы III арх. съезда в Киевѣ, *В. К. Волков*: «Южно-русский орнамент»; «Вышивки Восточной Галичины заходомъ Тов. Клуб Русинок у Львова, накладомъ А. И. Хойнацкого, Львовъ»; «Български народни шевици», София; «Ornamente der Hausindustrie Ungarn's», text von Dr. Carl v. Pulazky, gezeichnet v. Fr. Fischbach, Budapest, 1878 (въ этомъ же трудѣ прекрасно изданы остижки вышивки: таб. 34—40); The Studio: «Peasant art in Russia» (ed. by Charles Holme, 1912).

21. По мнѣнію проф. Казанскаго унив. И. И. Смирнова — «главная роль въ передачѣ азиатскихъ иранскихъ мотивовъ на западъ принадлежала Чувашиамъ, преимущественно нивымъ: у нихъ эти мотивы встрѣчаются въ наибольшемъ разнообразіи; распространяясь далѣе на западъ и на сѣверъ, они убываютъ; ни у Мордвы, ни у Черемисовъ растительный и животный орнаментъ не имѣютъ, на примѣръ, такого широкаго употребленія, какъ у Чувашей». (Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона, т. XXXVIII: «Чуваши», стр. 936).

22. Въ этомъ трудѣ Е. Н. Клетнова протестуетъ противъ утвержденій В. Стасова о заимствованіи русскими орнамента у Финновъ: «Близость финскихъ и русскихъ узоровъ объясняется воздействием на тѣ и другіе одного и того же первоисточника», главнымъ образомъ — Сарматскаго. Символика народнаго геометрическаго орнамента «говоритъ намъ, что русскіе, сложившись изъ слиянія Славянъ и Сарматъ, особенно въ лицѣ самыхъ чистыхъ представителей народа, Бѣлоруссовъ, неизмѣнно носили на себѣ символъ и почитали себя внуками Велеса, этого синонима греческаго Геліоса, и дѣтьми Даждь-Бога-Хорса, пресвѣтлага, лучезарнаго солнца». По мнѣнію автора, первоначальная фигура ромба на вышивкахъ — символизируетъ солнечный дискъ; поэтому во многихъ мѣстахъ Россіи ромбъ и называется «кругомъ». По этой «иранской гипотезѣ» крючки, выпускаемые сторонами ромба, можно понимать, какъ стилизацію лучей солнца.

23. Наставляя на геометричності этого узора, мы не въ правѣ, однако, говорить о геометрическомъ его происхожденіи. Возможно и даже вѣроятно, что передъ нами оплошъ да рядомъ лишь послѣдующая геометризація тотемическихъ фигуръ, сложившихся

когда то въ древнѣйшую эпоху, при чемъ слѣды этихъ фигуръ уцѣлѣли до сей поры въ народномъ искусствѣ, какъ на Руси такъ и въ другихъ странахъ. Большой матеріалъ для догадокъ даютъ, въ частности, вышивки финскихъ племенъ Поволжья и Сибири, гдѣ играютъ замѣтную роль изображенія птицъ, приобретающихъ постепенно геометрическія очертанія. На славянскихъ вышивкахъ весьма знаменательны въ этомъ смыслѣ головы коней. Всмотриваясь въ нашъ узорный ромбъ съ крючками, невольно угадываемъ подчасъ въ загибахъ ромбическихъ отроговъ эту конскую эмблему, занесенную въ русскія степи и дальше на скандинавскій сѣверъ и на западъ кочевниками, жизнь которыхъ проходила, можно сказать, на коняхъ. Отсюда вѣдь и «коньки» на избахъ. Такія сближенія подсказываются, правда очень рѣдко, и карпатскими узорами. Турьянская вышивка, воспроизведенная на таб. 84а — рѣдчайшій случай звѣринаго орнамента, по всемъ признакамъ традиціоннаго. Характерны и полосы женскихъ фигурокъ, которыми вышивальницы Солочина украшаютъ сорочки и ручки (таб. 84с). Такія же точно полугеометрическія фигурки (въ широкихъ юбкахъ) встрѣчаются на русскихъ вышивкахъ и кружевахъ, да и по всей славянщинѣ, напр., — въ Хорватіи. Подобнаго же древняго «буддійскаго» стиля — орнаментальные кони съ гиратическими всадниками и другія фигурныя изображенія «вырѣзью» изъ средней Россіи (таб. 99 — «Матер. по этногр. Россіи», I, loc. cit.). По вопросу о происхожденіи геометрическаго орнамента см. *M. Hurnes*: «Urg. der Bildenden Kunst», 1915, и «Kultur der Urzeit», 1921. О доисторическомъ происхожденіи меандра (по раскопкамъ Мезенской стоянки) — *Левко Чукаленко*: «Нарисованію геометричнаго орнаменту палеолитичної доби», Прага, 1923.

24. Мотивъ креста въ данномъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ христіанскою эмблемой: онъ принадлежитъ искусству всего азиатскаго Востока, а также европейскимъ дохристіанскимъ древностямъ. Особенно часто мы видимъ его на привѣскахъ финскихъ могильниковъ. У примитивныхъ языческихъ народовъ крестъ часто передаетъ схему человѣческой фигуры. — См. *Morillet*: «Le signe de la croix».

25. См. кроме упомянутыхъ выше изданій съ воспроизведеніями вышивокъ и тканей: «Motifs de la Broderie Paysanne en Bukovine», avant-propos par *Erich Kollenbeyer* (éd. par le musée municipal des arts et métiers, Léopol, 1883, réunis par *L. Vierzbicki*). — «Cuzături Românești», culese de *Elena C. Cornești*

auscuta J. Manu. — «Südslavische Ornamente», gesam. und herausg. von *Felix Lay*, gezeichnet von *Fr. Fischbach*, Halle, 1871. — *Ernst Flemming*: «Textile Künste», Berlin, 1924 (воспр. копра из Янны, стр. 343). — *Arthur Haberlandt*: «Volkunst der Balkanländer in ihren Grundlagen», 1919, Wien. — *N. Bruck-Auffenberg*: «Dalmatien und seine Volkunst», A. Schroll, Wien. — *L. Schinnerer*: «Einiges über die bosnisch-herzogowinischen Stick- und Hökelarbeiten» (Zeitschr. f. öster. Volksk., Bd. III). — *The Studio*: «Peasant art in Austria and Hungary» (1913), «Peasant art in Sweden, Iceland and Lapland» (1912). — *I. Wichmann*. «Beiträge zur Ethnogr. der Tschechermassen» (Helsingfors, soc. Finnoungrienne). — *W. Semayer*: «Die Tracht der Ostjaken und ihre Stickereien» (Anz. der Ethnogr. Abteilung des Ungar. Nationalmuseums, VI, Budapest, 1914). — *L. Niederle*: «Slovanské starožitnosti», II, Prag, 1913.

26. В Малороссии этот шов называется «занызуваньня». Автор весьма дельного издания «Украинский народный орнамент», — *О. П. Косачова* (Киев, 1879) поясняет: «Шитье занызуваньня — по другим названиям: кивь, підбір, заволіканья, підволіканья, — я считаю самым старым. По способу выполнения, оно мне кажется не новым, как представляемому простому тканью. В нем нитка идет впереди иглы непрерывно от одного конца убора до другого, то выступая наверх, то идя под высом холста, т. е. как и поперечная нитка самой простой ткани... «За занызуваньням, по своей относительной старини, слѣдуетъ шитье настлуваньня» (стр. 8, 12).

27. «Рука» — по малорусски «рожа», роза. На Украине так называют вышивальщицы традиционную восьмиконечную вѣду, а не ромб.

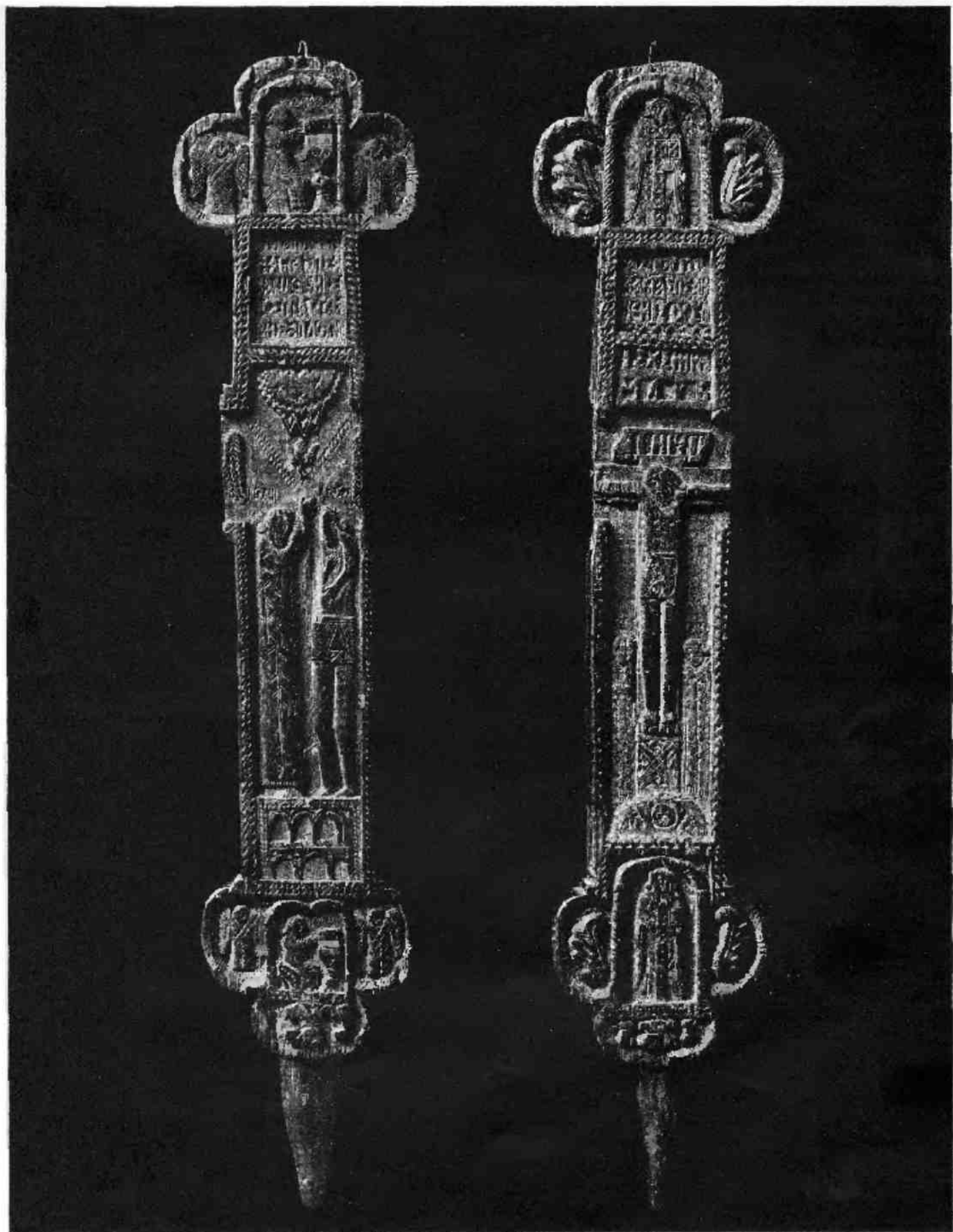
28. Гербъ Мянговъ (на ткани из Берлина. Худ. промысл. музея) опубликованъ *В. Боден* в изд. «Orientalische Teppiche» (Wien—Lond.—Paris, 1892).

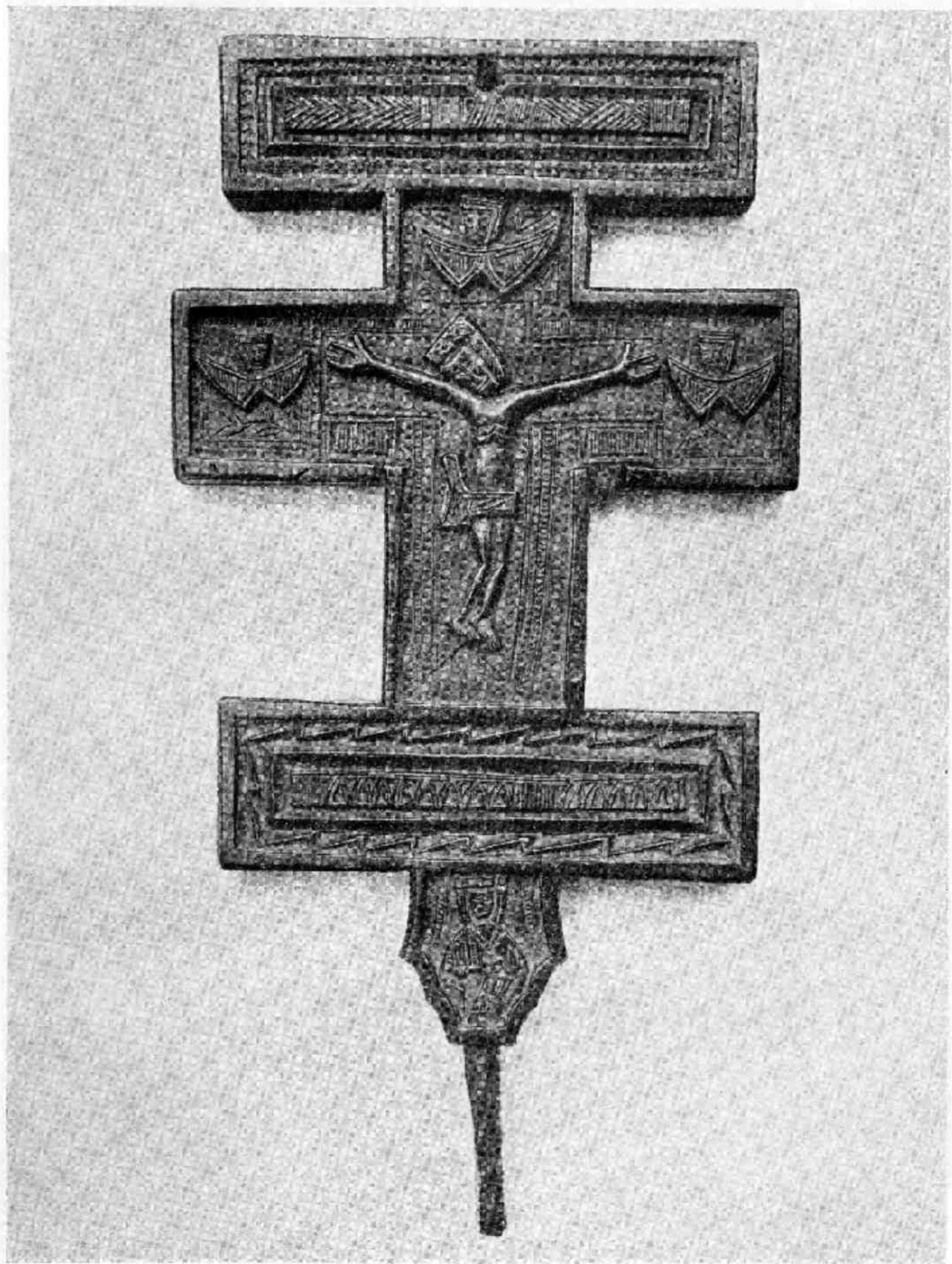
29. Богатый материал для сравнения дают цѣлѣмъ репродукциѣмъ въ немецкомъ альбомѣ: «Morgenländische Motive, Original-Teppiche-Stoff und Stickereien», Verlag von *Chr. Stoll*, Plauen in W. — Таблицы 97 и 98 взяты изъ книги: «Русское народное искусство на второй всероссийской кустарной выставке въ Петроградѣ въ 1913 г. (Пгд., 1914).

30. На Волыни «какъ бы общимъ нарицательнымъ именемъ для такихъ завитковъ изъ народныхъ названій служатъ: *крутмы, барячки рижки*» (*О. Косачова*, loc. cit., стр. 14).

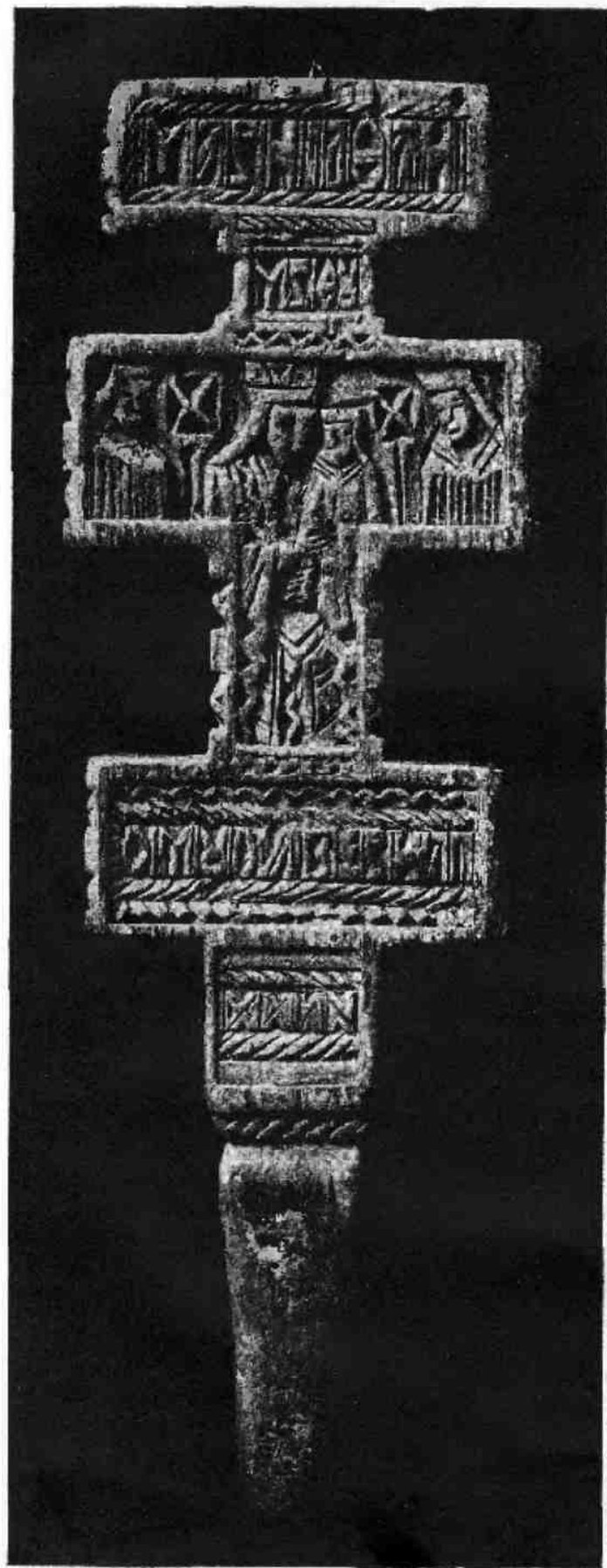
31. *Бар. фонъ Бурренштамъ* отмѣчаетъ еще въ 60-ые годы прошлаго вѣка совѣтъ исключительное сходство югославскихъ народныхъ орнаментовъ со шведскими и норвежскими («Südslavische Ornamente» v. *Felix Lay*, p. 25). Не менѣе близокъ этотъ скандинавскій фольклоръ — украинскому: вышивки орожекъ вырѣзью отъ дополняющими строго-геометрическими уборами, настеленными гладью, о которыхъ упоминаетъ *О. Косачова*. Тотъ же авторъ далѣе замѣчаетъ: «Въ парижскомъ этнографическомъ музее при Hôtel des Invalides на бѣсколькихъ типичныхъ фигуркахъ съ острова Борнео, — есть части одежды, въ видѣ полотенецъ, вышитыхъ совершенно украинскими уборами или, пожалуй, русскими, — изъ числа тѣхъ, когда они вышиваются не какими нибудь изображениями одушевленныхъ предметовъ (птицъ и пр.), а простыми орнаментами... вдобавокъ и способъ выполнения шитья тотъ же самый: красная нитка проволакивается въ поперекъ полотенца, отъ одного конца до другого, — параллельно поперечнымъ ниткамъ полотна (т. наз. шитье «занызуваньня»). Какъ объяснить такое сходное явленіе? Счастъ ли это сходство случайнымъ совпадениемъ, или же, — что, пожалуй, основательнѣе, — счастъ, какъ борнейскія вышивки такъ и русско-украинскія этого рода, — отголоскомъ одной общей индійской культуры?» (loc. cit., стр. 6).

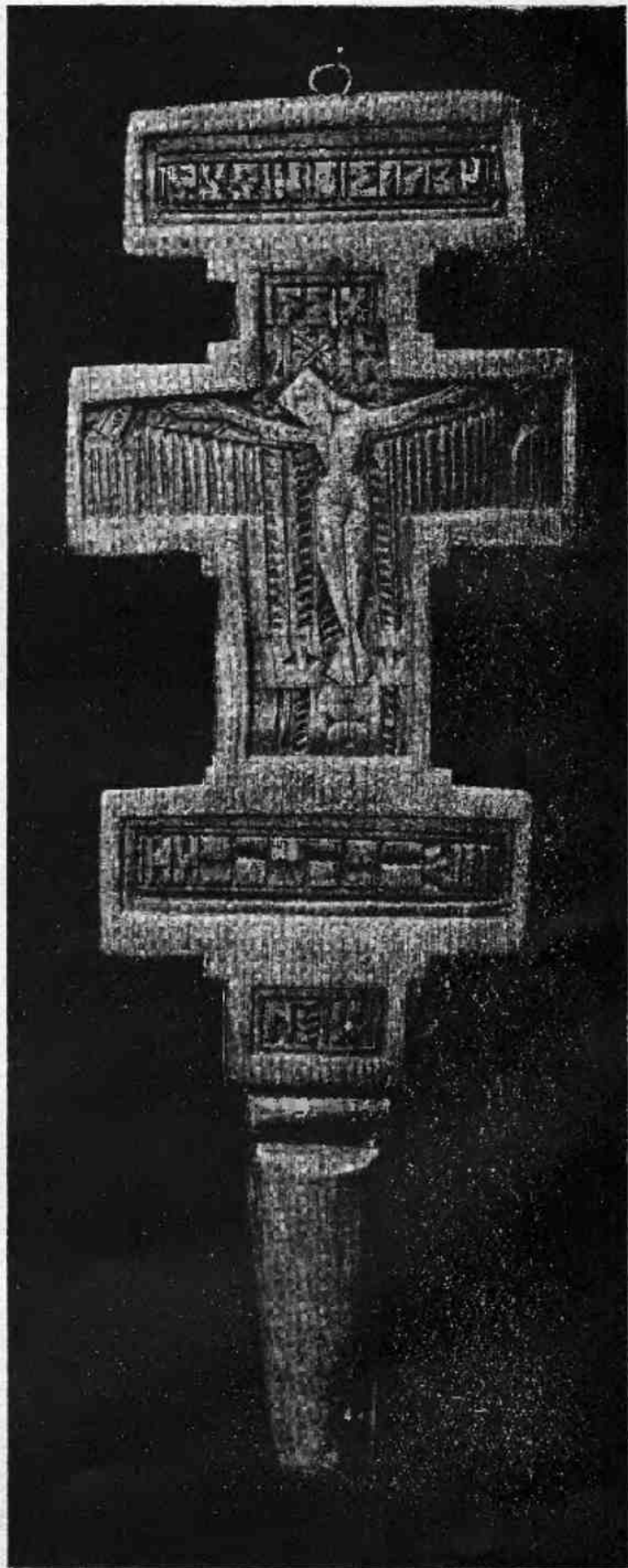

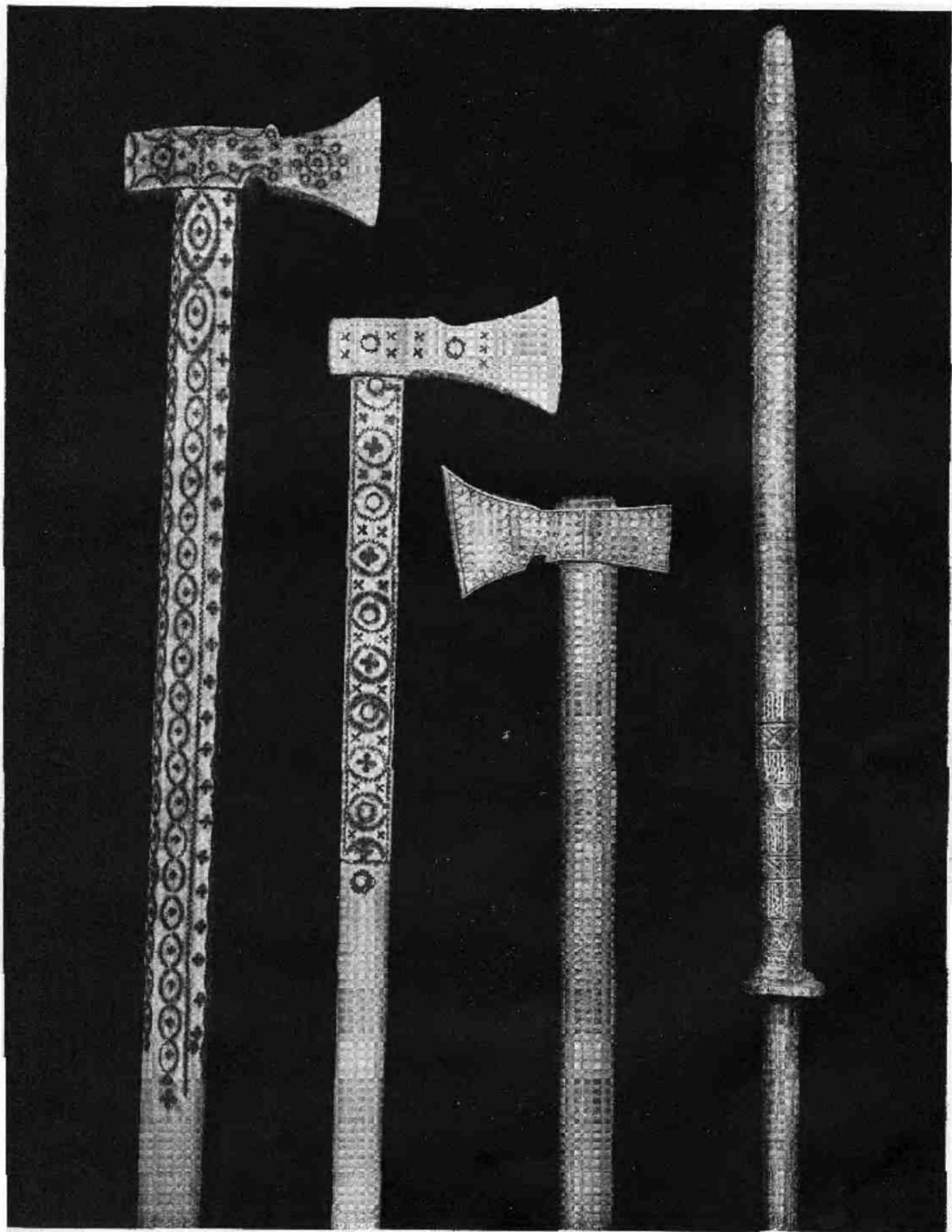

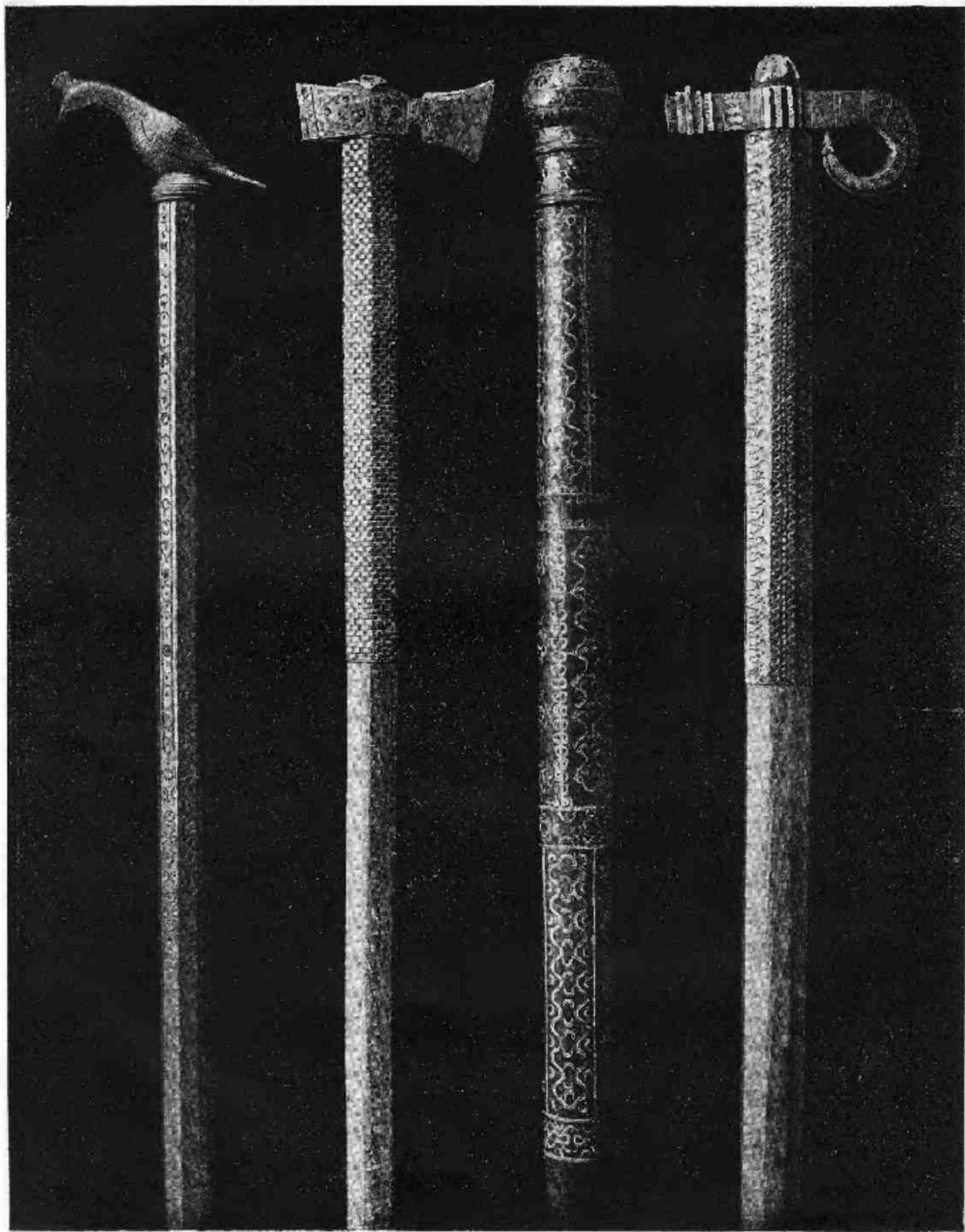

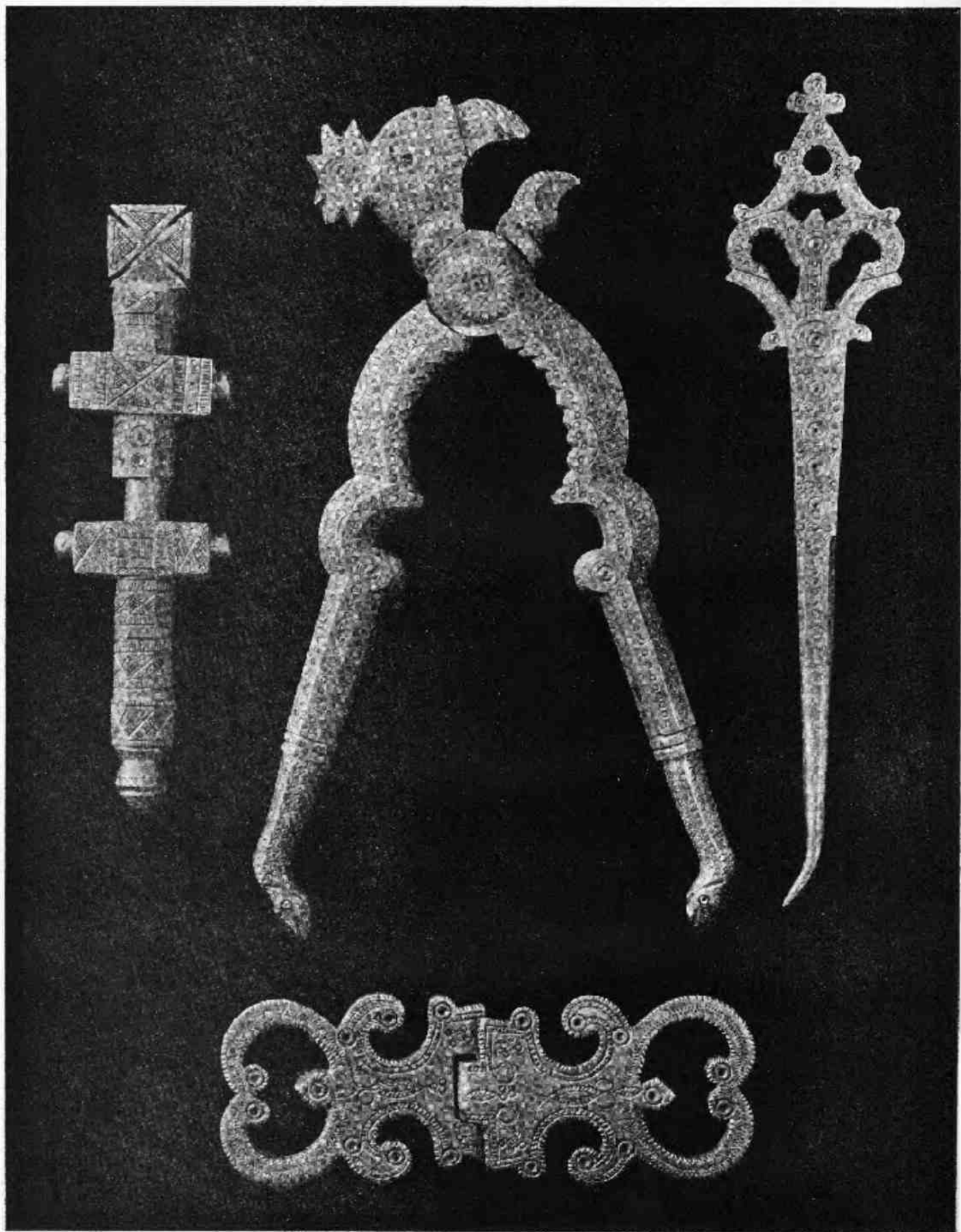

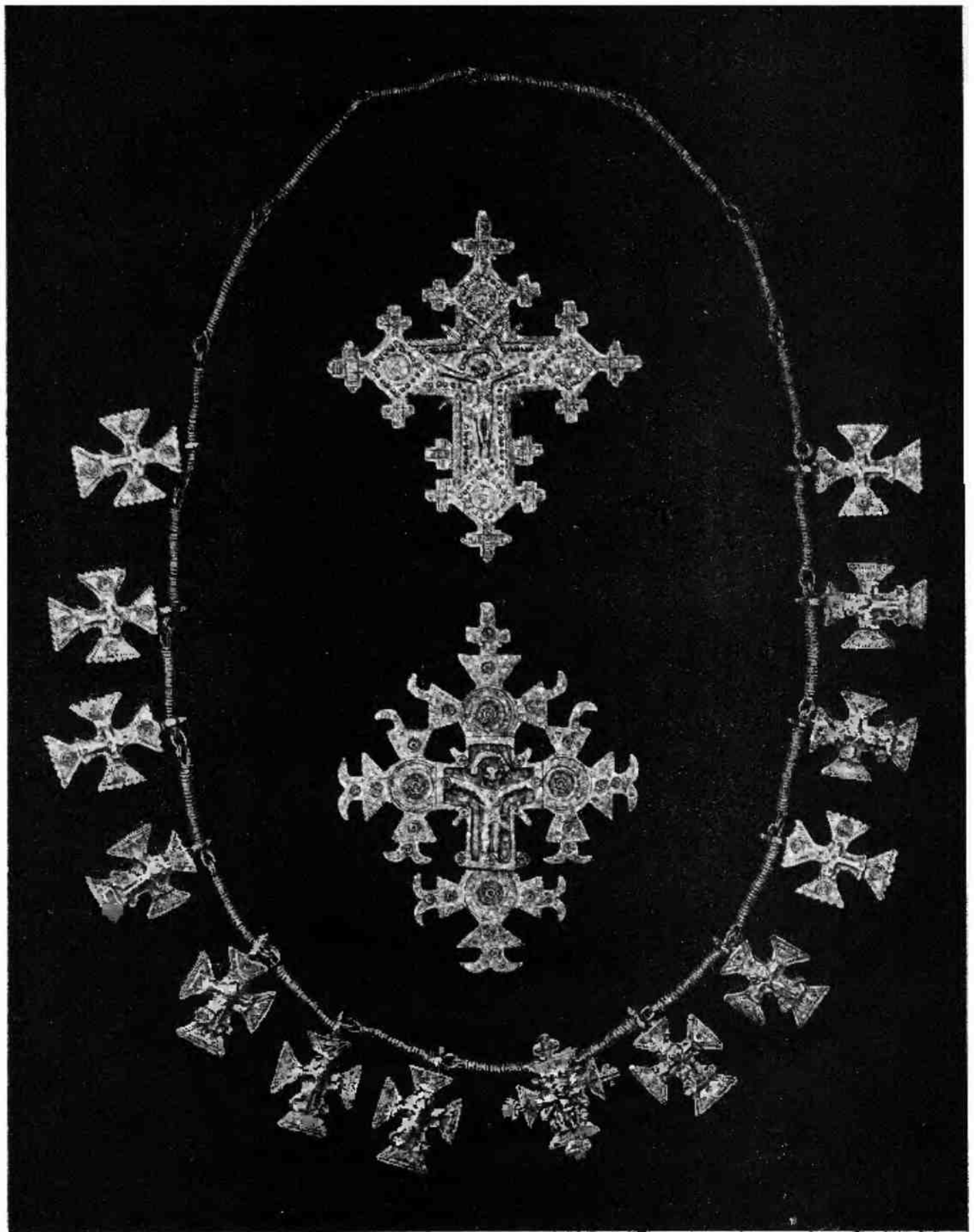

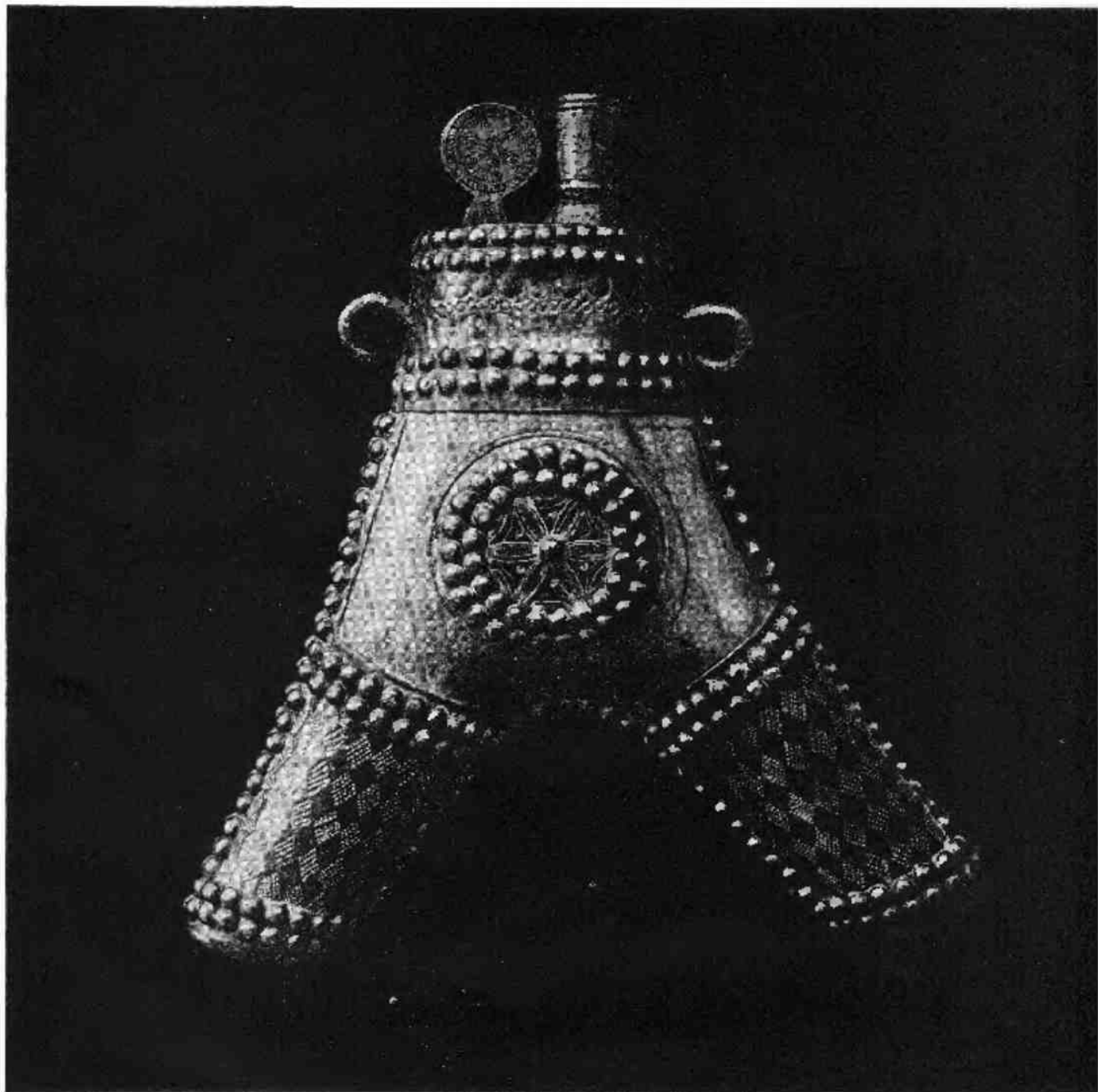

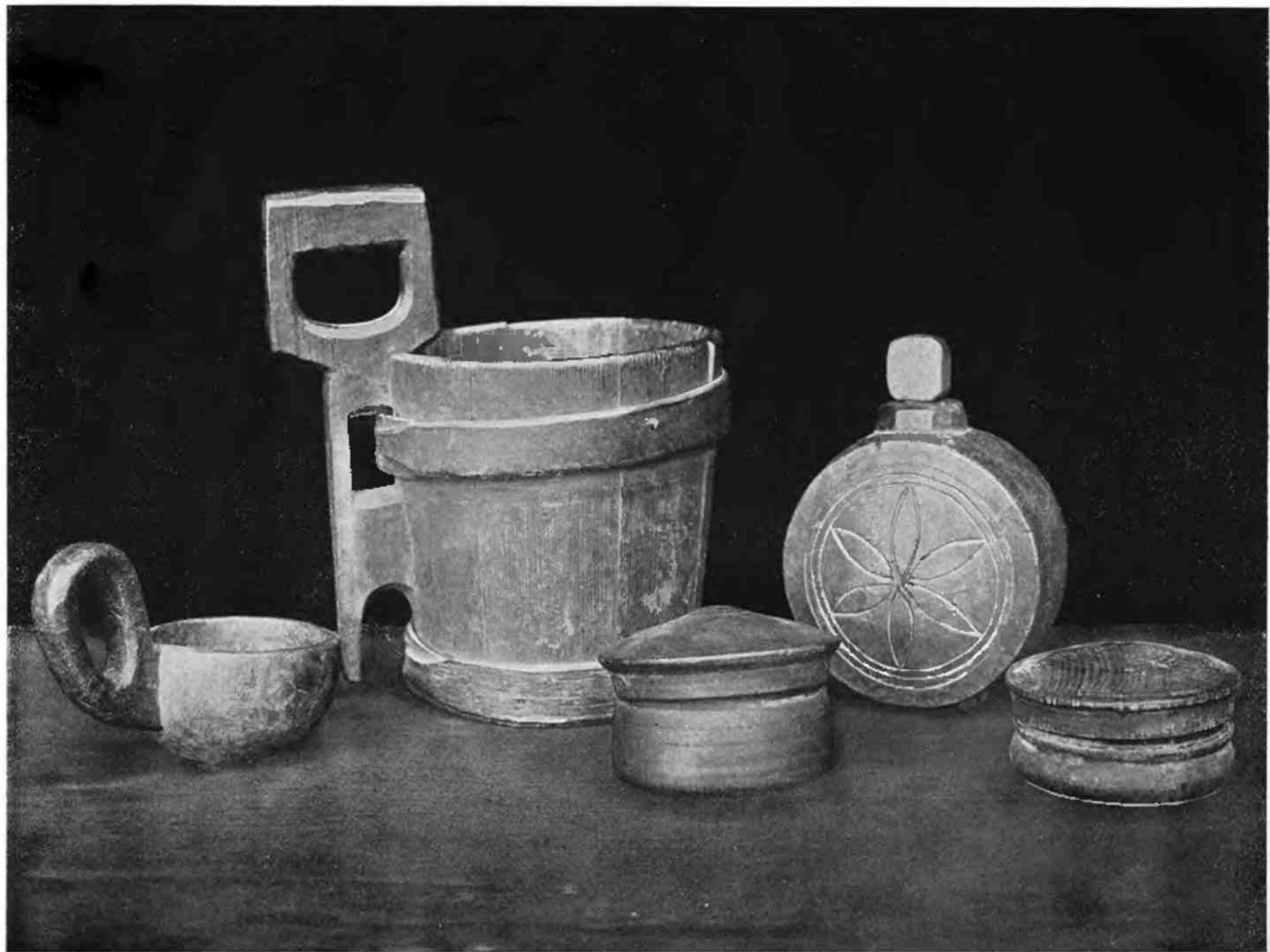

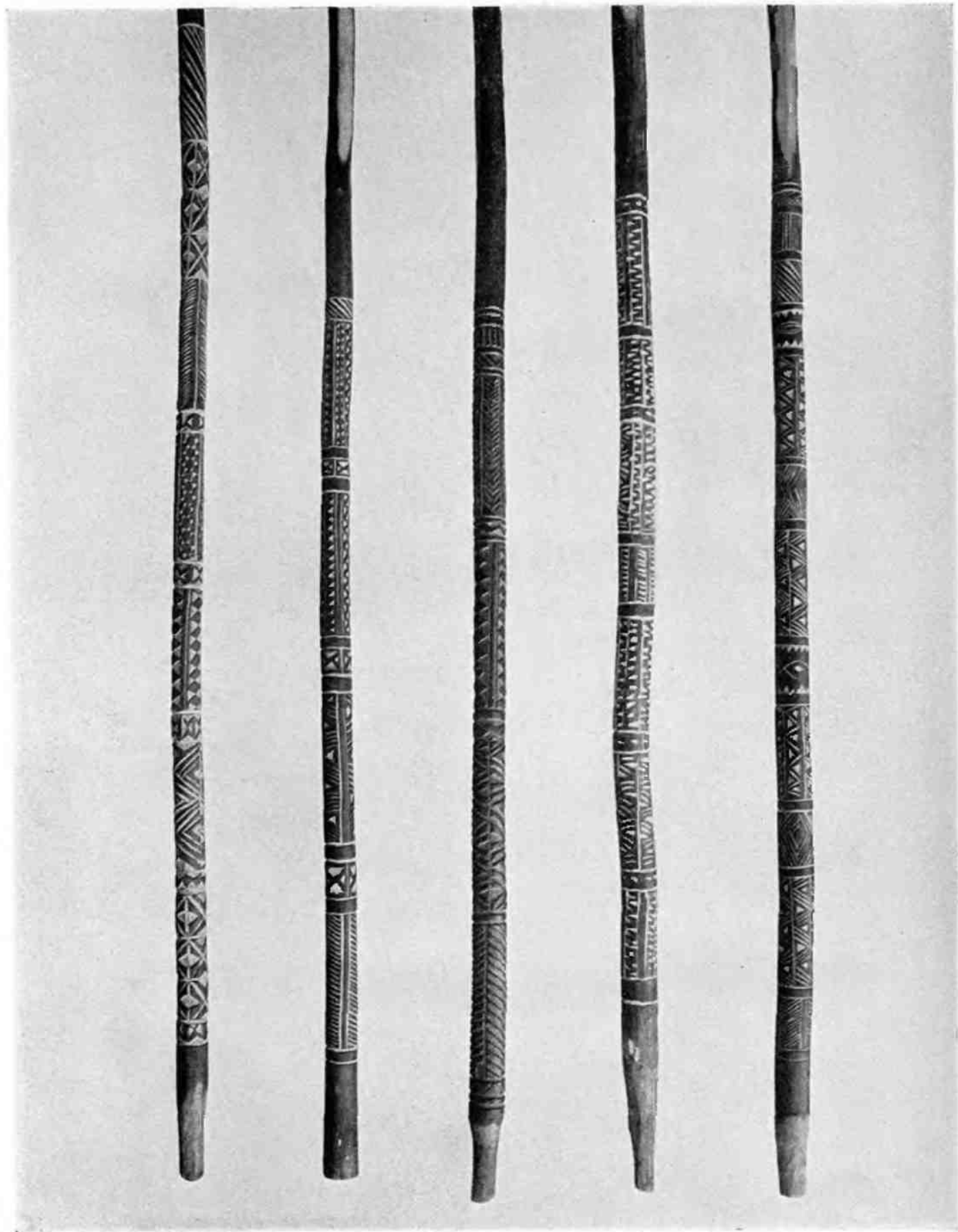

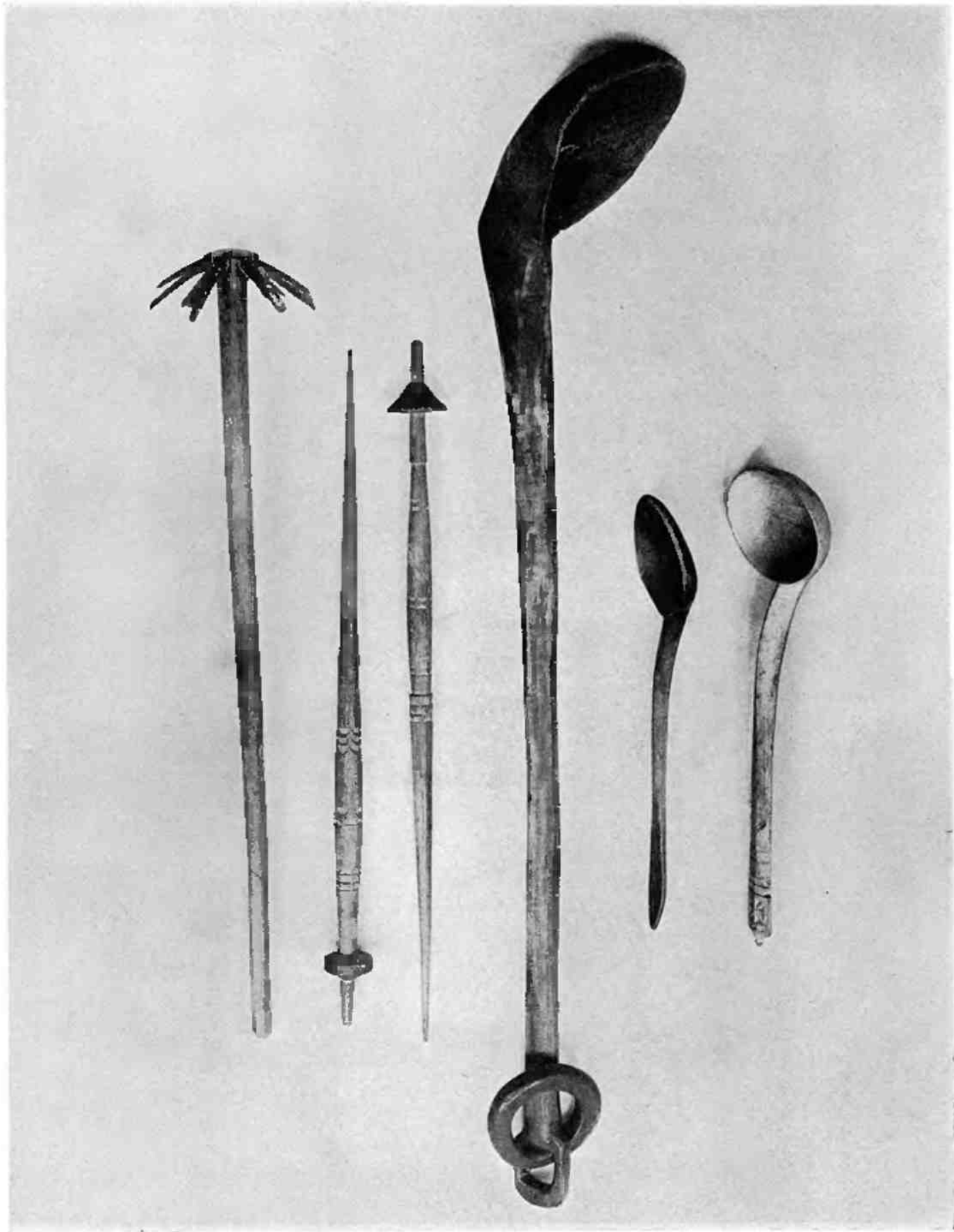

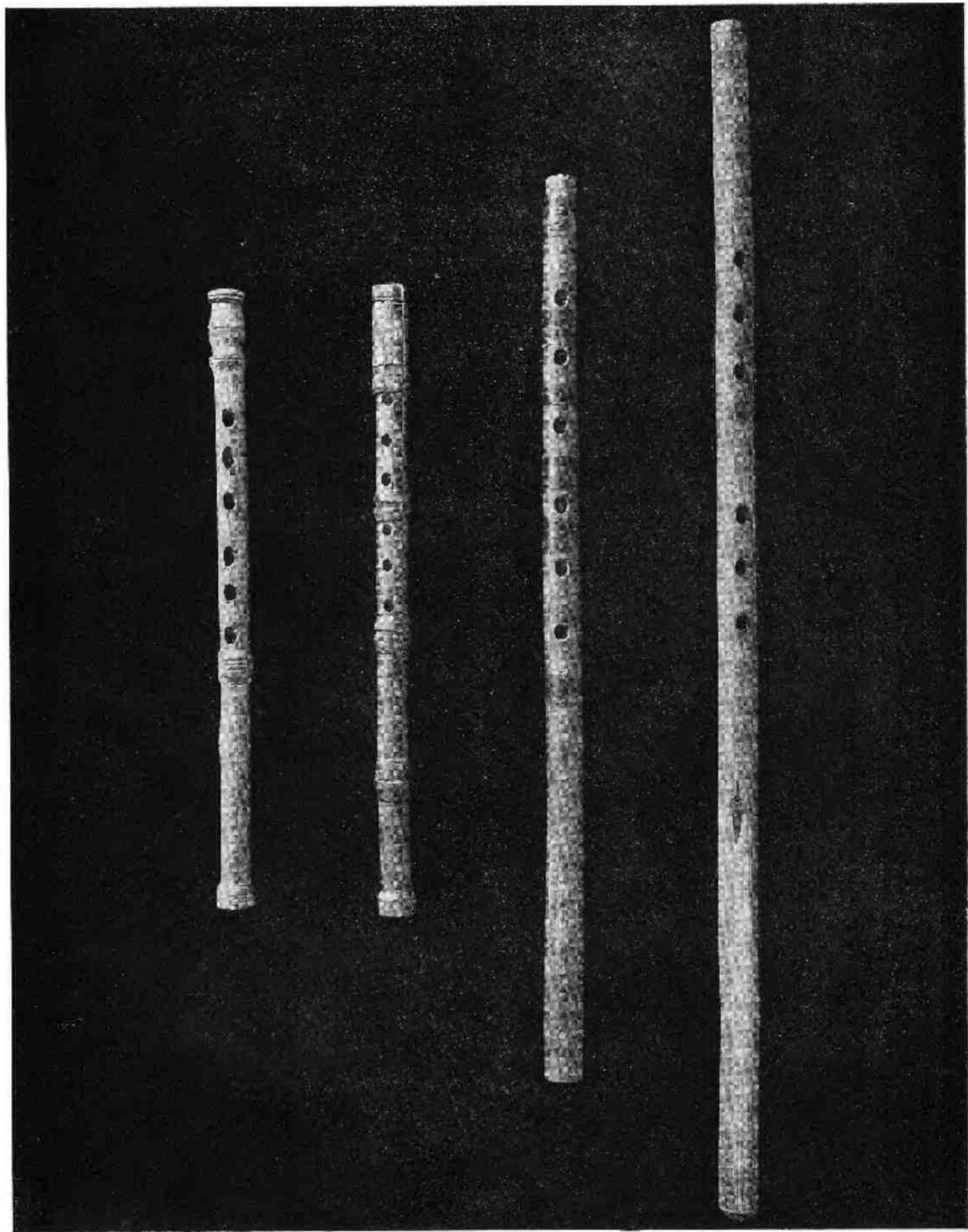

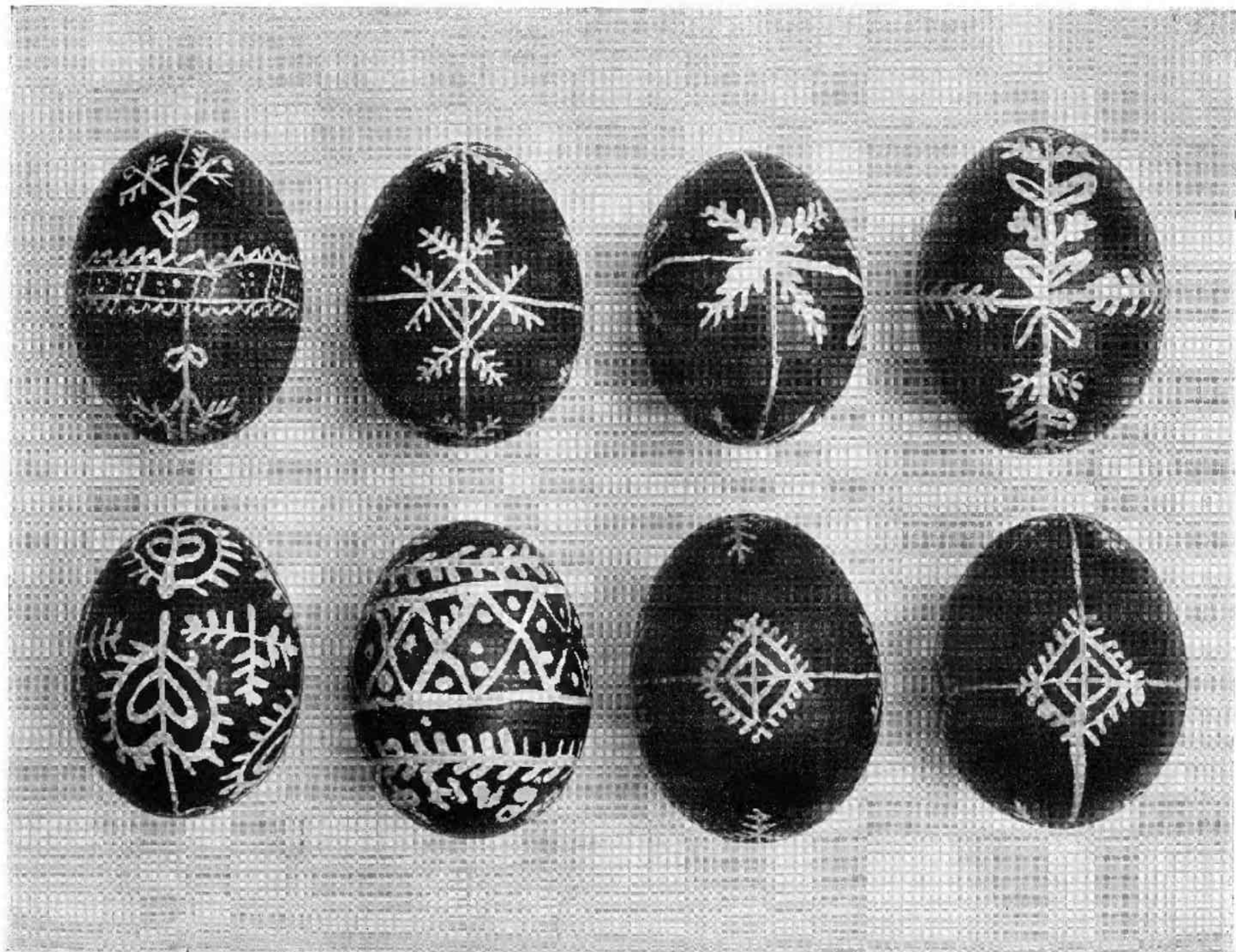

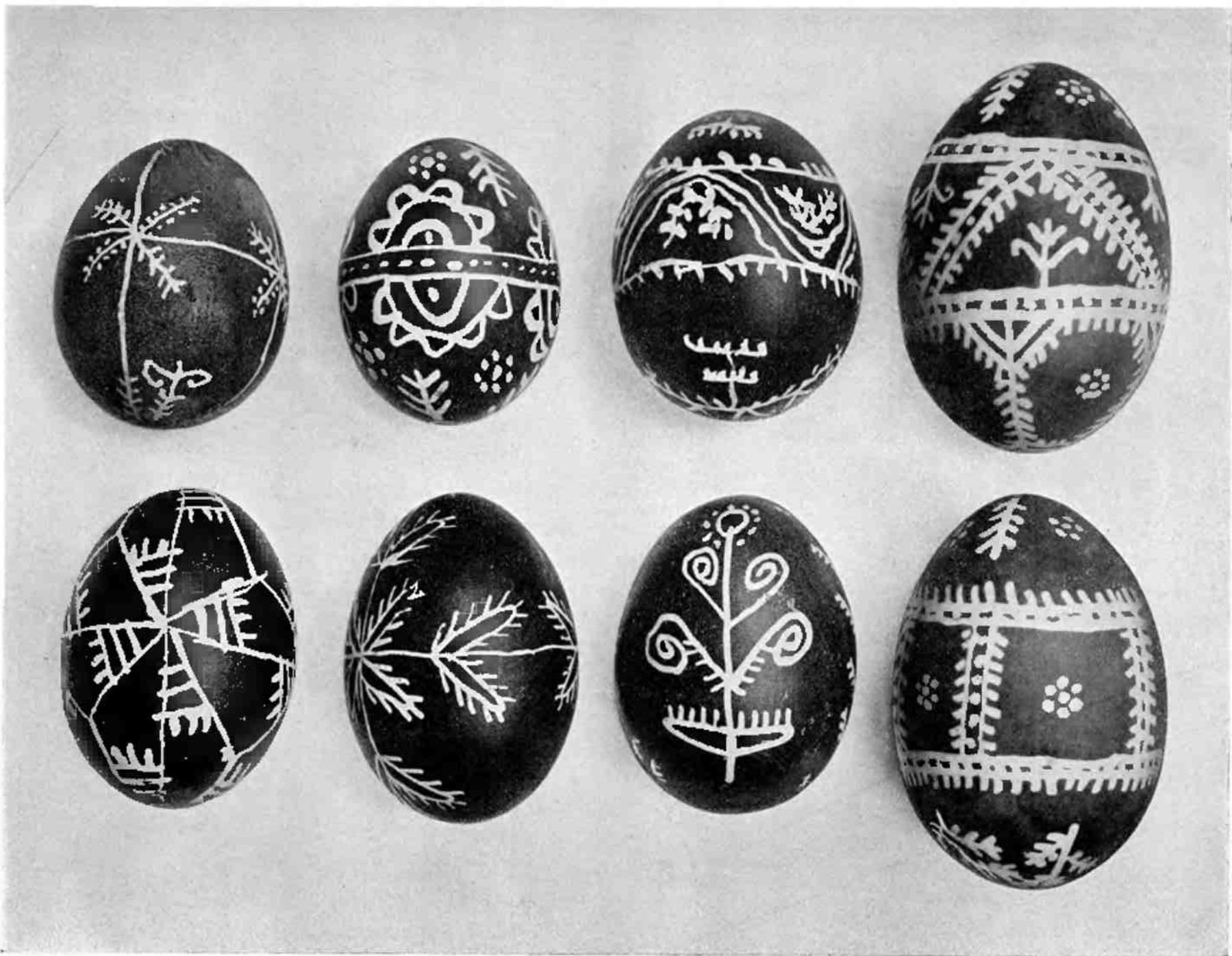

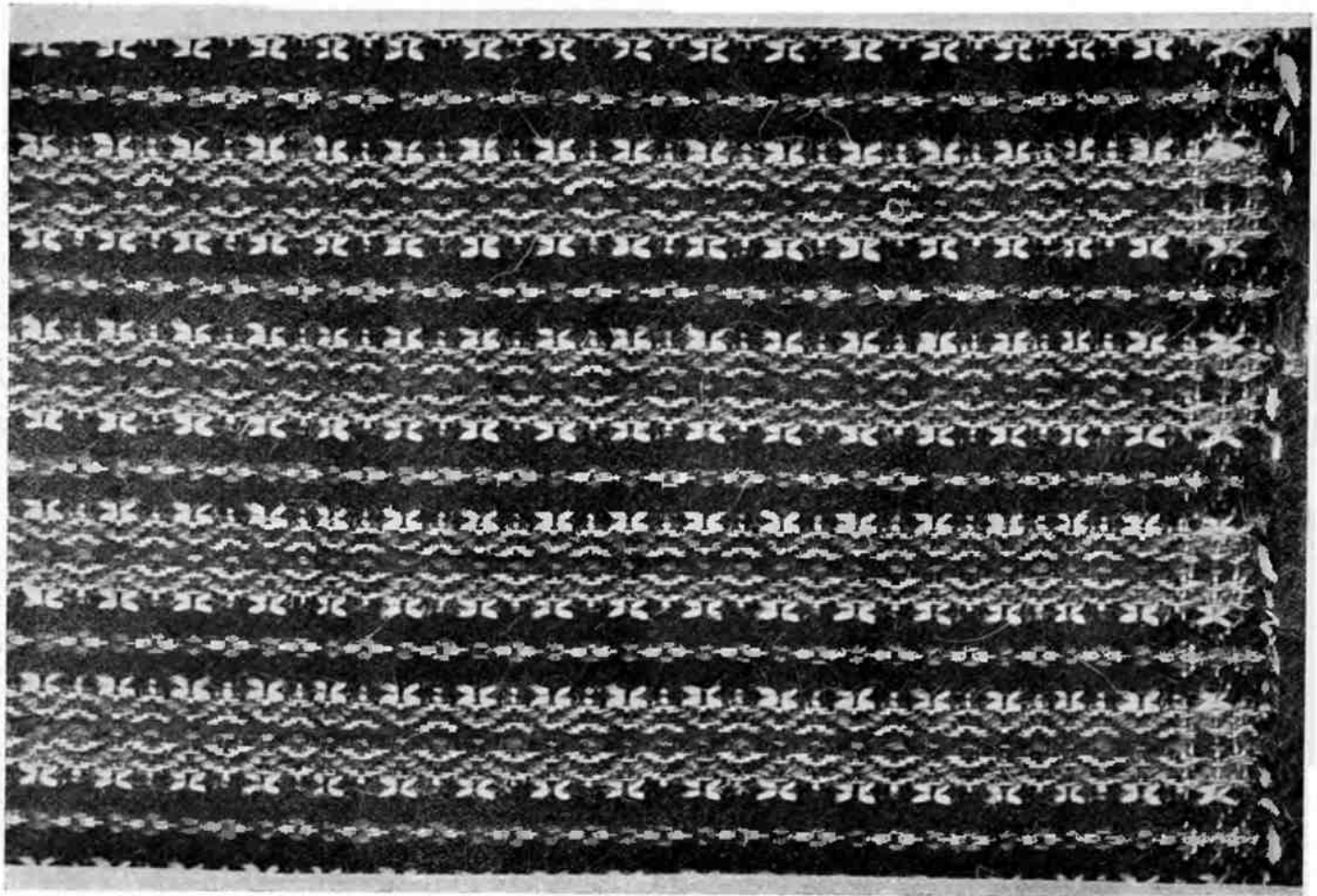
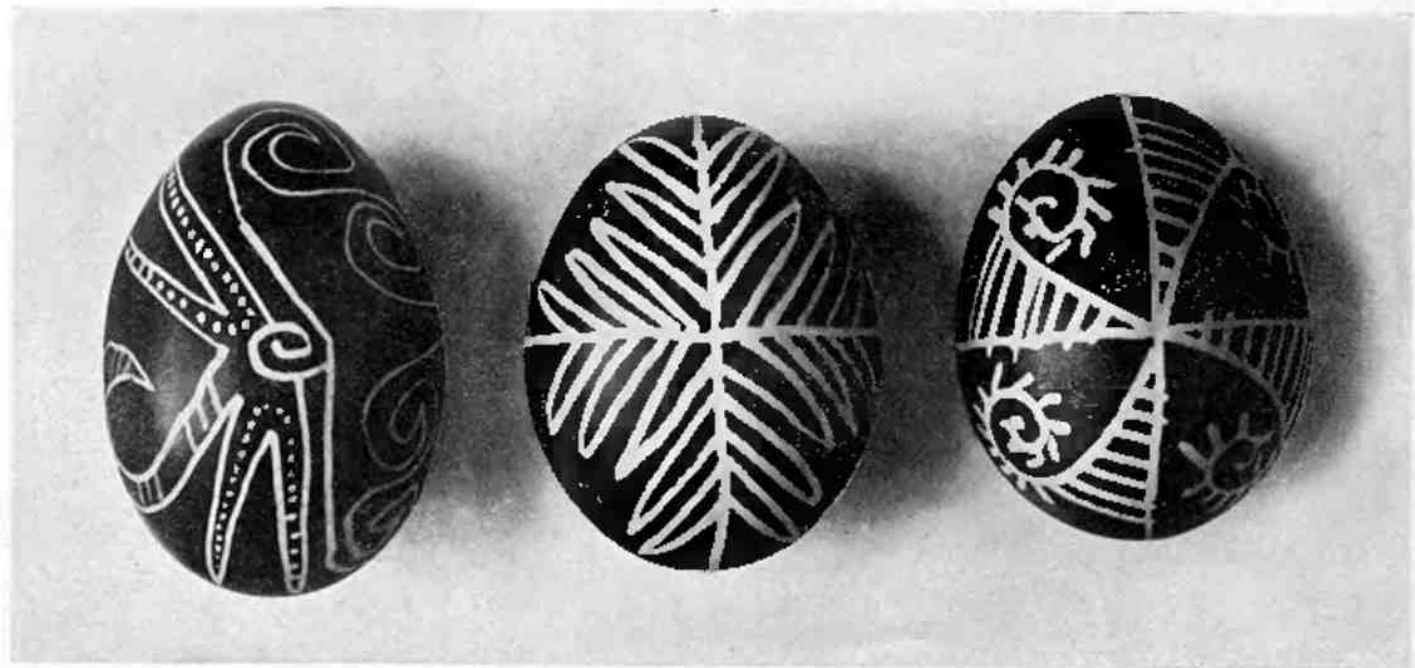

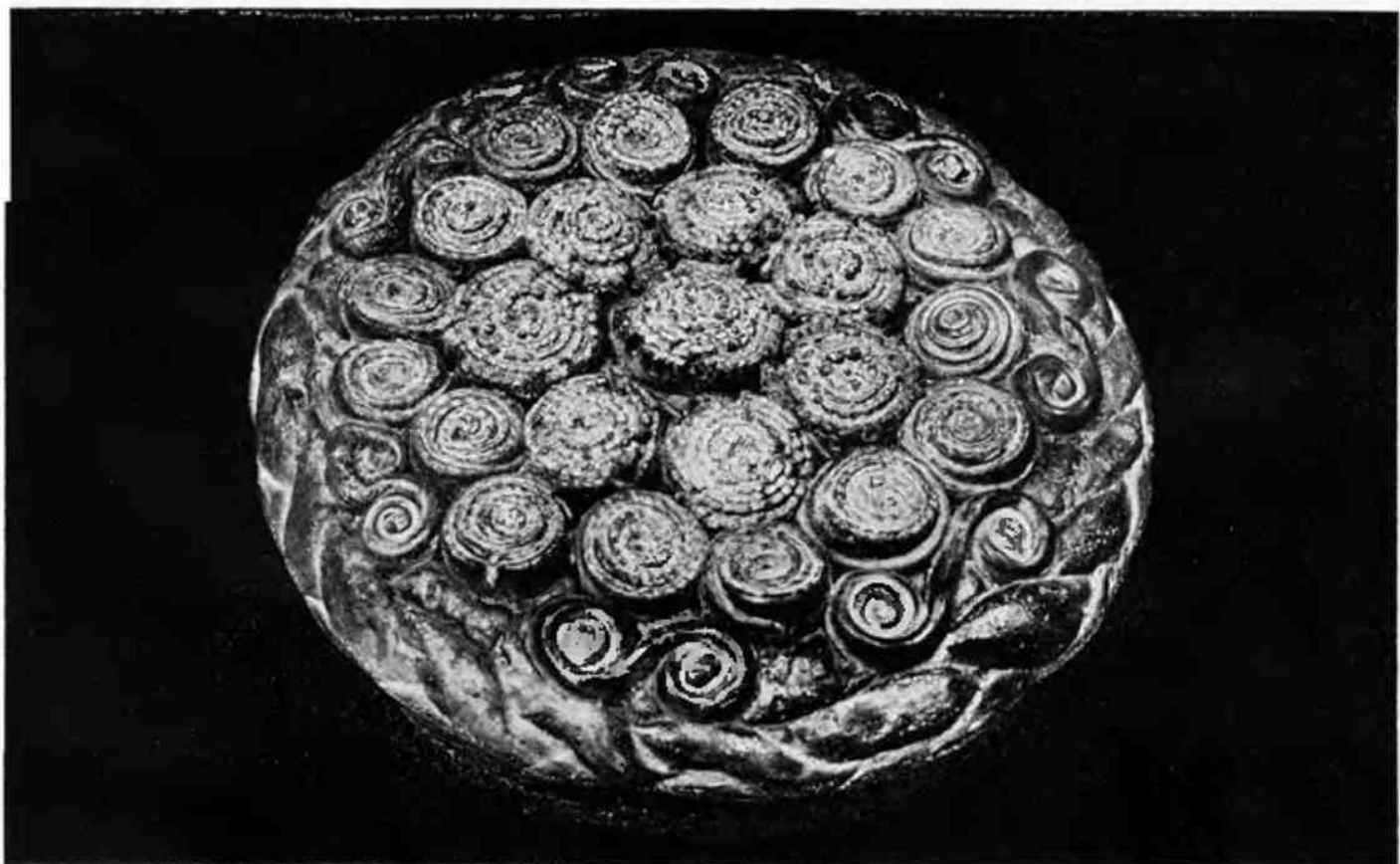
29 a—b

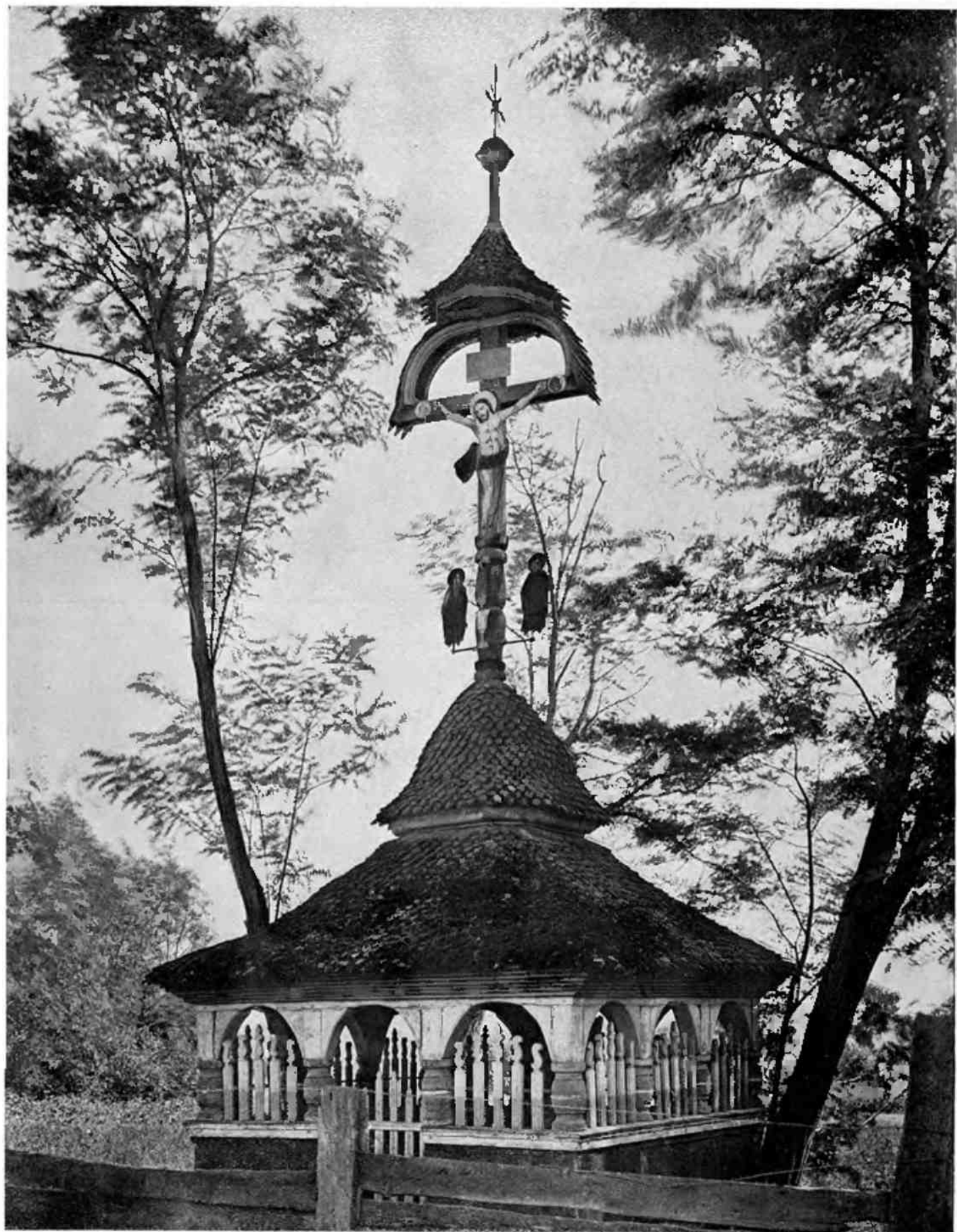

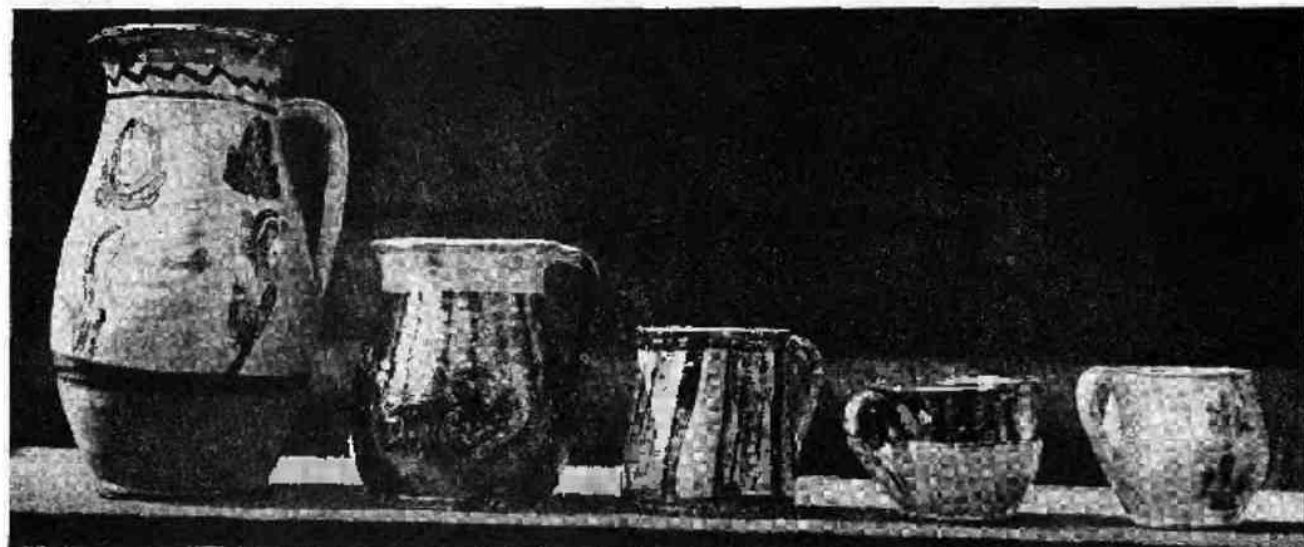

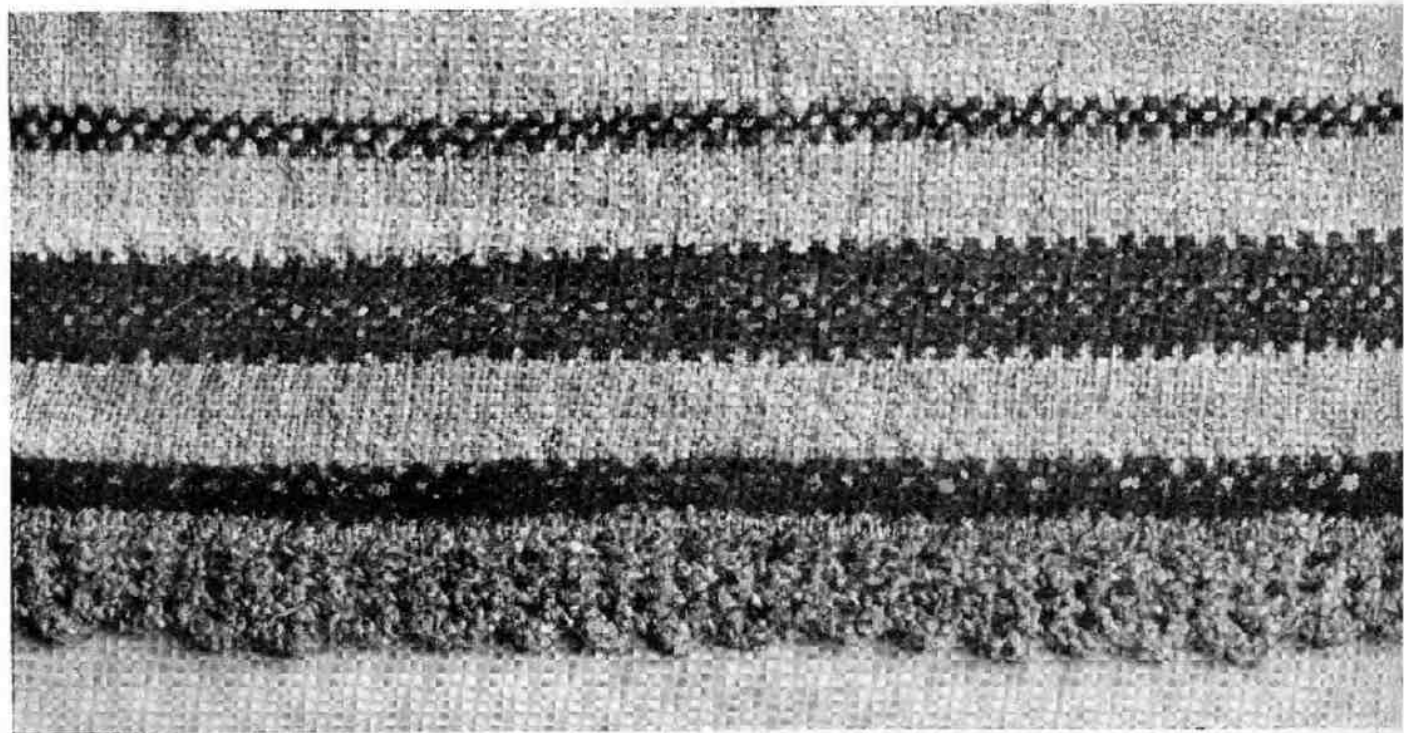

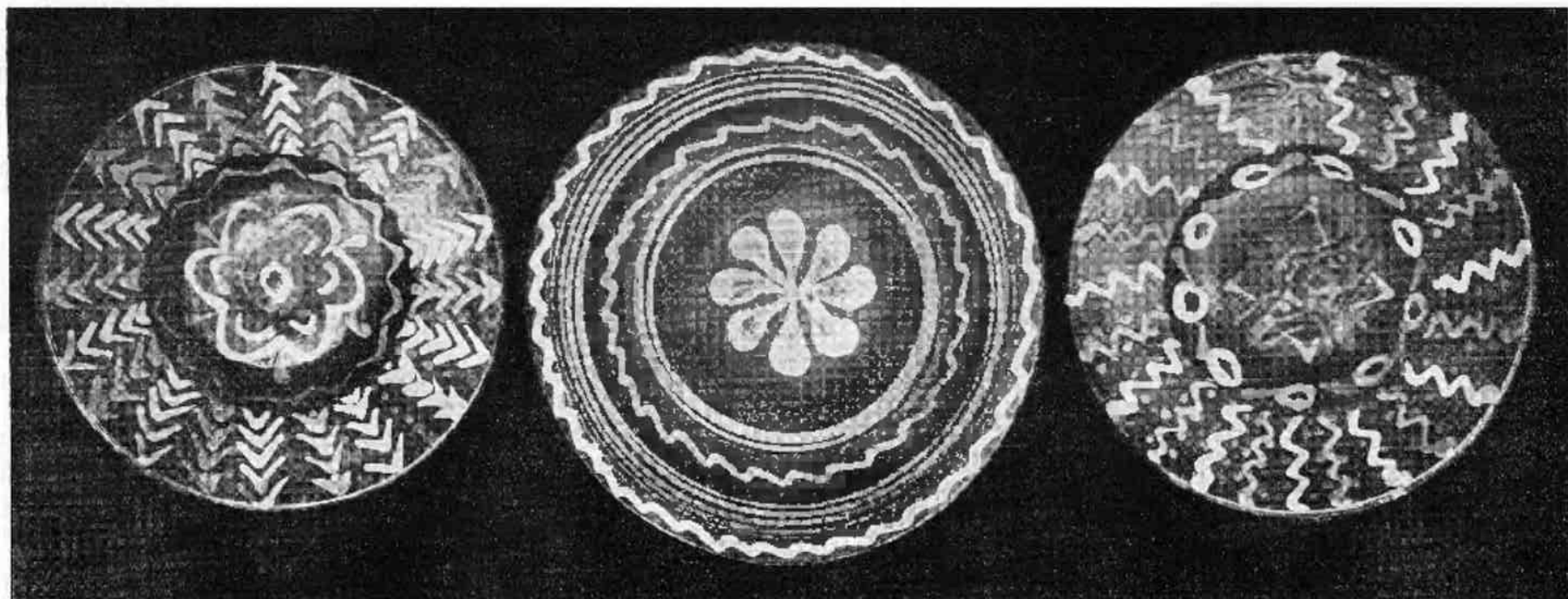

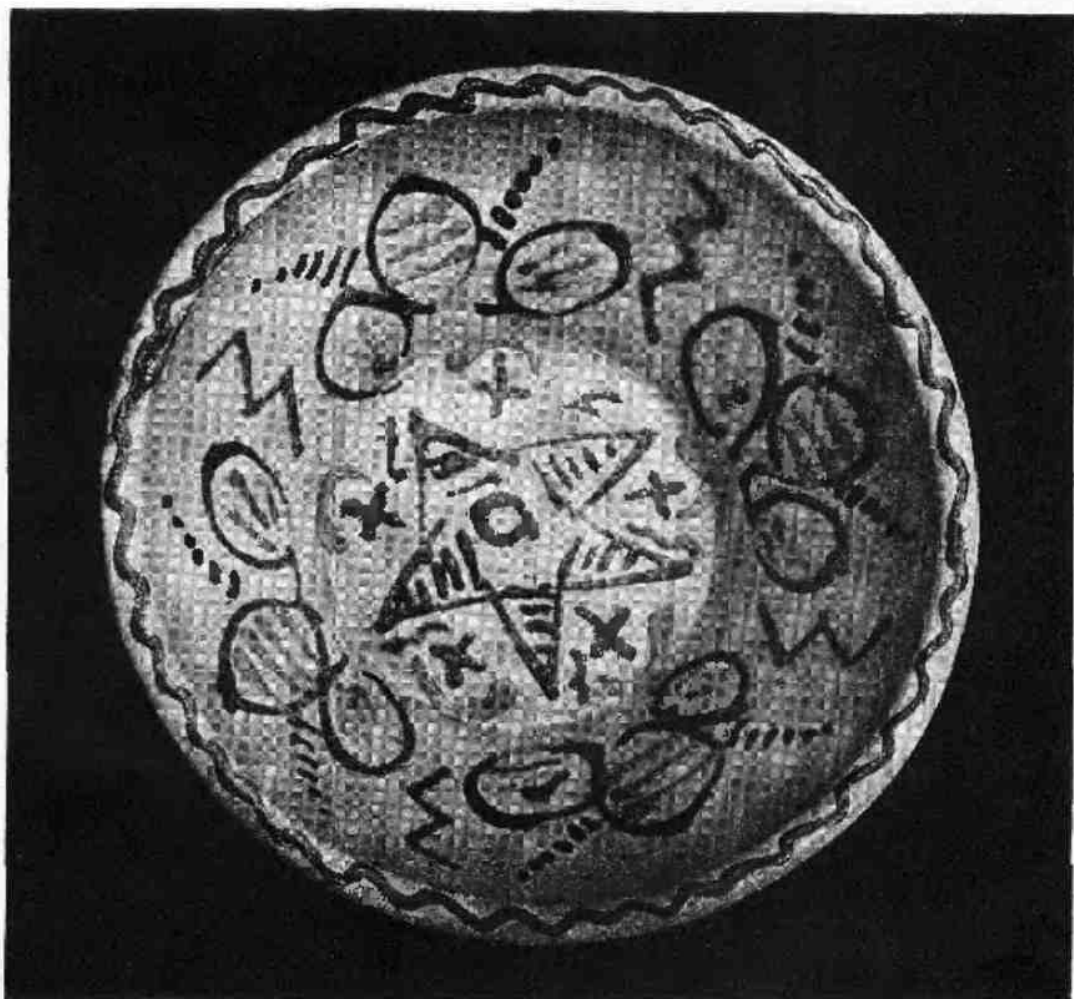

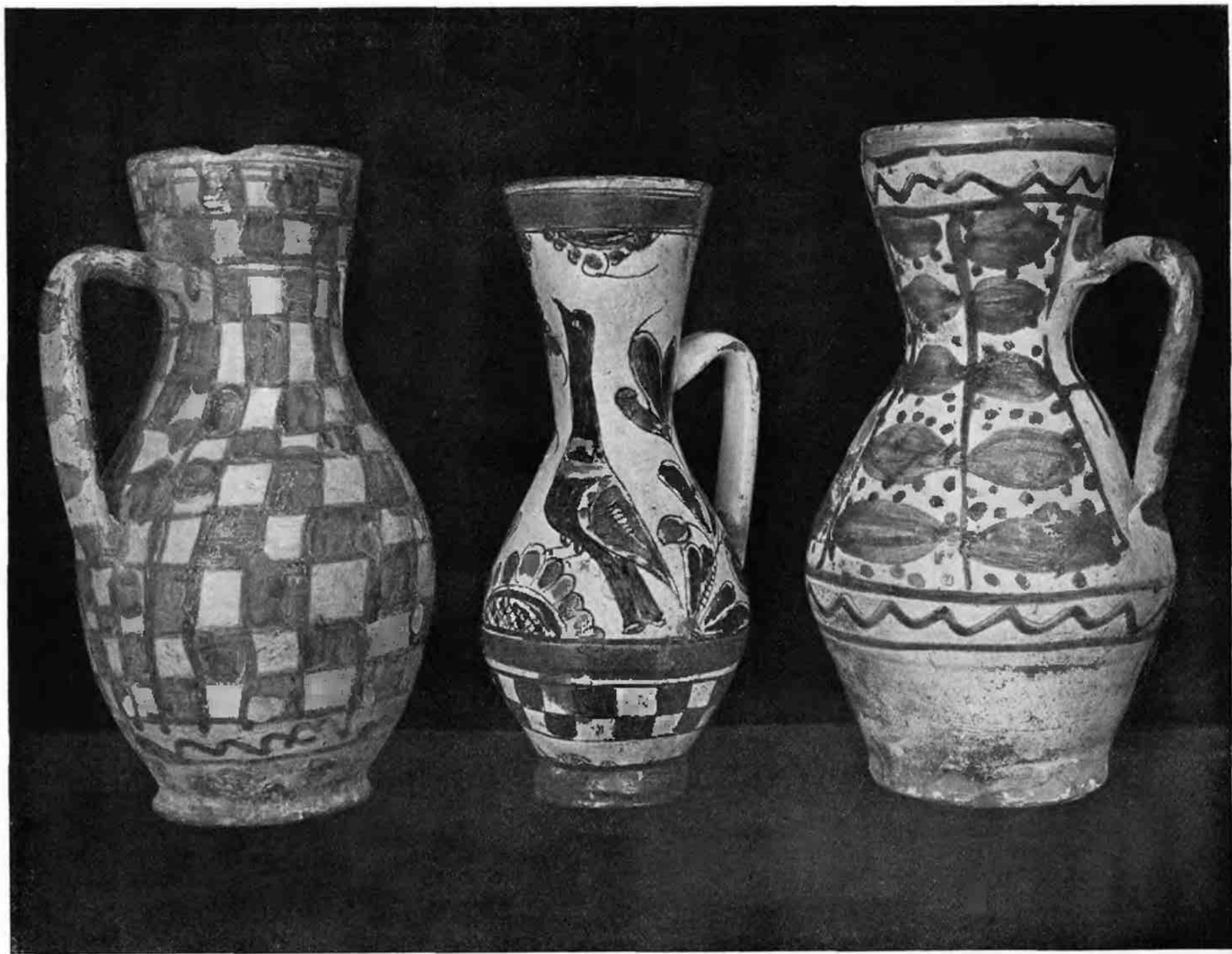

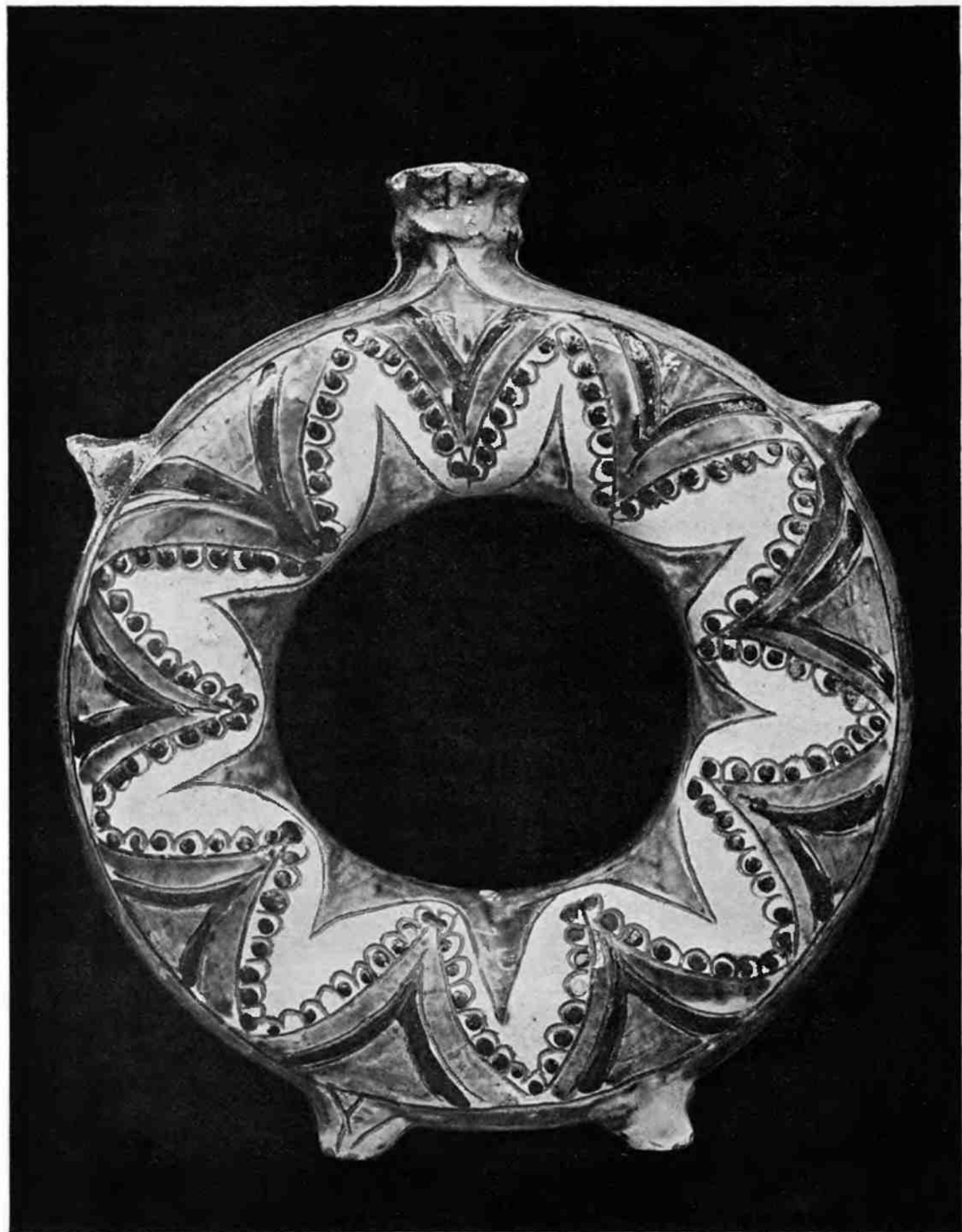

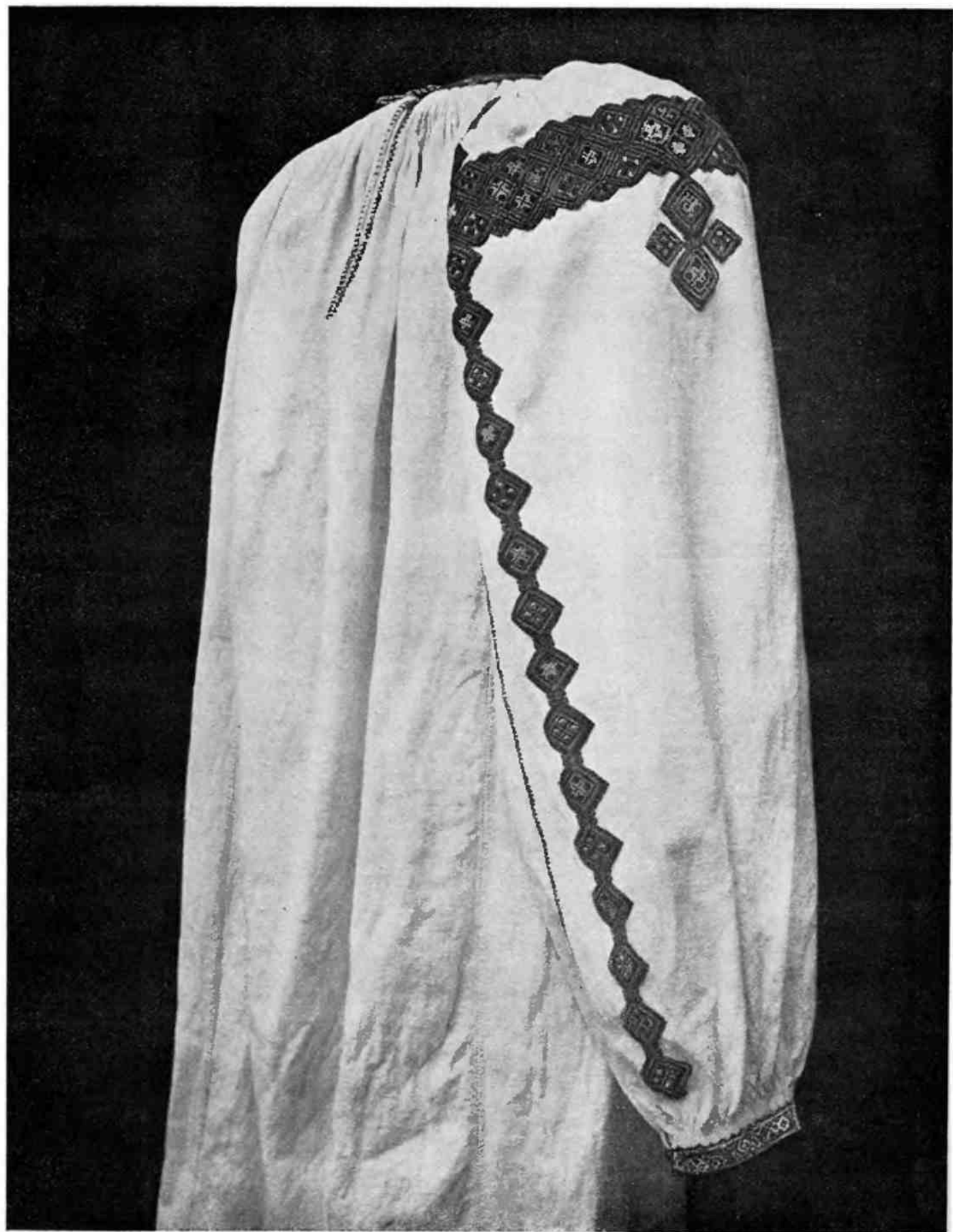

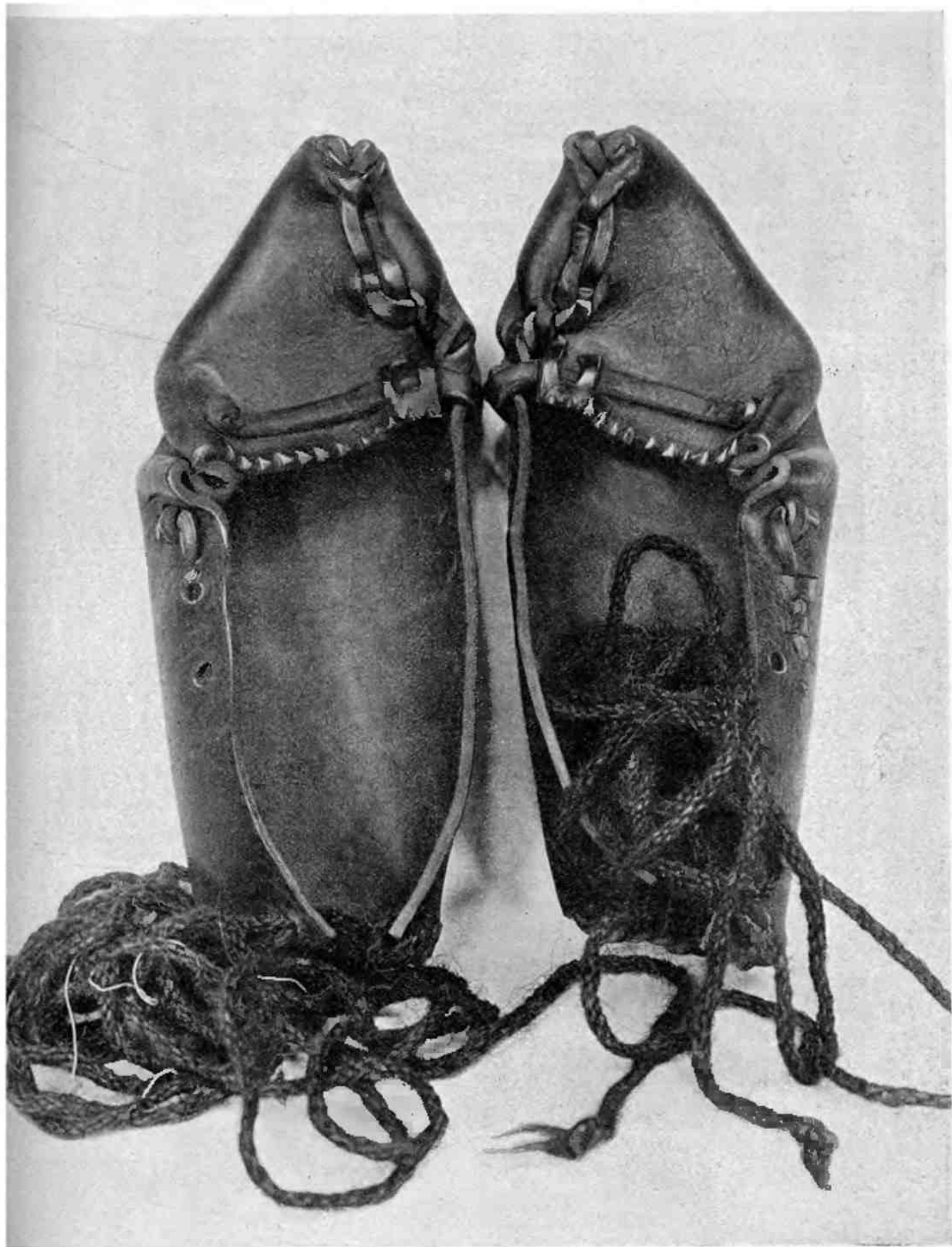

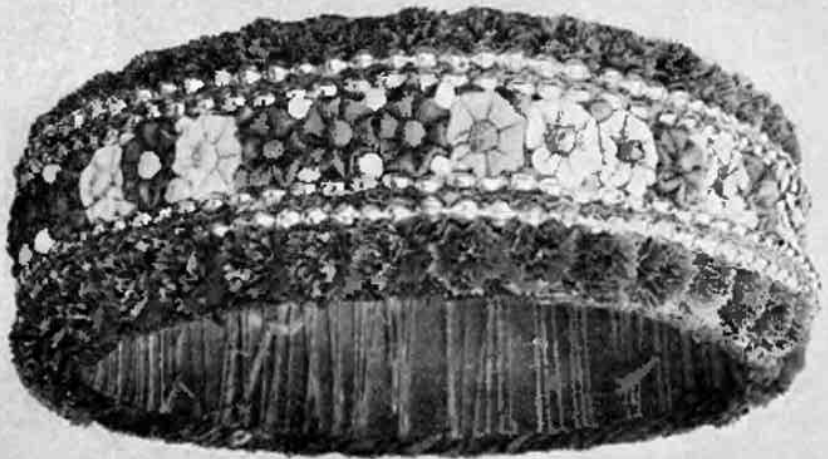
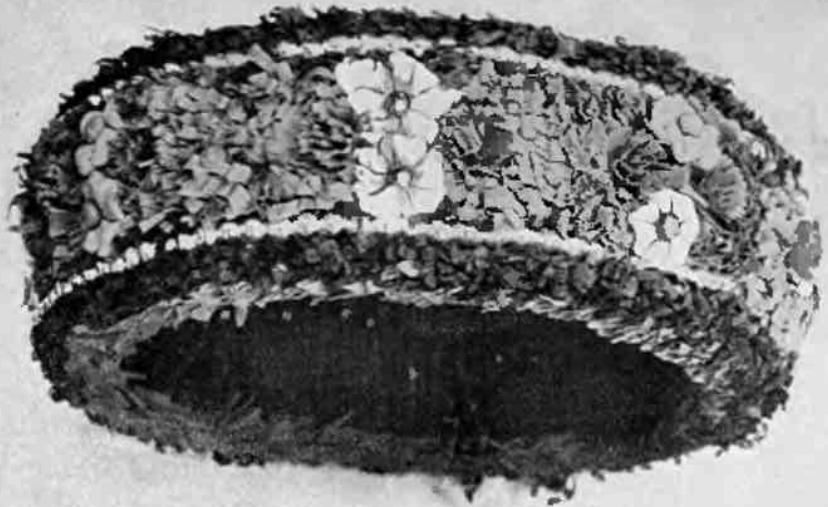

63a—b

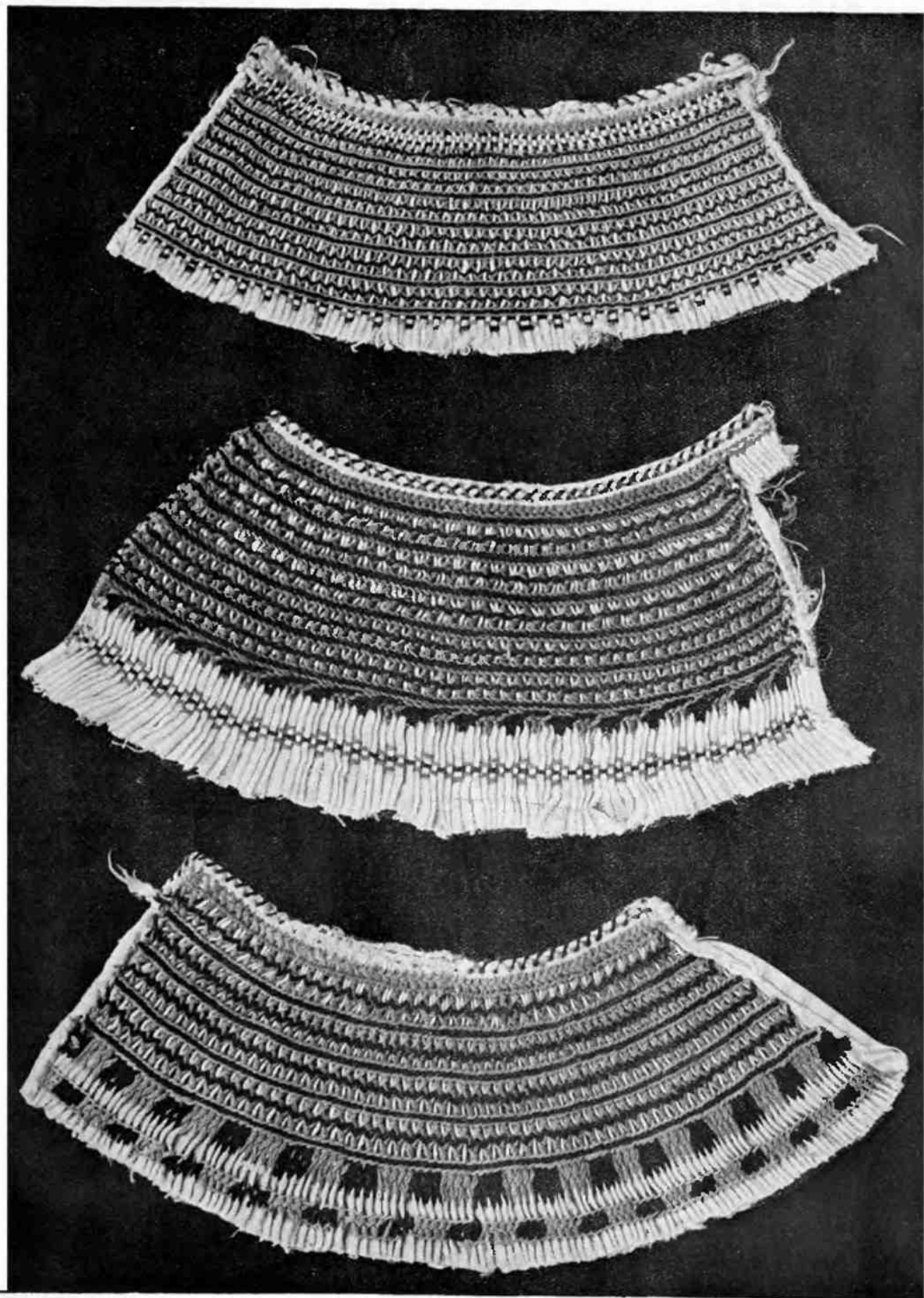

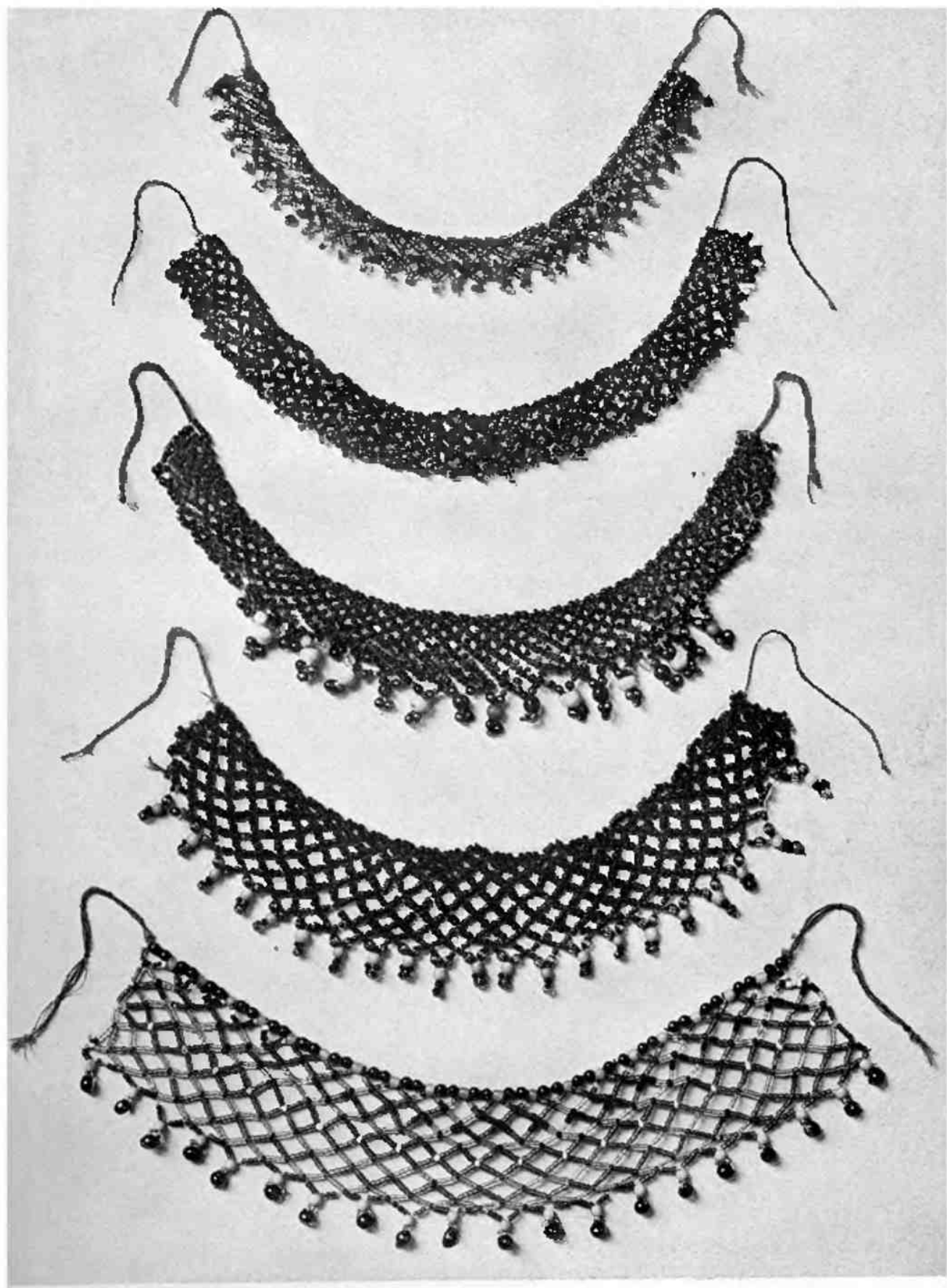

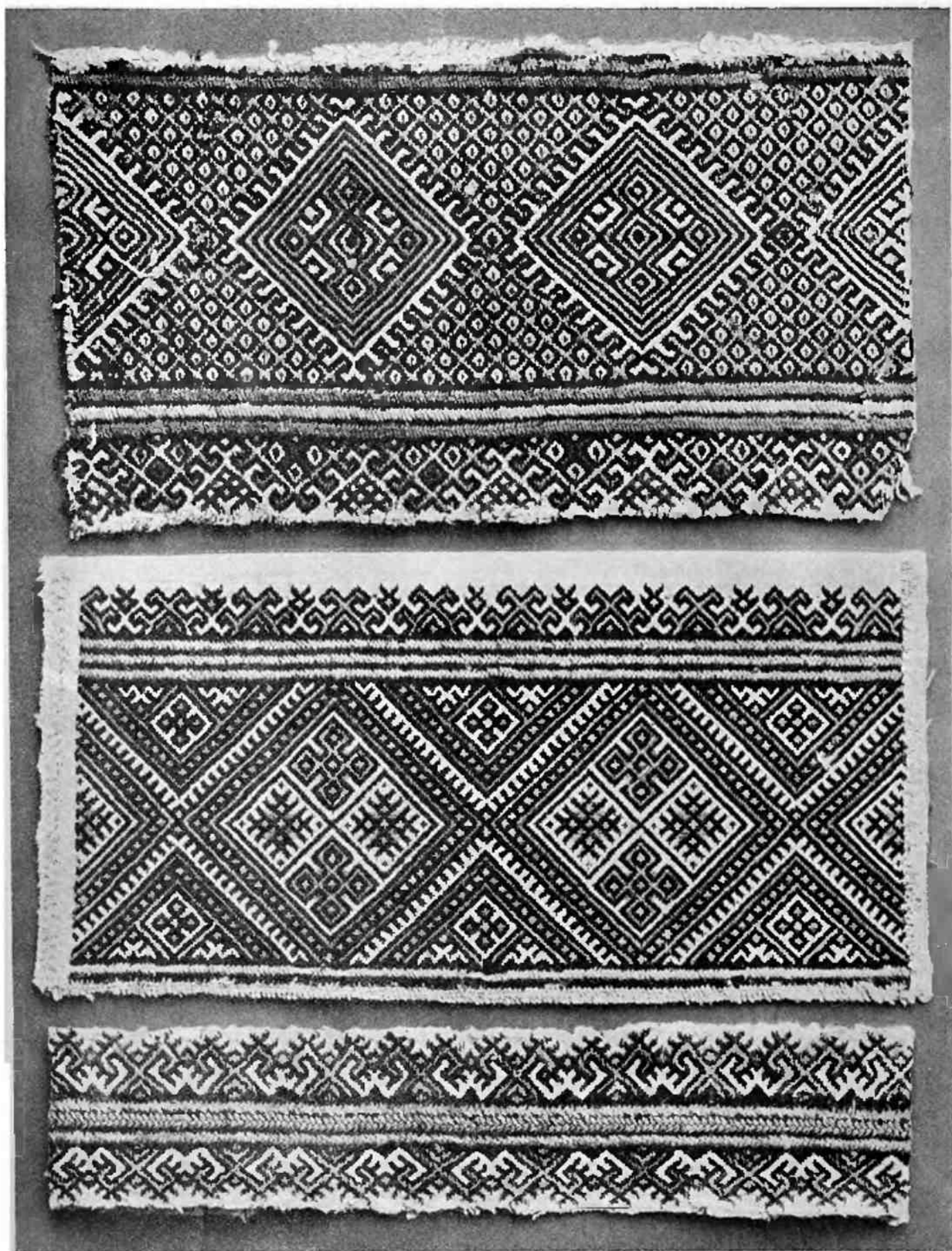

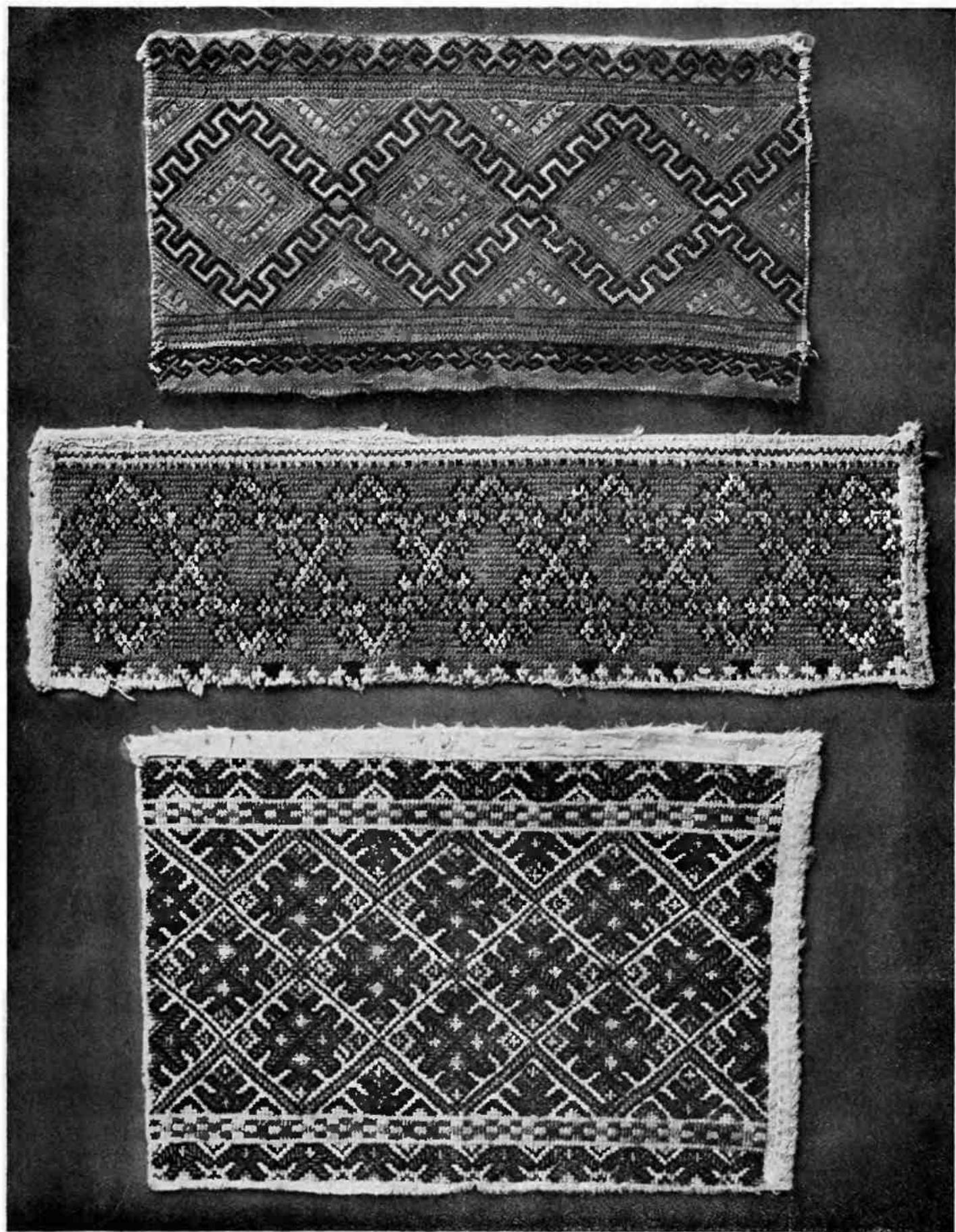
67 a.-d

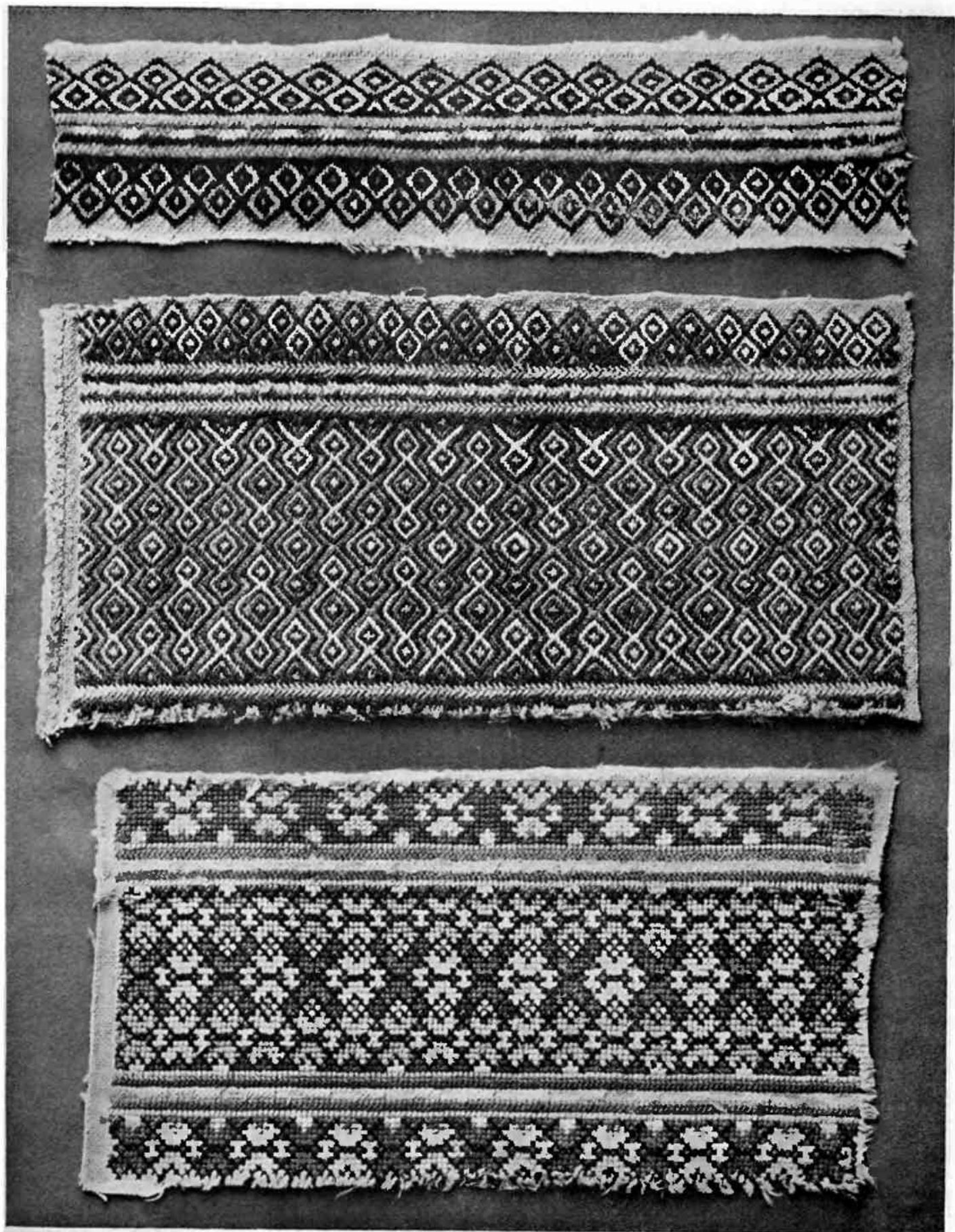

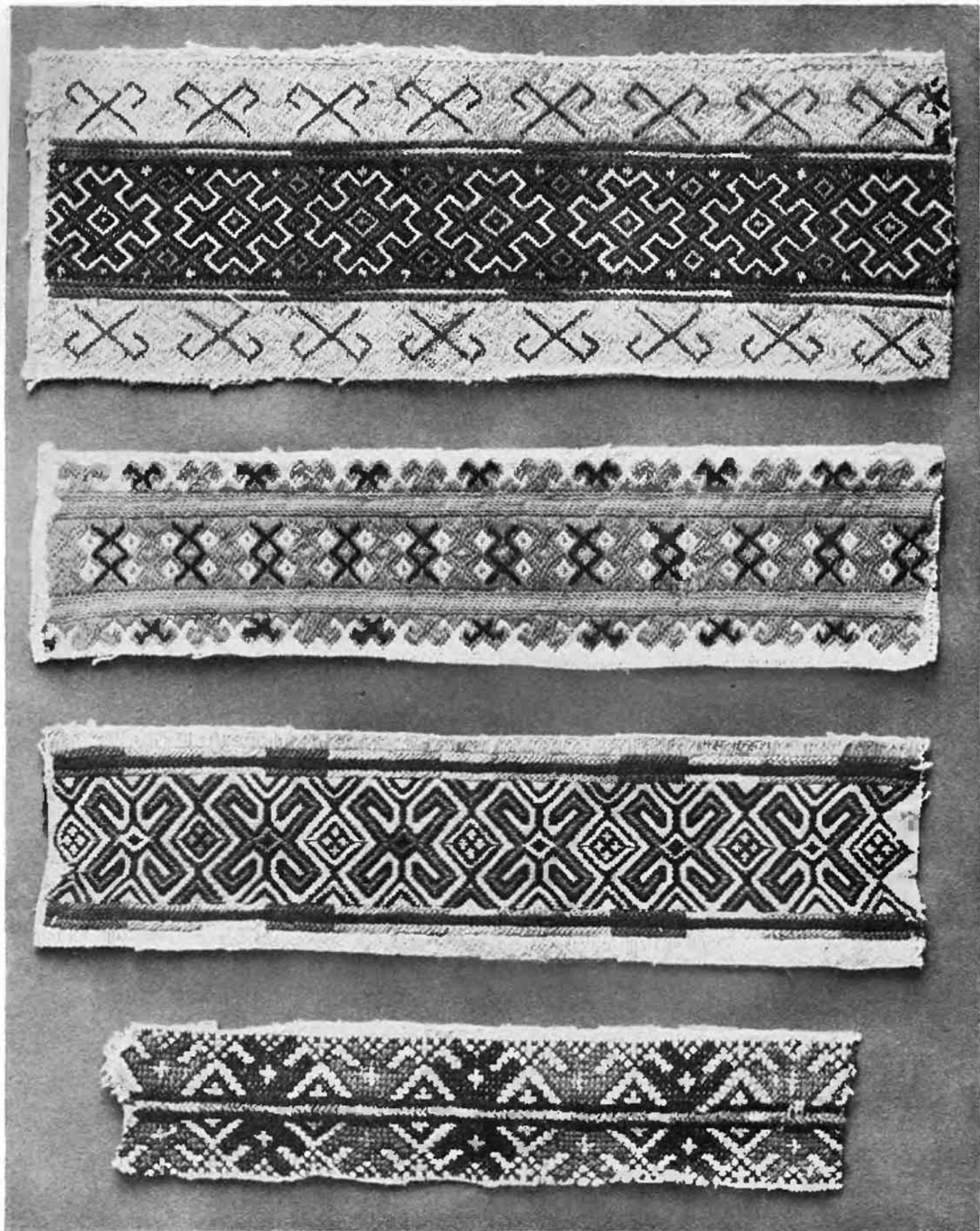

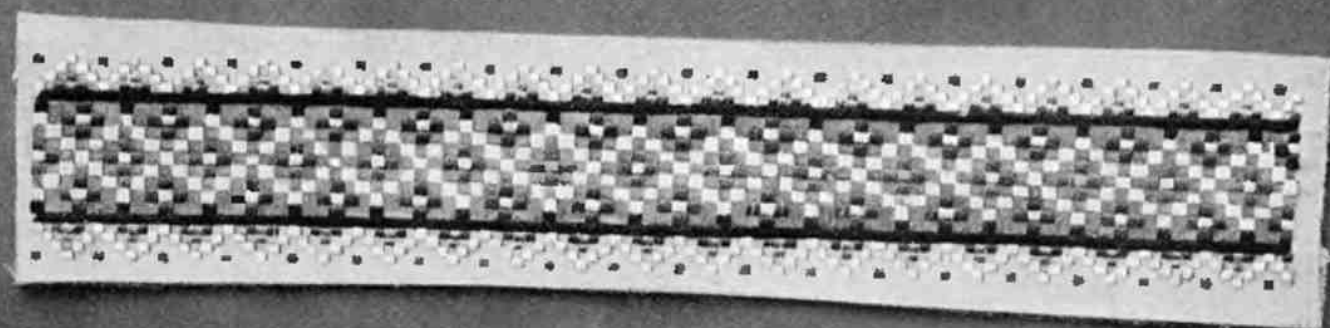
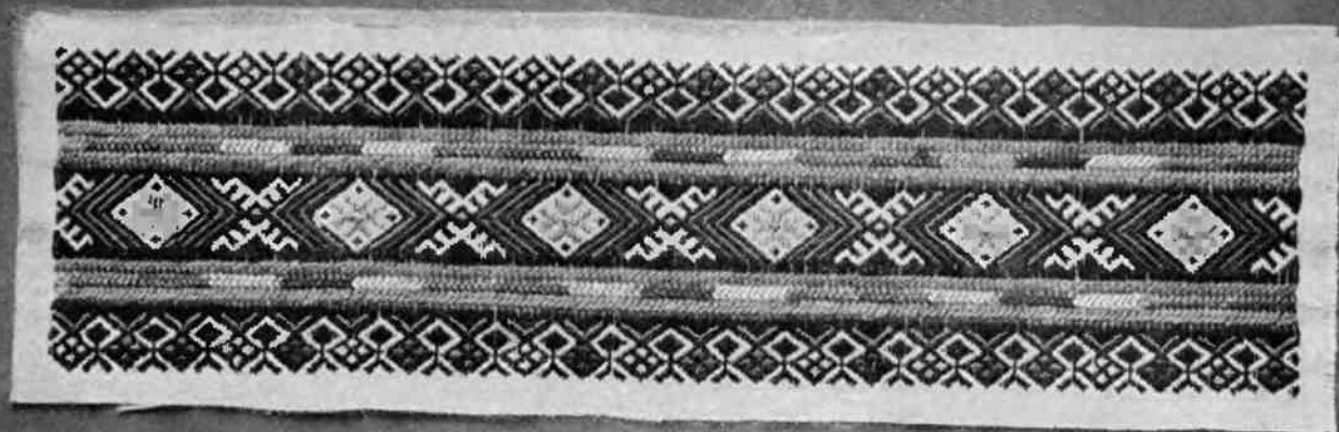

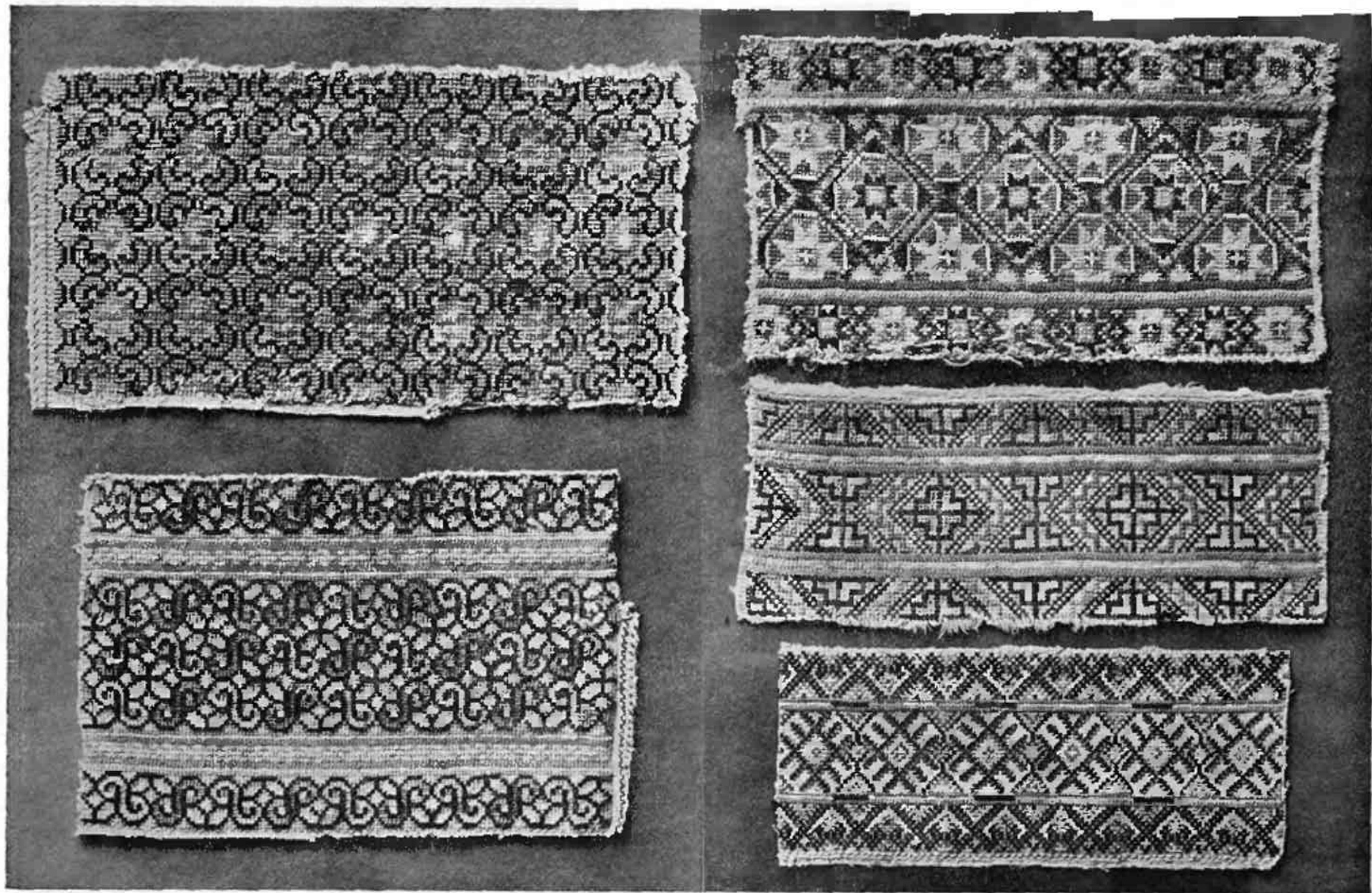

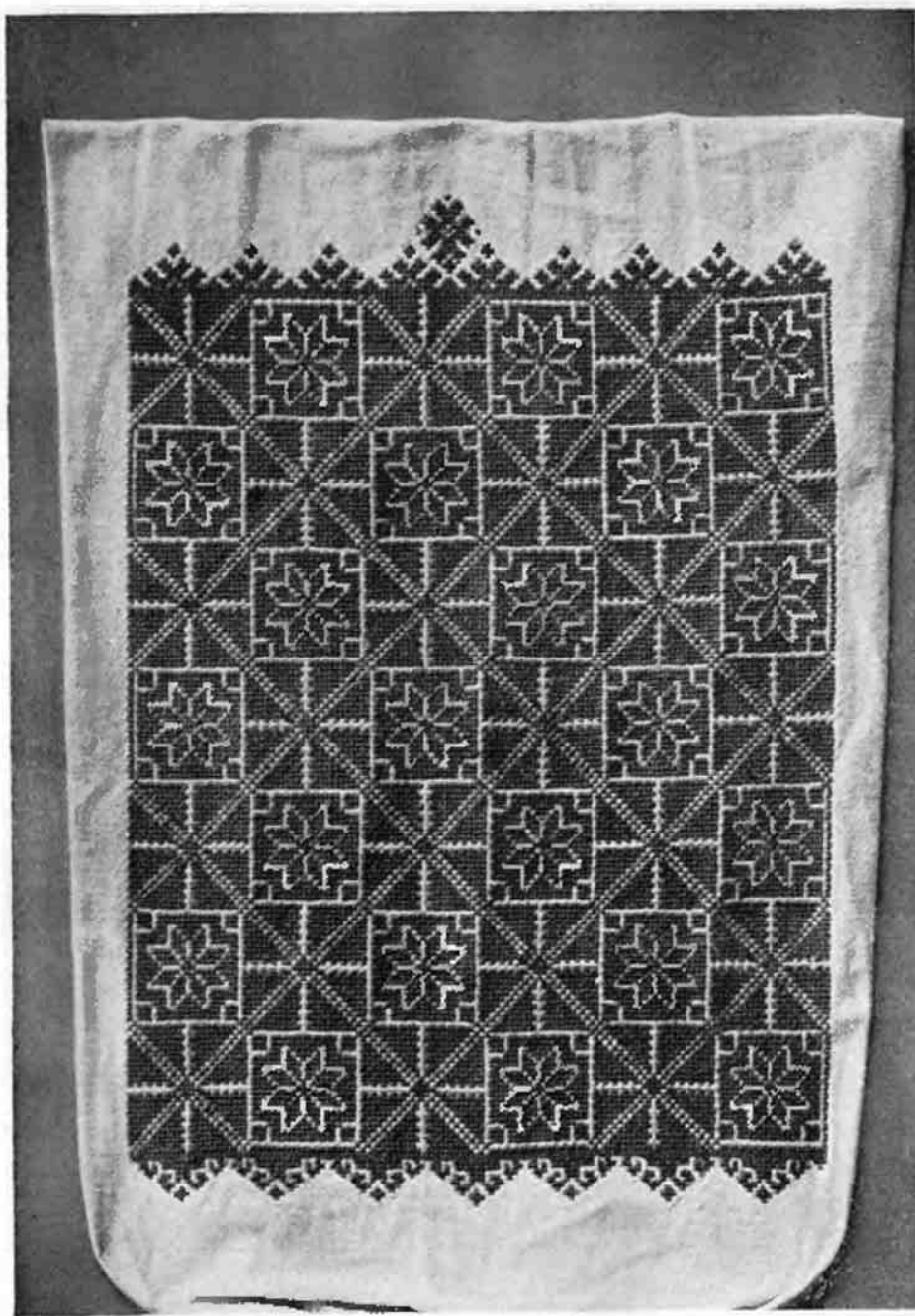

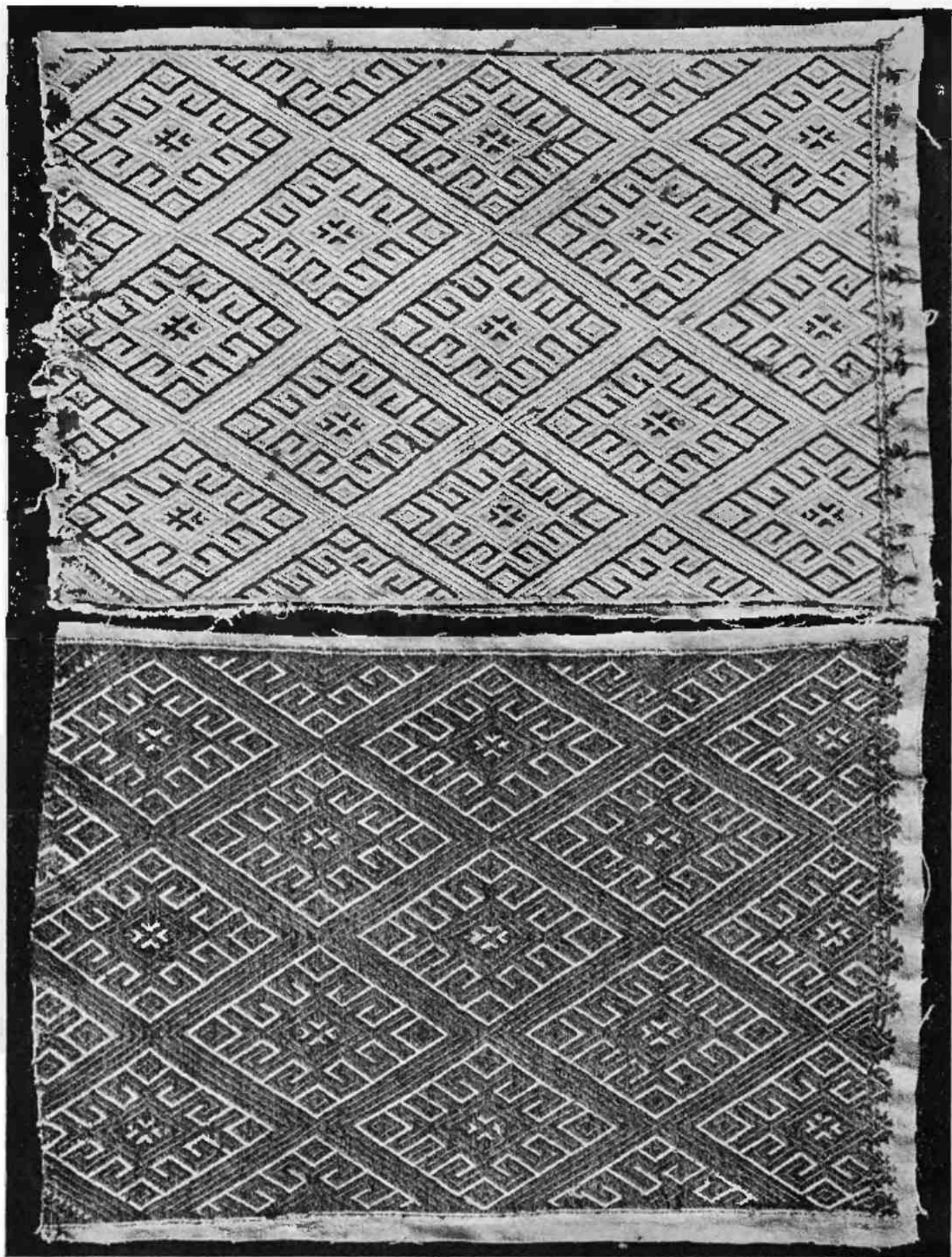

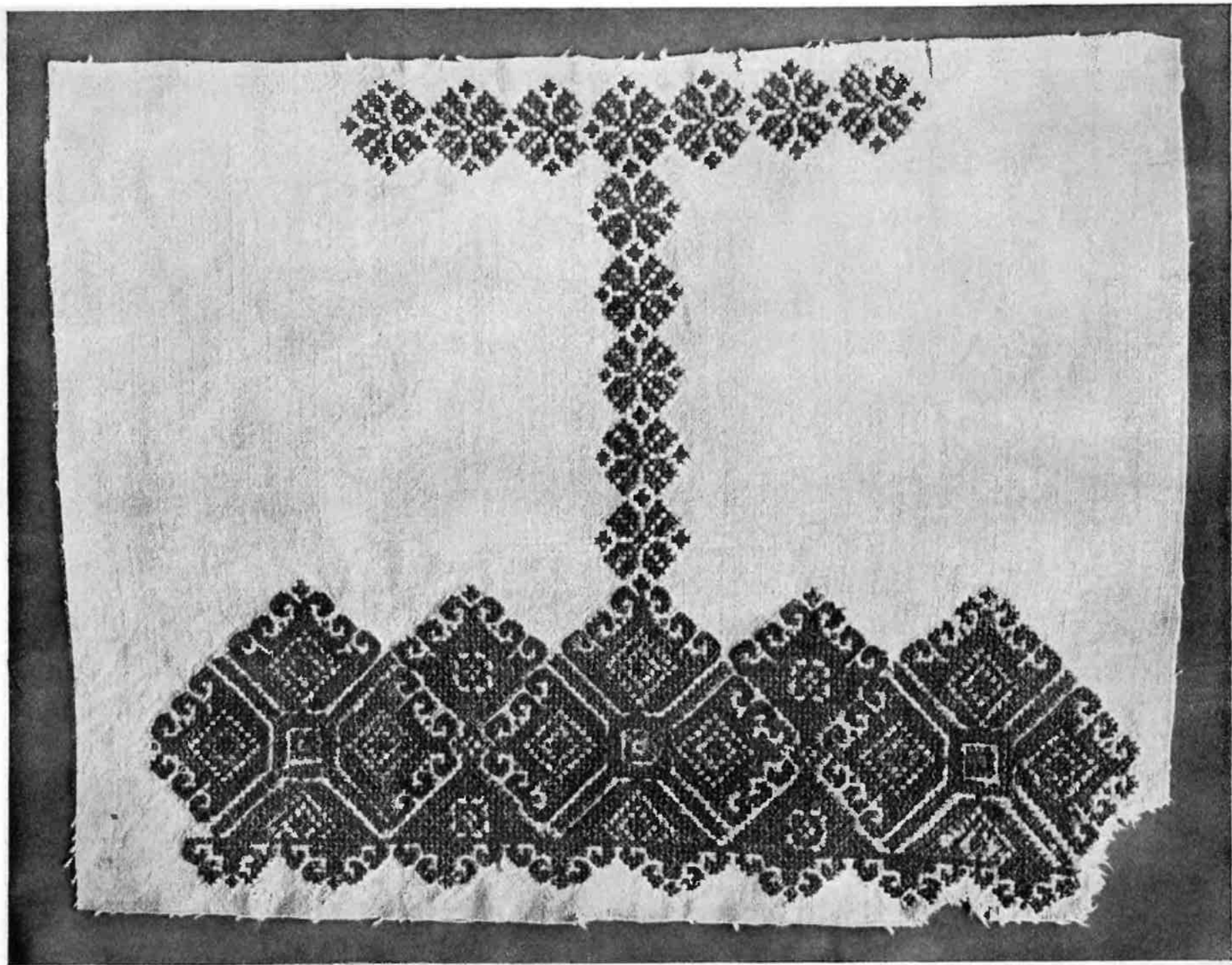
77 a--e

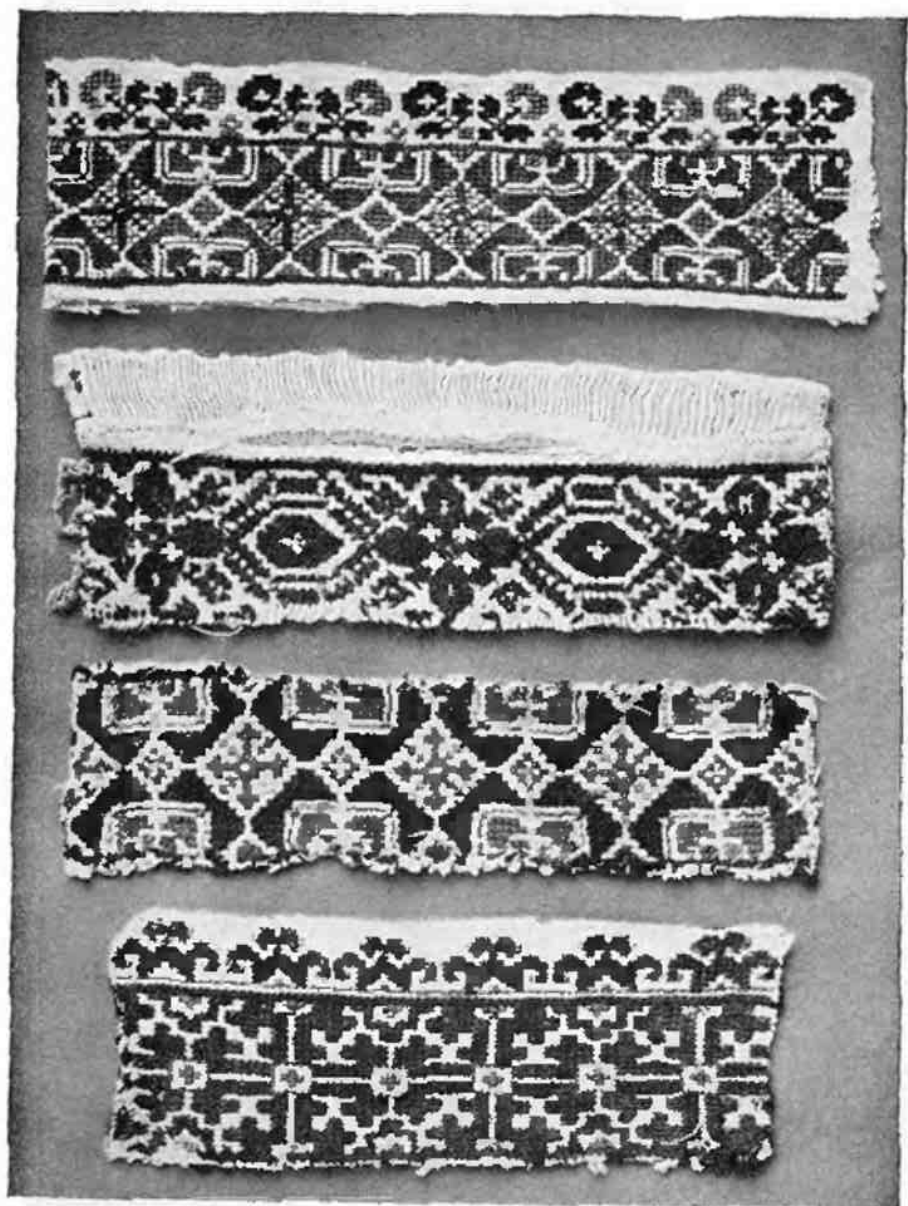

78 a—b

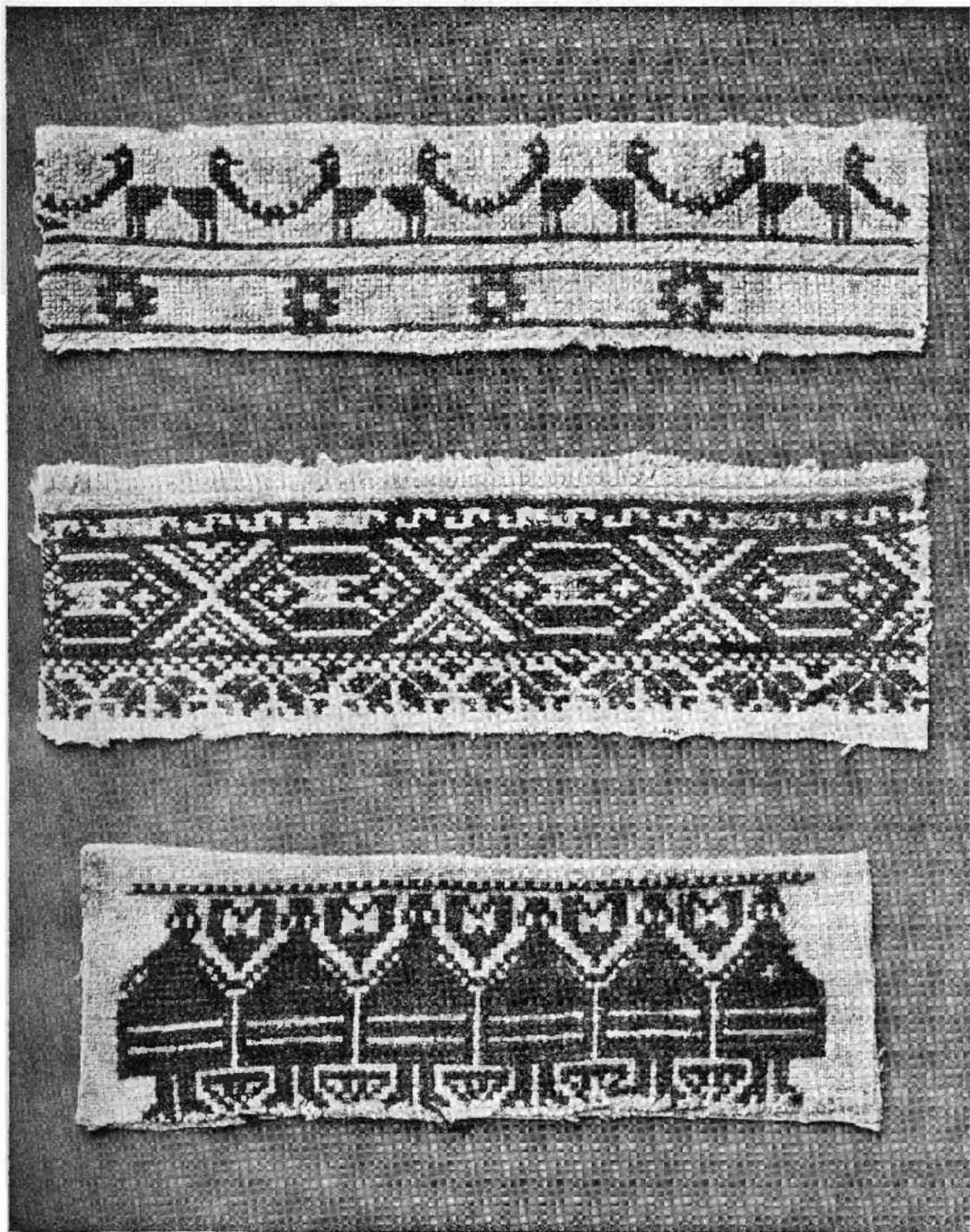

82 a-g

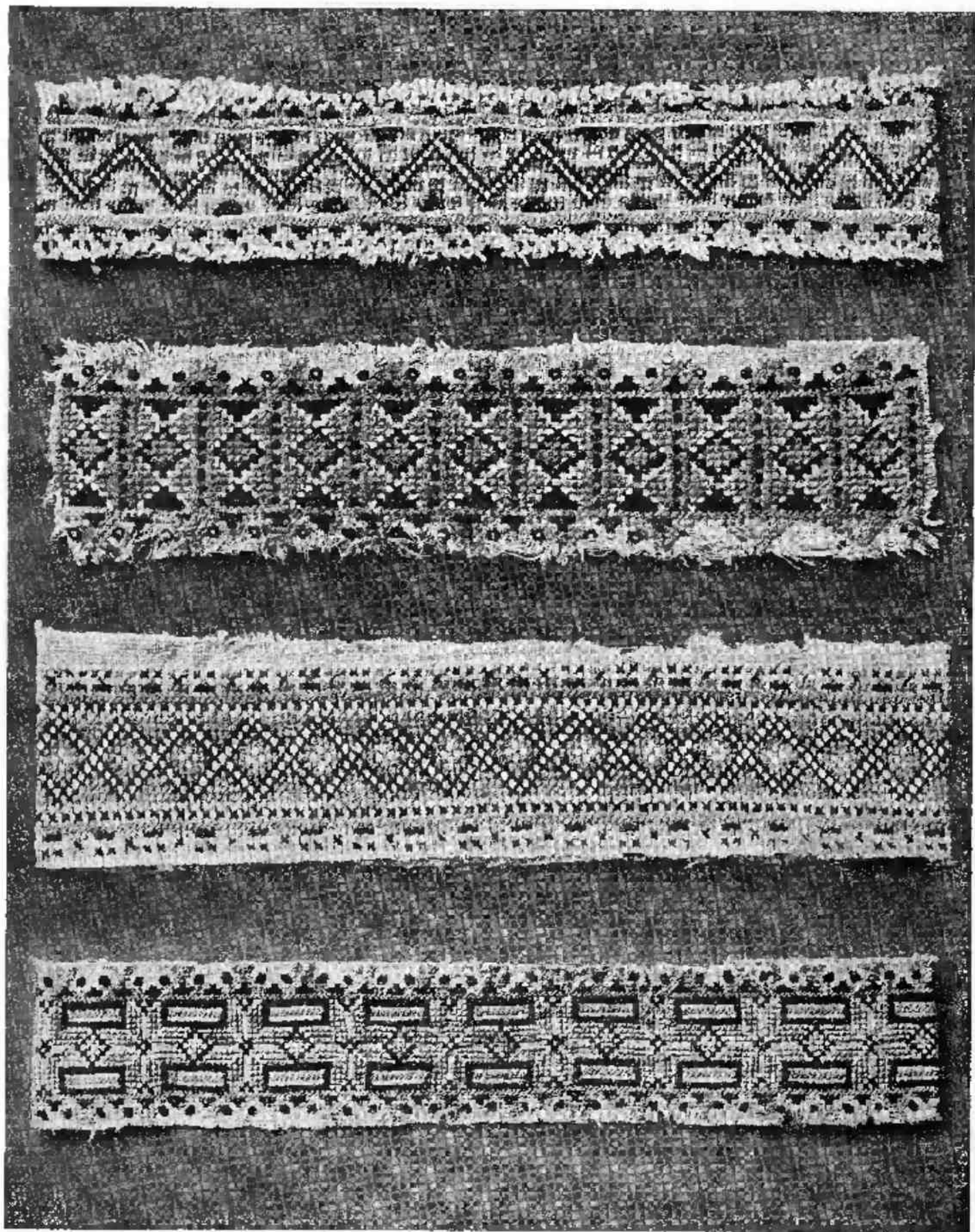

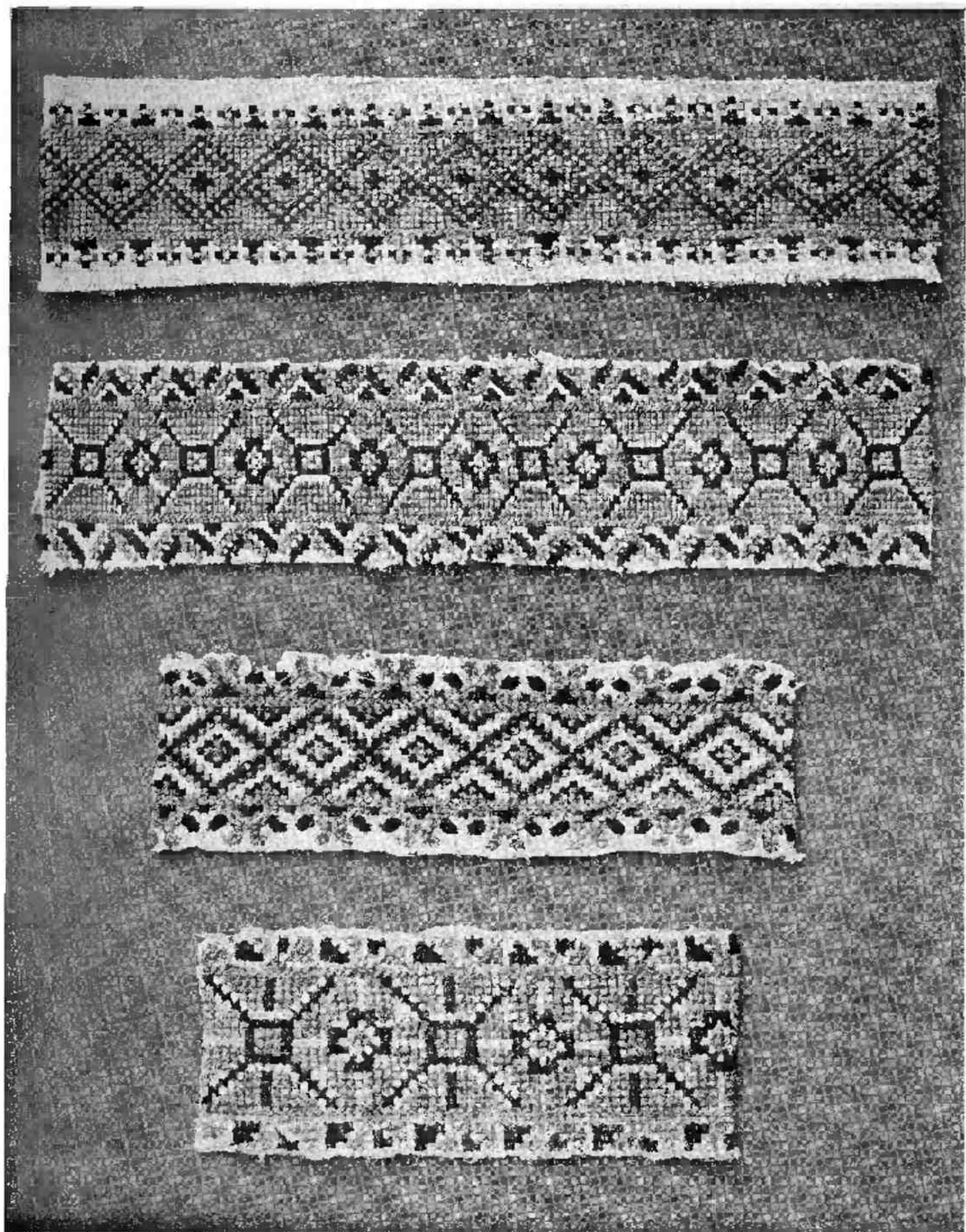
83 a—d

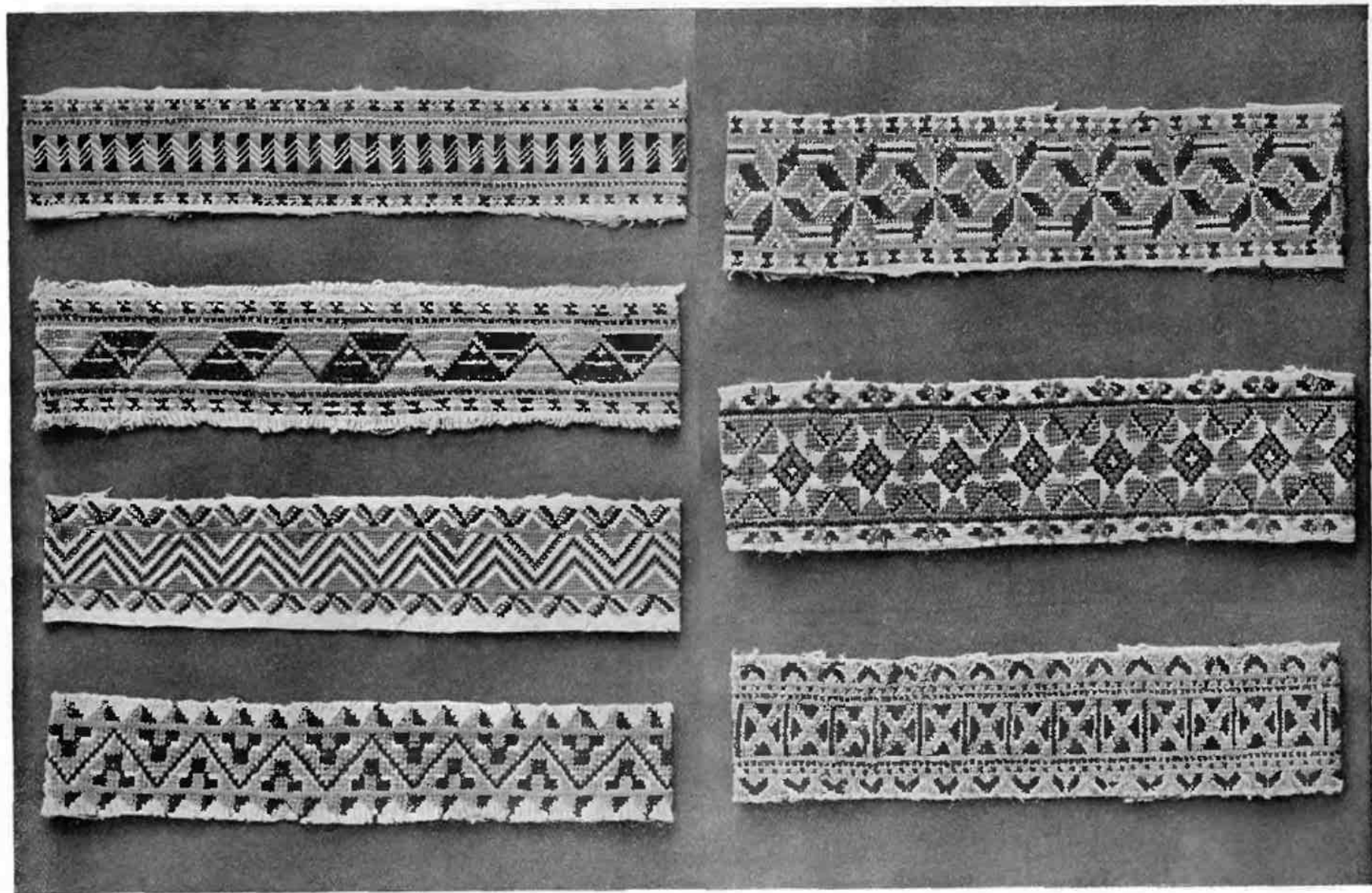

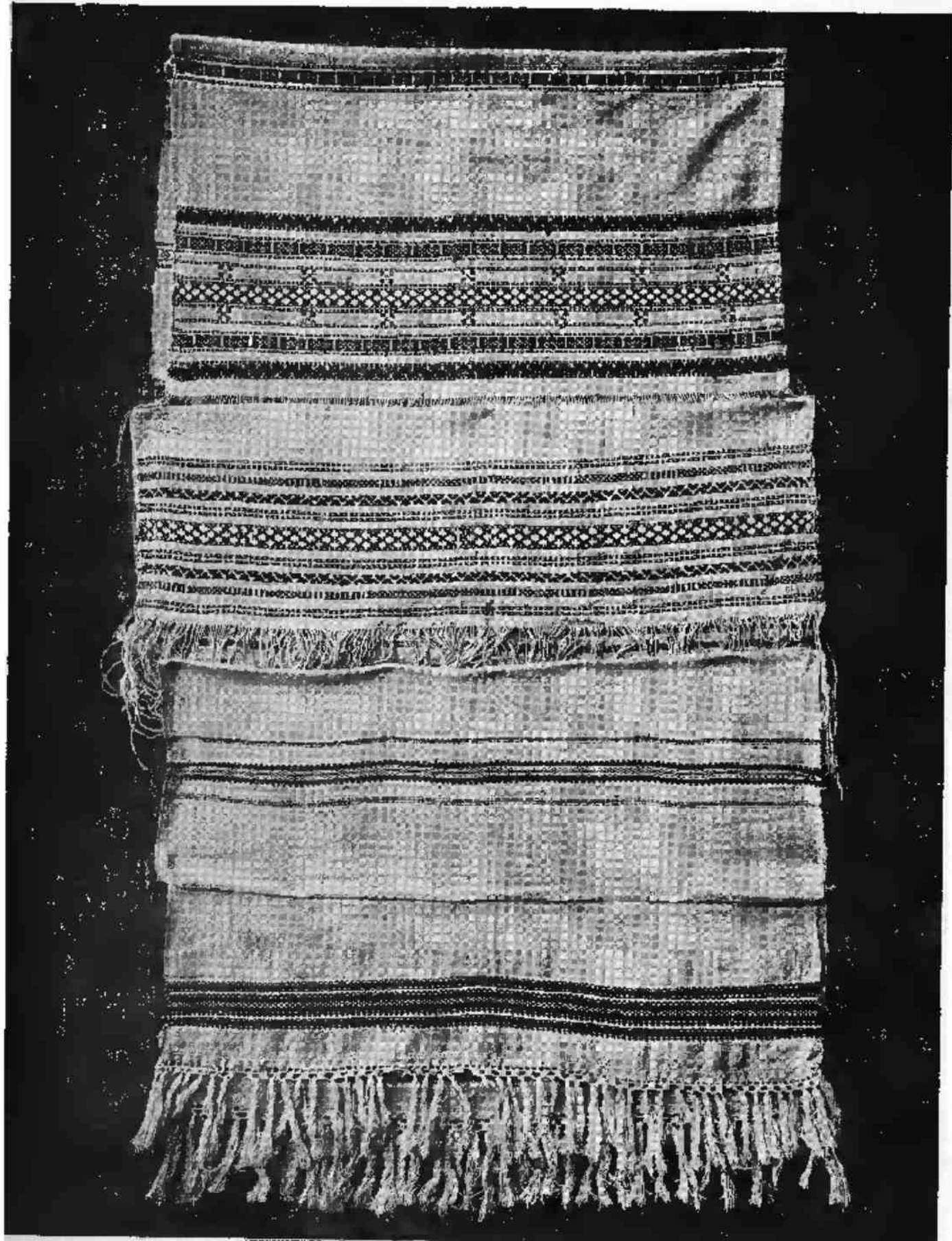
85 a—e

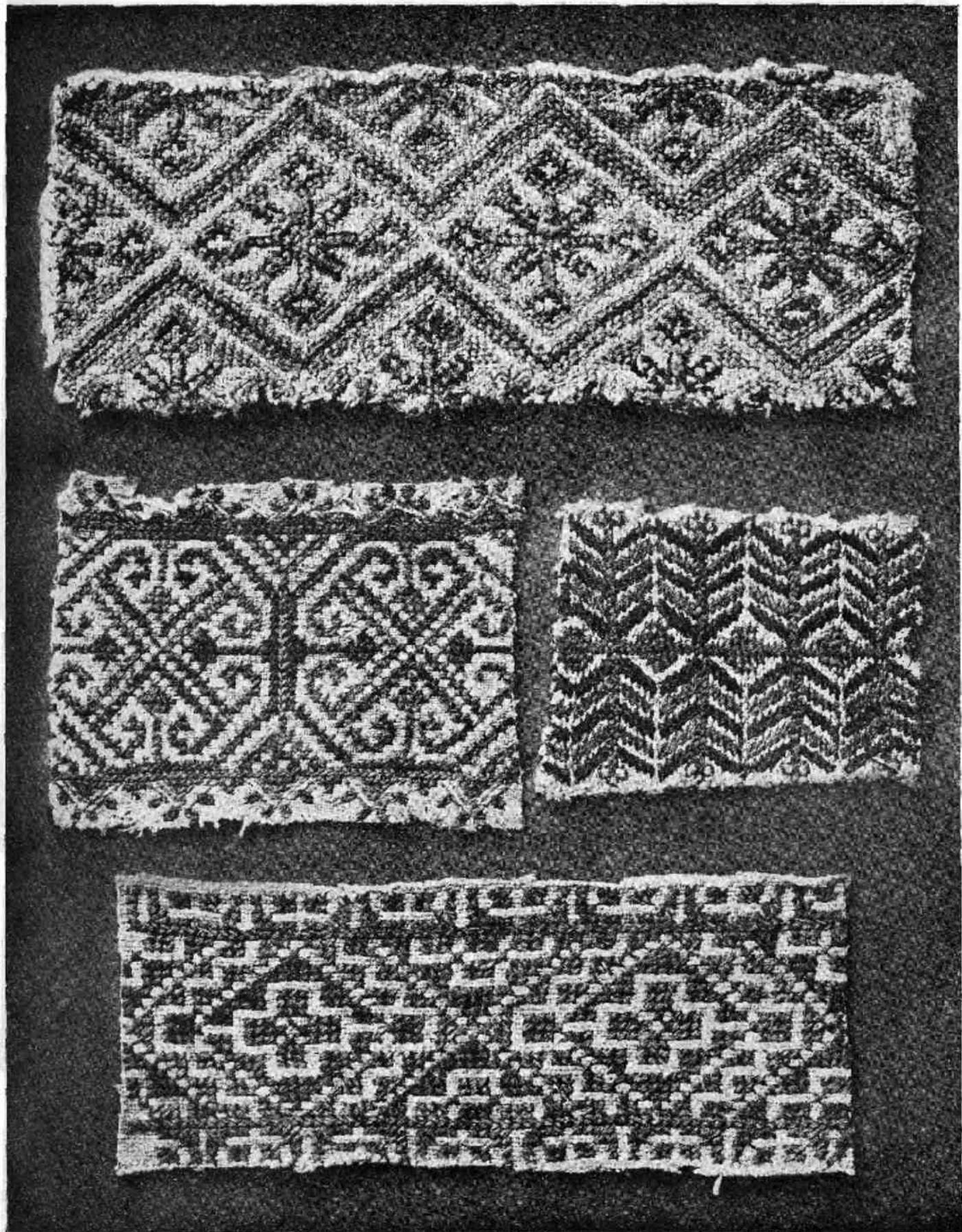

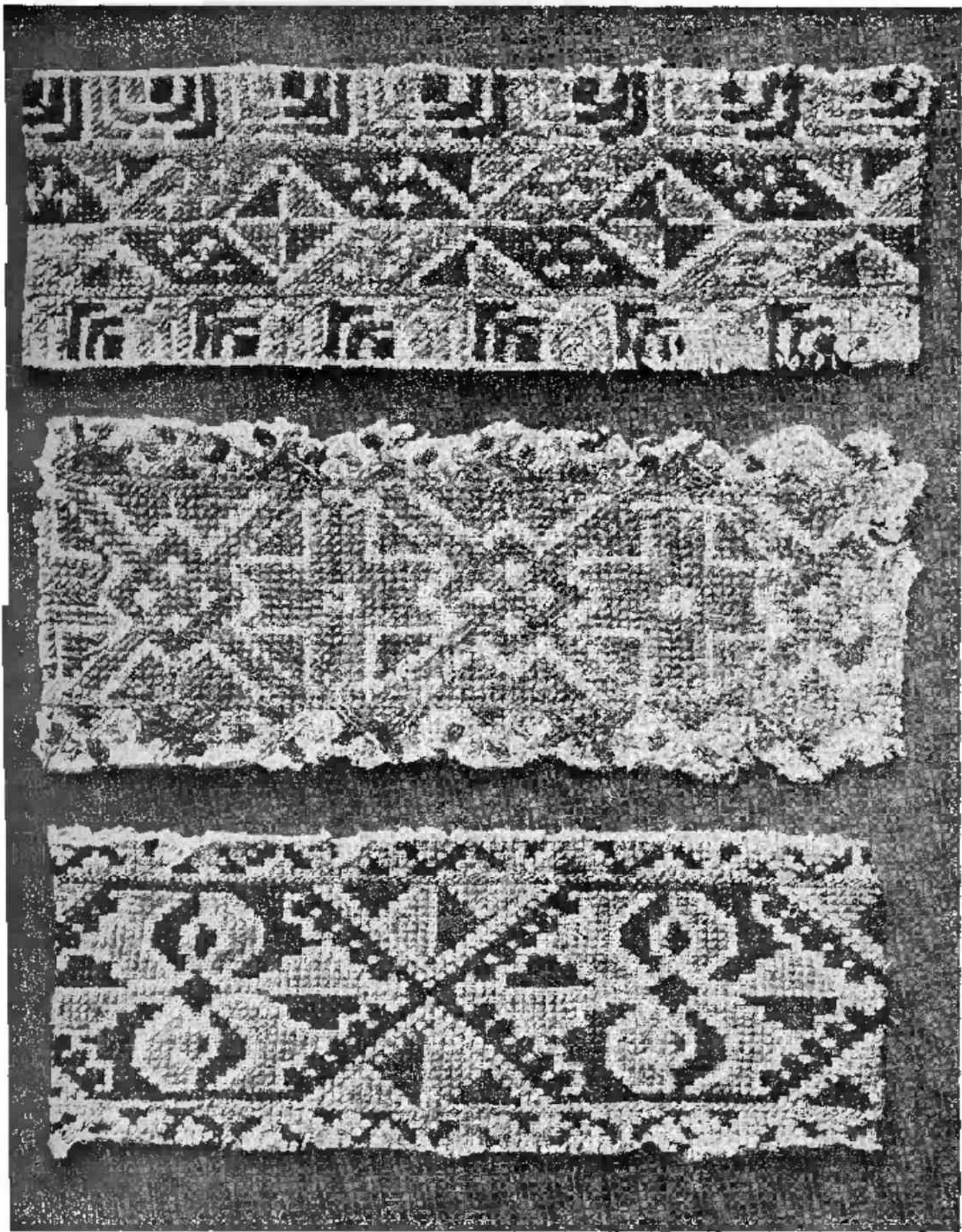

88 a—g

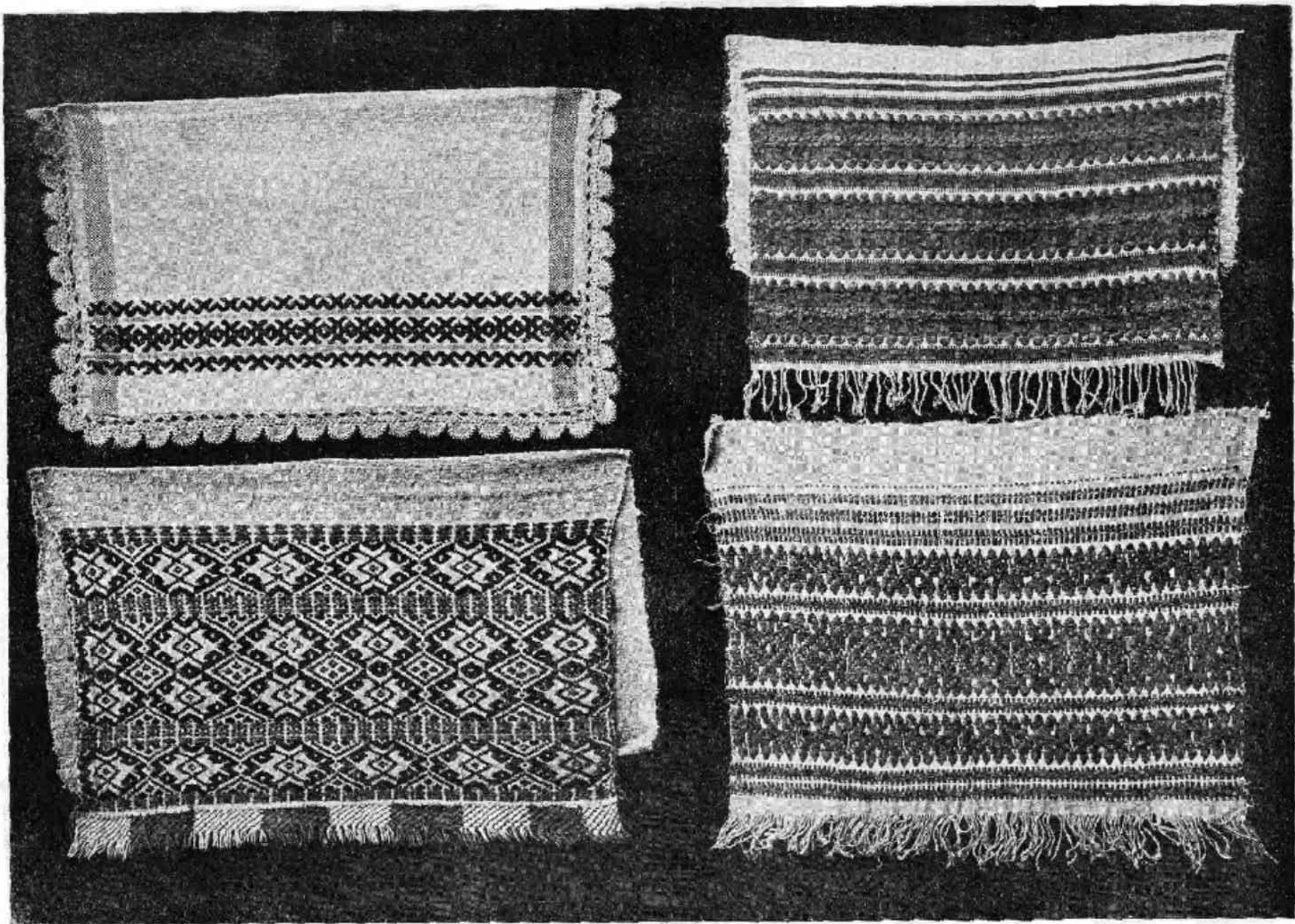

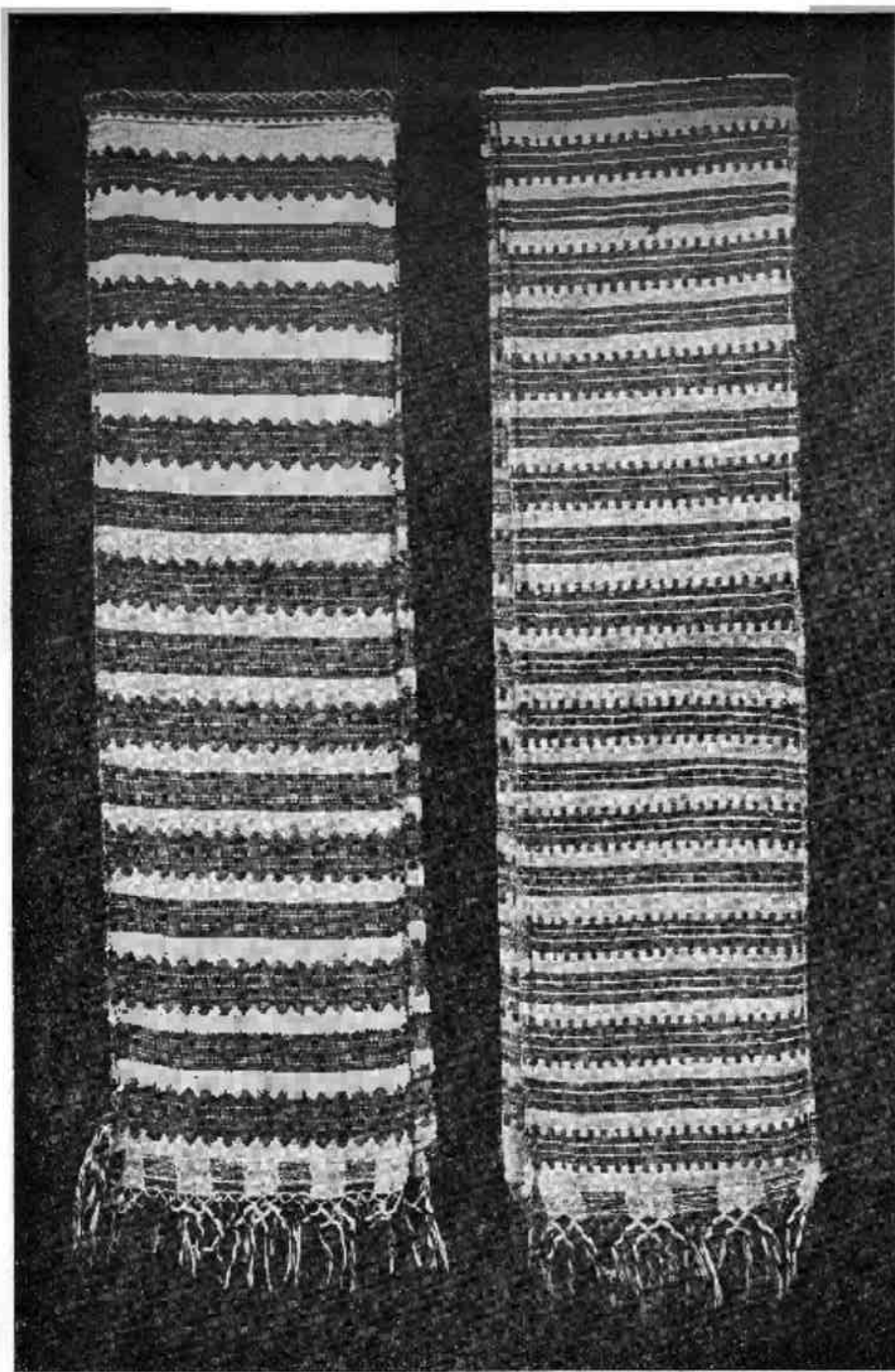

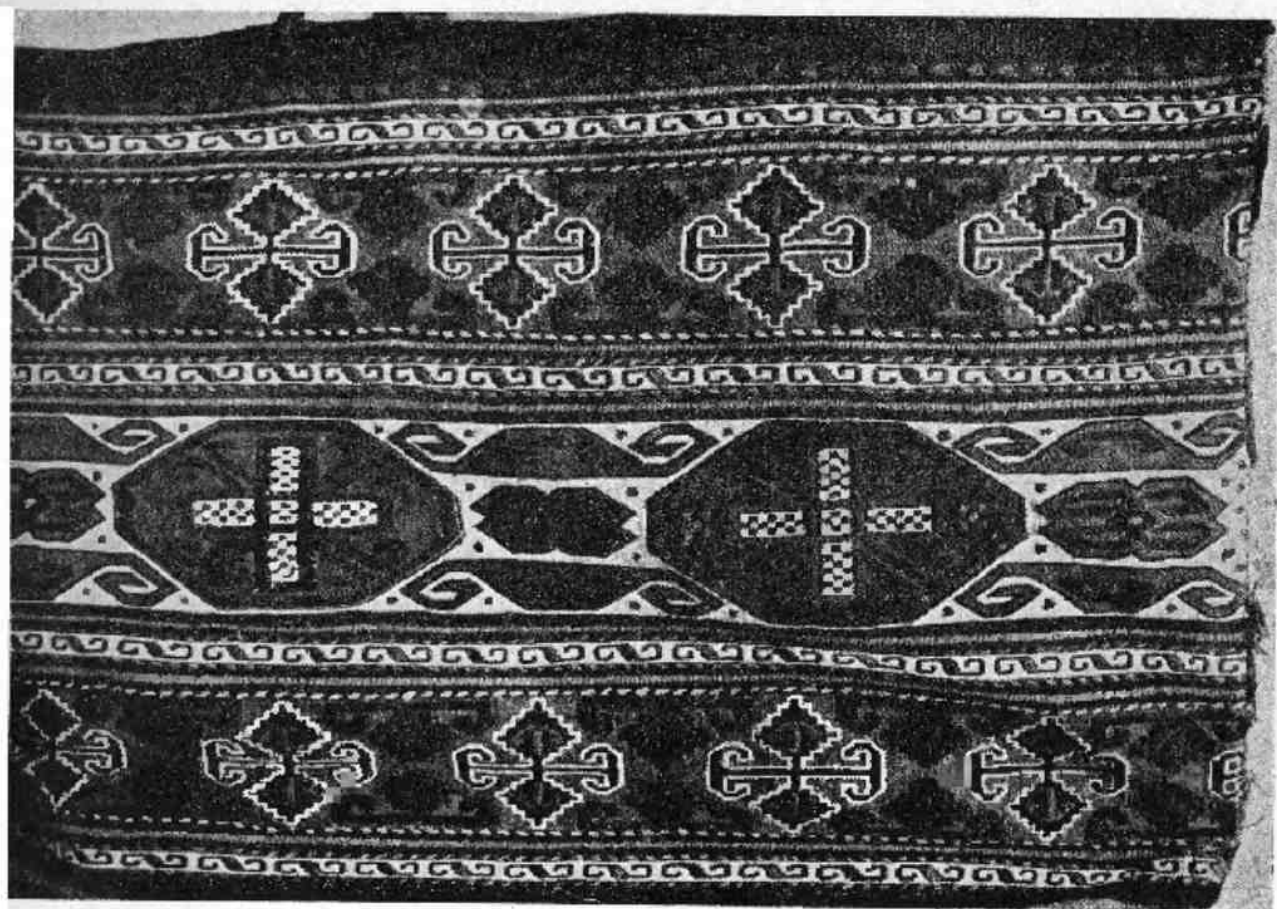
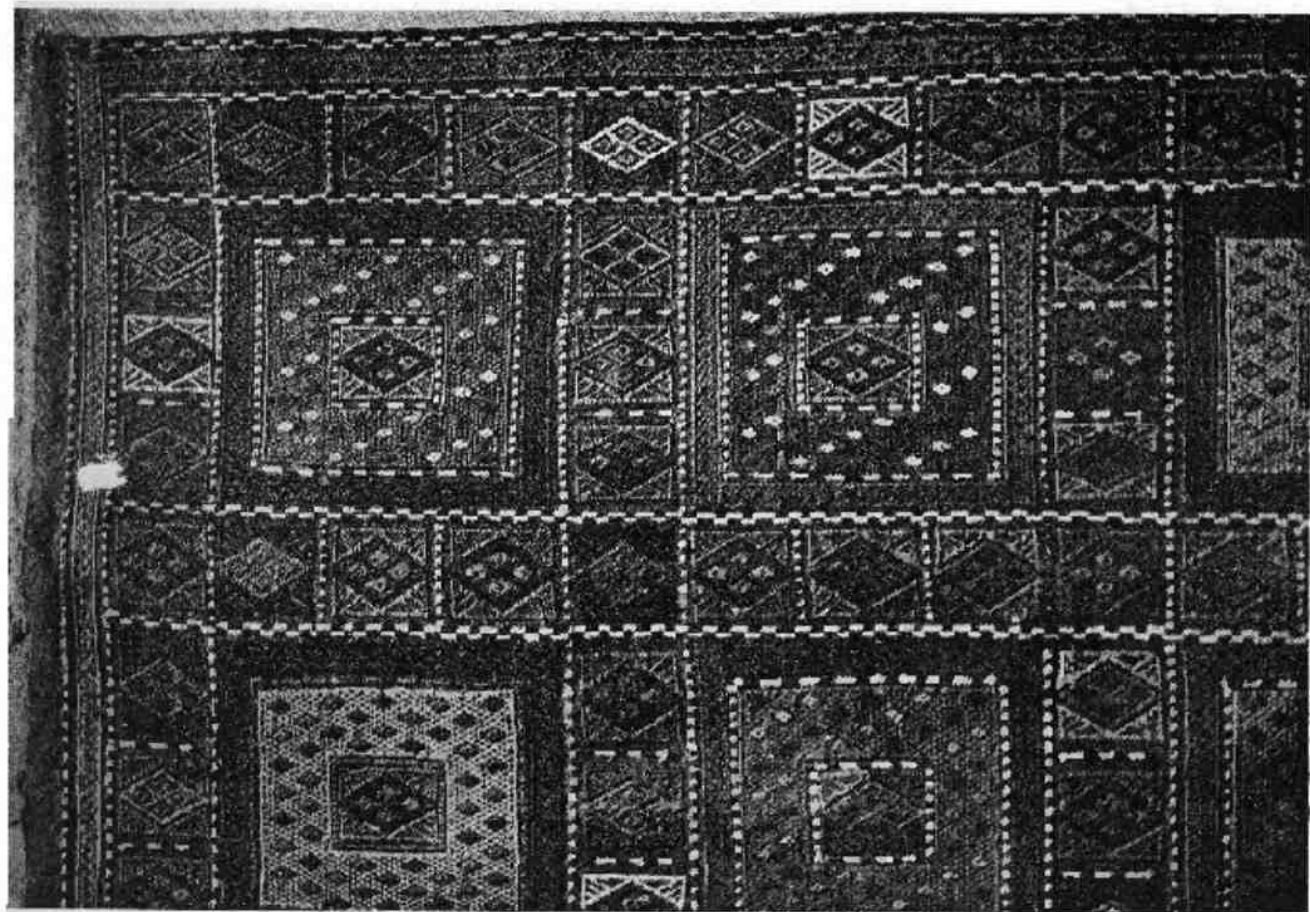

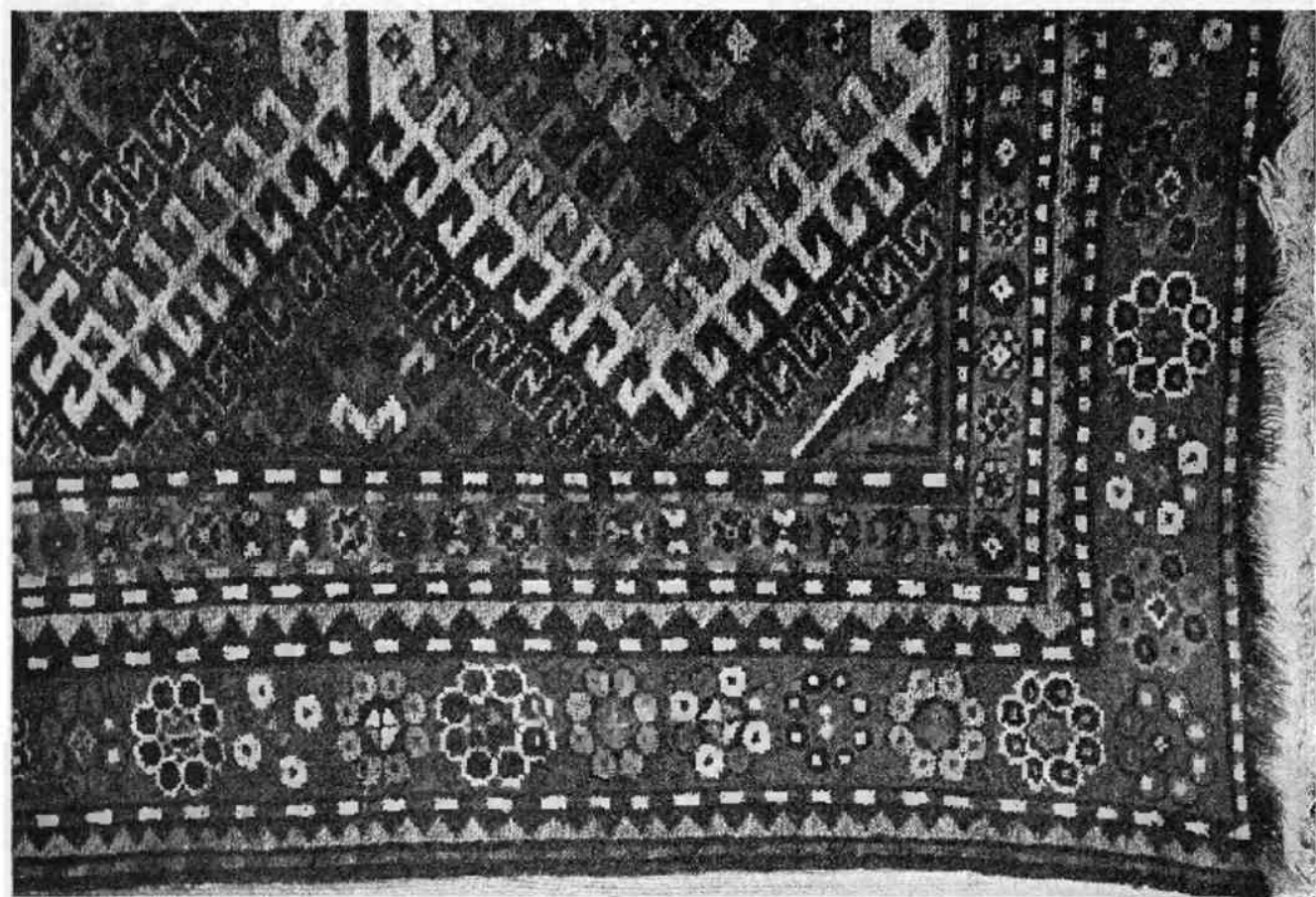

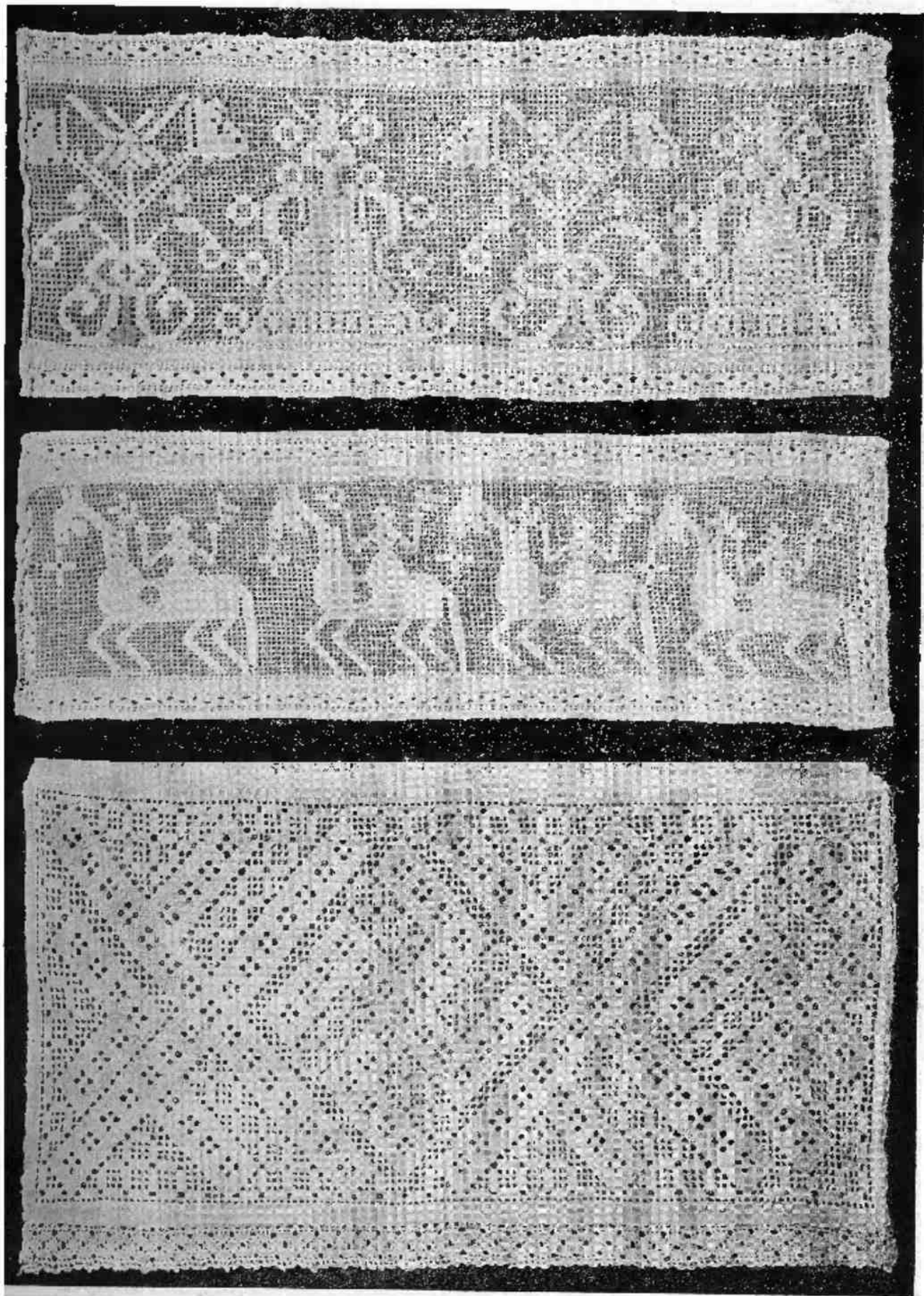

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И

Счетъ буквамъ на таблицахъ (а, б, с и т. д.) — слѣва направо и сверху внизъ.

Т а б л и ц ы ц в ѣ т н ы я

- I. Ясна: мужской нагольный «кожушокъ».
- II. а—е) Женскіе бисерные нашейники изъ Герсоницы и Ясны (с, d, e), f) тканая полоса для украшенія киргизской кибитки.
- III. Коболья Поляна: женская сорочка, вышитая мелкимъ бумажнымъ «крестомъ».
- IV. а—с) Воловецъ: вышитые на морщинахъ бумажнымъ «крестомъ» обшлаги женскихъ сорочекъ (съ оборками).
- V. Порошиково: старая мажонная сорочка, вышитая бумажнымъ «крестомъ».
- VI. а—b) Ясна: вышитыя шерстью «на низину» «уставки» женскихъ сорочекъ.

VII. а) Рахово: вышитая «на низину» бумагой «уставка» женской сорочки, б) Росушка — вышитый «на низину» бумагой край широкаго рукава мужской рубахи, с) Косовская Поляна — вышитая «на низину» бумагой «уставка» женской сорочки.

VIII. а—с) Коболья Поляна: вышитые шерстью «крестомъ» наплечники женскихъ сорочекъ.

IX. Буштина: вышитая бумажнымъ «крестомъ» женская сорочка.

X. Вышитые бумажнымъ «крестомъ» наплечники женскихъ сорочекъ: а) Любаа, б) Кичурно, с) Быстра Верховина.

Т а б л и ц ы о д н о ц в ѣ т н ы я

1. а—b) Часть деревяннаго рѣзного гудульскаго напрестольнаго креста (XVII в.), съ двухъ сторонъ. Собр. «Просвита» въ Ужгородѣ.
2. Деревянный рѣзной «гудульскій» крестъ, 1780 г. (Ясна).
3. Id. — обратная сторона.
4. а—b) Деревянный рѣзной гудульскій крестъ, съ двухъ сторонъ (Соколявка). Собр. Народнописнаго музея въ Прагѣ.
5. а—b) Деревянный рѣзной гудульскій крестъ, 1827 г., съ двухъ сторонъ. Собр. Напреткова музея въ Прагѣ.
6. а—b) Деревянный рѣзной гудульскій крестъ (XVIII в.), съ двухъ сторонъ. Собр. «Просвита» въ Ужгородѣ.
7. а—b) Деревянный рѣзной гудульскій крестъ (XIX в.), съ двухъ сторонъ (Черная Тисса).

8. Деревянный рѣзной гудульскій крестъ, 1841 г. Собр. Напреткова музея въ Прагѣ.

9. Косовская Поляна: а) деревянная маслобойка съ выжженнымъ орнаментомъ, б) деревянная самопрядка съ выжженнымъ орнаментомъ.

10. а—b) Черная Тисса: пастушьи деревянные точевыя баклажки.

с—d) Черная Тисса: пастушьи деревянные рѣзные баклажки.

11. а—b) Черная Тисса: пастушьи деревянные рѣзные баклажки (двойныя).

12. Ясна: а) деревянная рѣзаная чашечка съ колечкомъ, б) старая большая деревянная ложка съ рѣзнымъ орнаментомъ, с) деревянная ложка меньшаго размѣра, украшенная рѣзкой.

13. Черная Тисса: а) днѣще съ ножками у пастушьей деревянной рѣзной баклажки,

b) деревянная масленка съ выжженнымъ орнаментомъ.

14. Ясины: а) деревянная маслѣйка, б) деревянная кружка для молока, украшенная выжженнымъ узоромъ.

15. Ясины: а—с) гуцульскіе деревянные топоры (палыцы), украшенные рѣзнымъ и выжженнымъ орнаментомъ, d) старая рѣзаная прилка.

16. а—d) Гуцульскія (галиційскія) палыцы съ металлическими набалдашниками. Собр. Народописнаго музея въ Прагѣ.

17. а—b) Гуцульскія (галиційскія) мѣдныя пороховницы, украшенные гравированнымъ и выбитымъ узоромъ и инкрустаціей изъ перламутра. Собр. Народописнаго музея въ Прагѣ.

18. а—d) Гуцульскія (галиційскія) мѣдныя надѣлія, съ гравированнымъ узоромъ: игольникъ, щипцы для орѣховъ, шило, пряжка. Собр. Народописнаго музея въ Прагѣ.

19. Гуцульскіе (галиційскіе) мѣдныя нагрудные кресты. Собр. Народописнаго музея въ Прагѣ.

20. Гуцульскія (галиційскія) кожаная сумка, украшенная тисненымъ крестовымъ орнаментомъ и оккованными кружками. Собр. Народописнаго музея въ Прагѣ.

21. Гуцульскія (галиційскія) кожаная сумка, украшенная мѣдной пластиной съ выбитымъ орнаментомъ. Собр. Народописнаго музея въ Прагѣ.

22. Гуцульскія (галиційскія) пороховница изъ рога, въ мѣдной обшивкѣ съ выбитымъ орнаментомъ. Собр. Народописнаго музея въ Прагѣ.

23. а—e) Гуцульскія (галиційскія) деревянные рѣзные рюмки, часть — съ инкрустаціей просверленныхъ бусенъ («коральковъ»). Собр. Напреткова музея въ Прагѣ.

24. Деревянная верховинская утварь: а) Ростока Вышня — рѣзаная чарка для воды, б—e) Воловецъ — подойникъ, масленка, баклажка, масленка.

25. Деревянная верховинская утварь: а) Розвигово — полочка для ложекъ, б—d) Зборовецъ — солонка настѣнная съ рѣзнымъ орнаментомъ, солонка малая съ выдвинутой крышкой, рѣзаная ложка.

26. а—e) Ворочово на Туріи: украшенная рѣзьбою прилка.

27. Деревянная утварь: а) Кострина — мутовна («рогатка»), б—с) Кострина — рѣзаная веретена, d) Ясины — большая ложка для молока, e) Кострина — малая ложка, f) Любча — ложка съ украшенной рѣзьбою ручкой.

28. Деревянные свирѣли: а—b) Вышня Апша, с) Широкоє, d) Кострина.

29. а—b) Ясины: деревянные украшенные рѣзьбой и выжиганіемъ подовѣчники.

30. а—h) Округъ Неревницы на Терешѣ: писанки.

31. а—h) Id.

32. а) Рахово — писанки, б) Ясины — шерстяная ткань для «вапаски».

33. а—b) Старый рѣзаной трикирій, съ двухъ сторонъ. Собр. «Просвиты» въ Ужгородѣ.

34. а—b) Ясины: пасхальные куличи («паски»).

35. а—b) Косовская Поляна: хлѣбовки для пасхальныхъ куличей («пасковцы»), украшенные выжиганіемъ.

36. Рѣзные царскія врата (съ позолотой) изъ разрушенной церкви въ Шашварахъ.

37. Придорожная часовенка у Иршавы.

38. а) Крайниково — деревянная церковь со звонницей. б) Сола — деревянная церковь.

39. Ясины: деревянная церковь на Лазещинѣ.

40. Старая деревянная церковь въ Шелестовѣ.

41. а—e) Хустовская керамика неизвестныхъ мастеровъ, f—h) Севлюшь: тарелки и горшокъ работы Яноша Професура.

42. а) Прислошь — вышитый низъ женской юбки, б—с) Хустъ — кувшинъ и горшокъ раб. Василя Леновича.

43. а—с) Тарелки неив. ужгородскихъ мастеровъ, d) Ужгородъ — горшокъ раб. Стефана Гривняка, e) Севлюшь — горшокъ раб. Яноша

Поспѣвки, *f*) Ужгородъ — горшокъ раб. Бембо-
вика.

44. *a—c*) Хустовская керамика неизв.
мастеровъ, *d*) Ужгородъ — блюдо неизв. ма-
стера.

45. *a—c*) Хустовская керамика неизв.
мастеровъ, *d*) Ужгородъ — блюдо неизв. ма-
стера.

46. *a—c*) Старые кувшины галиційскаго про-
исхожденія. Собр. «Просвѣты» въ Ужгородѣ.

47. *a—c*) Id.

48. *a—d*) Гуцульскія тарелки галицій-
скаго происхожденія.

49. Кольчатый сосудъ галиційскаго про-
исхожденія (Ясина).

50. *a*) Ясина — домотканая сумка («тай-
стра»), *b*) Вышняя Апша — домотканая «тай-
стра».

51. Росушна: женская сорочка.

52. *a*) Любна — женская сорочка (подши-
тая), *b*) Росушка — мужская рубаха (подолъ
городскаго покроя).

53. *a*) Любна — мужская рубаха, *b*) Воло-
вецъ — короткая женская сорочка.

54. Березникъ: длинная женская сорочка.

55. Долга: мужскіе «постолы» (безъ зад-
ковъ) на волокахъ.

56. *a*) Крестьянныя-гуцулки изъ Ясины,
b) Ясина: кожаный поясъ («чересь»).

57. *a*) Черна — дѣвушка съ «бесагой», *b*) кре-
стьянка изъ Черны, *c*) Внигово — дѣвушки въ
вѣнцахъ.

58. Колочава: *a*) дѣвушки въ вѣнцахъ,
b) замужнія крестьянки.

59. *a*) Воловое — замужняя крестьянка,
b) Черна — крестьянинъ.

60. Ива: женщина съ ребенкомъ.

61. Ива: замужняя крестьянка въ празд-
ничномъ нарядѣ.

62. Кошелево: дѣвушки.

63. *a*) Ива — головной уборъ невесты, *b*) Ко-
шелево — дѣвичья прическа.

64. Ива: невеста въ праздникъ.

65. Нижнее Селище: дѣвушки.

66. Чепцы: *a*) Быстра Верховина, *b*) Поро-
шково, *c*) Любна, *d—e*) Ужокъ, *f*) Воловецъ.

67. Вѣнцы: *a*) Воловое, *b—c*) Нересница,
d) Нягово.

68. *a—c*) Воловецъ: вышитыя нагрудники
съ дѣтскою и женскими сорочекъ.

69. *a—c*) Воловецъ: монеты изъ бисера и
стеклянныхъ бусъ.

70. *a—b*) Ясина: вышитыя «на низину» «устав-
ки» съ рукавовъ женскихъ сорочекъ.

71. *a—c*) Id.

72. *a—c*) Id.

73. *a—c*) Id.

74. *a—d*) Косовская Поляна: вышивки «на
низину» и «крестомъ» съ рукавовъ женскихъ
сорочекъ.

75. *a—d*) Коболья Поляна: вышивки «на
низину» и мелкимъ «крестомъ» съ рукавовъ
женскихъ сорочекъ.

76. *a—d*) Богданъ-на-Тиссѣ: вышитыя «на
низину» и гладью «уставки» съ рукавовъ жен-
скихъ сорочекъ.

77. «Уставки» мелкимъ «крестомъ» съ рука-
вовъ женскихъ сорочекъ: *a—d*) Ясина, *e*) Козов-
ская Поляна.

78. *a—b*) Нижній Синевиръ: вышитыя «кре-
стомъ» «заспульницы» съ рукавовъ женскихъ
сорочекъ.

79. Нижній Синевиръ: вышитыя «на просто»
«заспульницы», съ правой и лѣвой стороны, съ
рукавовъ женской сорочки.

80. *a*) Лѣпша Поляна — вышитый «на просто»
рукавъ женской сорочки, *b*) Горинчево — выш-
тый «кучерявымъ» стегомъ рукавъ женской
сорочки.

81. Нижній Синевиръ: вышитый «крестомъ»
рукавъ женской сорочки.

82. Вышитые «крестомъ» и «оплетачной» обшлага сорочекъ: а—b) Порошково, с) Турья Быстра, d) Порошково, e) Плоцкое, f—g) Голубиное.

83. а—с) Любна — вышивки чернымъ «крестомъ» съ ворота, груди и обшлага мужской сорочки, d) Порошково — вышитая «крестомъ» грудь мужской сорочки («фараметликъ»).

84. а—с) Солочино: вышивки «крестомъ» съ рукавовъ и обшлаговъ женскихъ сорочекъ.

85. а—a) Порошково: вышивки «крестомъ» и «оплетачной» съ рукавовъ женской сорочки, с—d) Голубиное — вышивки «крестомъ» съ обшлаговъ сорочекъ, e) Порошково — id.

86. Вышивки «крестомъ» съ рукавовъ женскихъ сорочекъ («напличники»): а—с) Гукливое, d) Воловецъ.

87. Вышитые «крестомъ» «напличники» женскихъ сорочекъ: а—b) Вышние Верецки, с—d) Кичурно.

88. Вышитые «крестомъ» «напличники» женскихъ сорочекъ: а) Воловецъ, b) Гукливое, с) Воловецъ, d) Абранка, e) Подобовецъ, f) Лованское, g) Гукливое.

89. а—с) Великіе Лучки: тканые ручники.

90. Вышивки «крестомъ» съ рукавовъ жен-

скихъ сорочекъ: а) Стужица, b) Люта, с) Быстра Верховина, d) Люта.

91. Вышивки «крестомъ» съ рукавовъ женскихъ сорочекъ: а) Быстра Верховина, b) Новая Стужица, с) Люта.

92. Тканые ручники: а) Нересница, b) Зарица.

93. Id.: а—b) Лованское, с—d) Колочава.

94. Id.: а—b) Великій Бочковъ, с—d) Угль.

95. Id.: а—b) Каменица, с) Невицкое («хлѣбковка»).

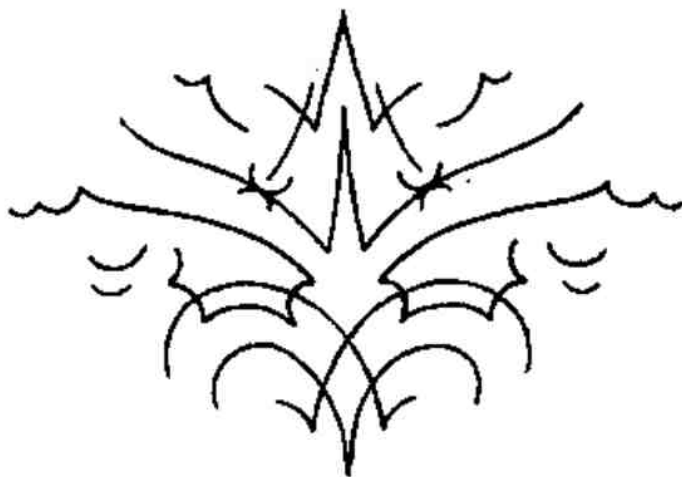
96. Округъ Ужгорода: тканая скатерть («хлѣбковка»).

97. а) Кавказскій гладкій коверъ «ягилъ», изъ г. Шуши Елизаветт. губ., b) Старый кавказскій «мафразъ».

98. Кавказскіе ковры: а) Курдскій «яманы», b) Старый кавказскій коверъ изъ г. Шуши Елизаветт. губ.

99. а—с) Русскія вышивки «вырѣзью» изъ средней Россіи.

100. а—e) Женскіе бисерные напечники изъ средней Россіи.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Введеніє	5
Рѣзьба	14
Керамика	25
Одежда и украшенія	29
Вышивки и ткани	39
Примѣчанія	49
Перечень иллюстрацій	53

*Отпечатано 300 экземпляровъ
въ Лезіографіи Раћа-Vr̂ovice Sátova 665
подъ наблюденіемъ художника А. Хвалы
Клише изготовлены фирмой
„В. Найбертъ и сыновья“
въ Прагъ*

*Права воспроизведенія
и перевода принадлежатъ издательству
„Пламя“*